

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2024. Том 76

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2024. № 76

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2024. Nr. 76

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	8
--------------------------	---

История

<i>Пашин С.С.</i> Галицкий шляхетский род Чагровских в XV в.	9
<i>Степнов А.О., Некрылов С.А.</i> Высшая школа Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний в правительственной образовательной системе поздней Российской империи	22
<i>Птицын А.Н.</i> Деятельность Л.Г. Лопатинского на Кавказе	46
<i>Суляк С.Г.</i> Служение отца Петра Антоновича в Холмщине	64
<i>Медоваров М.В.</i> «Галицко-русский вестник» как феномен российской журналистики	95
<i>Зиновьев В.П., Суляк С.Г., Семенов Ю.В.</i> Межэтническое разделение труда в Подольской губернии по данным переписи 1897 г.	117
<i>Чучко М.К.</i> Правоохоронні органи на Буковині в роки Великої війни (1914–1918)	132
<i>Ковалева Е.О.</i> Галицкая Русь в дискурсе волынской прессы в годы Первой мировой войны	176
<i>Марадик Н.В., Секели Г.Г.</i> Політична участь русинів у Словацькій народній партії Глінки в Шарисько-Земплінській жупі (1939–1945)	195

Лингвистика и язык

<i>Плишкова А., Тихвонёва А.</i> Трансформації мовного образу Русинів у «золотім віці» Андрія Бачинського	212
---	-----

Знаменитые русины

Мехоношин В.Ю.

**Влияние окружения Э. Уорхола на формирование его эстетического
вкуса 233**

Библиография

Морозов С.В.

**Рецензия на монографию М.К. Юрасова «Венгрия и русские княжества
в XII в.». Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив,
2019. 496 с. 256**

CONTENT

Editorial	8
History	
<i>Pashin S.S.</i> The Galician szlachta family of Chagrovsky in the 15th century	9
<i>Stepnov A.O., Nekrylov S.A.</i> Higher School of Little Russian, South-Western and Novorossiysk Governorates in the educational system of the late Imperial Russia	22
<i>Ptitsyn A.N.</i> Lev G. Lopatinsky and his activities in the Caucasus	46
<i>Sulyak S.G.</i> The activities of Father Pyotr Antonovich in Chełm Land	64
<i>Medovarov M.V.</i> The Galician-Russian Herald as a Phenomenon of Russian Journalism	95
<i>Zinoviev V.P., Sulyak S.G., Semenov J.V.</i> Labor interethnic division in Podolsk province according to the 1897 census ...	117
<i>Chuchko M.K.</i> Law enforcement agencies in Bukovina during the Great War (1914–1918)	132
<i>Kovaleva E.O.</i> Galician Rus in the discourse of the Volhynian periodicals during WWI	176
<i>Maradyk N.V., Székely G.G.</i> The political participation of Rusins in Hlinka's Slovak People's Party in the Šariš-Zemplín County (1939–1945)	195

Linguistics and Language

<i>Plišková A., Tyikhvonyova A.</i> The transformation of the linguistic identity of the Rusins during the “Golden Age” of Andriy Bachynskyi	212
--	------------

Famous Rusins

<i>Mekhonoshin V.Y.</i> The influence of Andy Warhol's environment on the formation of his aesthetic taste	233
--	------------

Bibliography

<i>Morozov S.V.</i> Review: Hungary and Russian Principalities in the 12th Century by Mikhail K. Yurasov. St. Petersburg: Petroglyph, Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 496 p.	256
--	------------

DOI: 10.17223/18572685/76/1

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

На сайте Scimago Journal & Country Rank (SJR) опубликованы рейтинги журналов за 2023 г. У «Русина» они следующие:

Arts and Humanities (Искусство и гуманитарные науки)

History (История) Q1

Literature and Literary Theory (Литература и литературоведение) Q1

Social Sciences (Социальные науки)

Anthropology (Антропология) Q2

Linguistics and Language (Лингвистика и язык) Q2

Sociology and Political Science (Социология и политология) Q3

См.: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100199115&tip=sid&clean=0>

В Web of Science Core Collection стали присваивать квартили гуманитарным журналам (Journal Impact Factor). «Русин» получил Q2 в категории HISTORY в Emerging Sources Citation Index (ESCI) edition. Journal Citation Indicator в категории HISTORY остался прежним: Q1.

С.Г. Суляк,
главный редактор

* * *

Dear members of the editorial board, authors and readers,

The Scimago Journal & Country Rank (SJR) has published journal rankings for 2023. *Rusin* ranks Q1 in History and Literature and Literary Theory (**Arts and Humanities**); Q2 in Anthropology and Linguistics and Language, Q3 in Sociology and Political Science (**Social Sciences**).

See: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100199115&tip=sid&clean=0>

The Web of Science Core Collection has begun assigning quartiles to journals of Humanities (Journal Impact Factor). *Rusin* ranks Q2 in HISTORY in the Emerging Sources Citation Index (ESCI) edition. The Journal Citation Indicator in the HISTORY remained Q1.

Sergey G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94(438)13:323.31(045)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/76/2

Галицкий шляхетский род Чагровских в XV в.

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет

Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается история галицкого шляхетского рода Чагровских в XV в. Первым носителем этого прозвания была шляхтянка Маргарита. Автор считает, что она была дочерью жидачовского (львовского) шляхтича русинского происхождения Данила Дажбоговича Задеревецкого – родоначальника известного рода Даниловичей. Богатства Задеревецкого основывались на земельных пожалованиях польских властей в 1371–1394 гг. Среди них были галицкие села Чагров и Загвоздье – главные владения Чагровских. Маргарита жила в конце XIV – 60-е гг. XV в. Документы и мнения историков о её происхождении и родственных связях подробно анализируются. Автор прослеживает судьбы мужей, детей и внуков Маргариты. Чагровские были состоятельной семьей, но не магнатами. В Галицкой земле XV в. большинство шляхтичей русинского происхождения были мелкими землевладельцами. Чагровские стремились породниться с социальной равней, поэтому Маргарита и её дети перешли из православия в католичество. Чагровские сравнительно часто женились на польках (выходили замуж за поляков) – шляхтичах из Галицкой или Львовской земель и к концу XV в. подверглись сильной полонизации. История рода по разным причинам закончилась в начале XVI в.

Ключевые слова: галицкие шляхтичи, генеалогия, Чагровские, XV в.

The Galician szlachta family of Chagrovsky in the 15th century

Sergey S. Pashin

Tyumen State University

23 Lenina Street, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article deals with the history of Galician szlachta family of Chagrovsky in the 15th century. The first bearer of the family cognomen was the noblewoman Margarita, who, according to the author, was the daughter to a Zhydachiv (Lviv) nobleman of Rusinian origin, Danilo Dazhbohovych Zaderevetsky, the founder of the famous Danilovich family. Zaderevetsky's wealth came from Polish land grants in 1371–1394, including the Galician villages of Chagriv and Zahvizdia, the main Chagrovsky's estates. Margarita lived in the late 14th – 1460s. The article analyses the documents and opinions of historians about her origin and family ties. The author traces the fate of Margarita's husbands, children, and grandchildren. The Chagrovskys were a wealthy family, but not magnates. In Galicia of the 15th century, the majority of Rusinian szlachta were small landowners. The Chagrovskys sought to intermarry with their social peers, so Margarita and her children converted from Orthodoxy to Catholicism. The Chagrovskys relatively often got married to the Polish szlachta from the Galicia or Lviv, and by the late 15th century they had been heavily Polonized. For various reasons, the family's history ended in the early 16th century.

Keywords: Galician szlachta, genealogy, Chagrovskys, 15th century

История галицкой шляхты XIV–XV вв. – одна из самых актуальных и малоизученных проблем российской и зарубежной украинистики. Актуальность проблемы обусловлена тем, что именно особенности развития червонорусского господствующего сословия в эпоху «польского средневековья» во многом определили своеобразие Галичины в сравнении с другими регионами Украины. Что касается слабой изученности темы, то она в немалой степени связана с состоянием источниковой базы. Главным источником сведений о галицкой шляхте, как и о шляхте других червонорусских земель, являются протоколы проходивших с 1435 г. обычно раз в месяц заседаний местных земских судов. Специфика информации, содержащейся в судебных протоколах, предопределила изучение галицкой шляхты в форме историко-генеалогических исследований отдельных шляхетских родов. Игнорирование данных генеалогии ведет к тому, что даже очень авторитетные украинские ученые (правда, никогда специально не занимавшиеся червонорусскими сюжетами) в общих фундаментальных трудах по истории Украины допускают досадные ошибки: например, называют выморочными червонорусские (в частности, галицкие) семейства, которые на самом деле никуда не исчезли, а всего лишь сменили фамильные прозвания.

Данная статья вполне могла бы иметь подзаголовок «Незнамени-

тые потомки знаменитого предка». Дело в том, что первым известным предком Чагровских был видный жидачовский шляхтич русинского происхождения Данило Дажбогович Задеревецкий. Он получал щедрые земельные пожалования от венгерской королевы Елизаветы (1371 г.), управлявшего Червонной Русью князя Владислава Опольского (1375 г.) и польского короля Владислава-Ягайло (1394 г.), а умер не ранее 1424 г., прожив более 70 лет [1].

Его единственный достоверно установленный сын Дмитрий Данилович отказался от православия и женился на польке. Внук Данила Задеревецкого Ян Данилович первым принял отчество отца в качестве фамильного прозвания: довольно редкий для Червонной Руси случай. В XVI–XVII вв. Даниловичи будут занимать высокие должности русского воеводы, великого коронного подскарбия и даже... матери польского короля Яна III Собеского (1674–1696) [11: 86–91].

Почти все пожалованные Задеревецкому сёла, дворища и монастыри находились на территории Жидачовской волости – будущего Жидачовского повета Львовской земли Русского воеводства. Единственное исключение находим в ягайловой грамоте 1394 г.: «под Галичесь Чягрово Загвоздие с манастыремъ» [3: 53–54]. Село Чагров(о) находилось в 20 км на северо-запад от Галича (до 2020 г. – Рогатинский район Ивано-Франковской области). На западе оно граничило с пожалованным Задеревецкому в том же 1394 г. приселком Колоколин. В XV в. это была граница не только между двумя сёлами, но и между Львовской и Галицкой землями. Село Загвоздь (ныне граничит с Ивано-Франковском), на левом берегу Быстрицы-Солотвинской, находилось 40 км южнее Чагорова.

В 1430-е гг. обоими сёлами владела Маргарита Чагровская. Именно эта женщина оказалась первым носителем фамильного прозвания и фактически родоначальницей Чагровских. Среди генеалогов нет единого мнения о происхождении Маргариты. А. Бонецкий в 1900 г. видел в ней внучку Данила Задеревецкого, но не рискнул даже предположить, кто был её отцом [10: 254]. Годом позже, в статье о Даниловичах, он, не упомянув Маргариту, писал о том, что, кроме Дмитра, Данило имел и других сыновей, «один из них взял по разделу Чагрово, и после него определённ пошёл Ивашко Чагровский, дядя и опекун внуков Дмитра 1462 г.» [11: 86]. О двух или даже трёх сыновьях Задеревецкого писали и другие польские историки начала XX в. [1: 397]. Л. Выростек в 1932 г. предпочёл умолчать о происхождении Маргариты Чагровской [13: 80].

На наш взгляд, Маргарита была скорее дочерью, чем внучкой Данила Задеревецкого. Основным аргументом в пользу этого является текст составленного от имени львовских земских судьи и подсудка

черновика непринятого соглашения 1462 г. между опекунами четырёх несовершеннолетних сыновей покойного Яна Даниловича и мужем его сестры Дороты, Миколаем Сенявским. Опекуны – сын Маргариты Ивашко Чагровский и, видимо, шурин Яна, львовский шляхтич Федько Рашкович – названы дядьями по отцу (*patruī*) малолетних сирот.

В этом же документе как тетка (*amita*) мальчиков упоминается Екатерина – супруга галицкого шляхтича Яна Ненчинского [4: 102–104]. Запись галицкого земского суда от 20 декабря 1463 г. сообщала о том, что Ян Ненчинский получил за своей женой Екатериной, «дочерью родовитого Дмитра с Журова», 360 гривен приданого и записал на половине своих владений 720 гривен вена [5: 285]. Отсюда следует вывод, что Екатерина и Ян Данилович были детьми Дмитра Даниловича, а все трое – вместе с Ивашко Чагровским – доводились внуками Даниле Задеревецкому.

Правда, есть одно «но»: в черновике 1462 г. Дорота Сенявская характеризуется как дочь Данила Задеревецкого [4: 103]. Опираясь на эту информацию, Л. Выростек писал о сыновьях Задеревецкого Дмитре и Яне и дочери Дороте [13: 80, 158]. Мы полагаем, что ошибались и львовский писарь XV в., и польский историк XX в.

Не убеждает и ссылка Л. Выростека на соглашение 1484 г. между сыном Яна Даниловича Дмитрием и львовским шляхтичем Прокопом Коровой о разделе владений их «дяди по матери» (*awunculi*) Павла Юрковского [4: 146–147]. Дело в том, что Дмитрий Данилович (сын Задеревецкого) был женат на неизвестной по имени сестре Павла [7: 290]. Сыном другой сестры Павла, Анны, оказался Прокоп Корава, который, действительно, был племянником Павла Юрковского. Что касается Дмитра (сына Яна Даниловича), то, по нашему мнению, Павел доводился ему двоюродным дедом, а не дядей. Если же следовать логике Л. Выростека, то придется констатировать, что этот Дмитрий был для Павла практически чужим человеком, не имевшим кровного родства с Юрковскими (племянником шурина).

7 лет спустя, в ноябре 1491 г., данное соглашение было оспорено кузеном Дмитра Даниловича (младшего) – сыном умерших к тому времени Миколая и Дороты Сенявских Дмитрием Сенявским. Ссылаясь на то, что Павел Юрковский был дядей (*awunculum*) Дороты и дедом (*preavum*) истца, Дмитрий Сенявский требовал уступки себе трети владений, доставшихся в 1484 г. Дмитру Даниловичу [7: 290]. Речь шла о том, что все трое племянников Павла Юрковского – дети его неизвестной по имени сестры (Дорота Сенявская, Екатерина Ненчинская и Ян Данилович) и их потомки (включая Дмитра Сенявского) имеют равные права на наследование его владений.

Данный эпизод из истории рода Даниловичей, думается, не оставляет сомнений в том, что Ивашко Чагровский был кузеном Яна Даниловича, а его мать Маргарита Чагровская была родной сестрой Дмитра Даниловича (старшего) и дочерью Данила Дажбоговича Задеревецкого. К этому стоит добавить и несколько хронологических ориентиров. Старший сын Маргариты Юрий Чагровский был совершеннолетним уже в мае 1437 г., а две её дочери вышли замуж не позднее 1437 и 1440 г. [5: 27, 77]. Не будет слишком смелым предположение, что Маргарита вышла замуж не позднее 1416–1418 гг., а родилась – около 1400 г. В конце XIV в. Даниле Задеревецкому должно быть около 50 лет – возраст немалый, но вполне приемлемый для отцовства.

Прежде чем говорить о мужьях и детях Маргариты Чагровской, следует сказать несколько слов о других её вероятных и спорных родственниках. К их числу мы бы отнесли Анну Загосцкую (Zagoscza) и её мужа Станислава Загосцкого. Загосцкие ровно 2 года судились с Маргаритой и в октябре 1438 г., кажется, добились своего: Анне было уплачено 100 гривен приданого, записанных на селе Загвоздь (Zagoszdye) [5: 11, 12, 16, 26, 44–45].

Тогда же, в октябре 1438 г., Анна вместе с мужем и совершеннолетним сыном Яном начала тяжбу против могущественного Теодорика Буцацкого [5: 44, 46, 53, 56]. В марте 1439 г. галицкий земский суд констатировал, что Теодорик Буцацкий на законных основаниях держит в залоге принадлежащее Загосцким село Чепелов. Чтобы вернуть село под свой контроль, Анне и её мужу достаточно вернуть долг Буцацкому. Кстати, доверенным лицом Загосцких в суде выступал их недавний оппонент Rosusch – Мартин Росуш, супруг Маргариты Чагровской [5: 62]. Перед нами – последнее упоминание Анны в исторических источниках.

Что касается Станислава, то он продолжил появляться на страницах судебных протоколов, но уже как Чепеловский (de Czerpelow) или Сновидовский (1439–1441 гг.), по названию принадлежавших ему сел [5: 64, 76, 97, 100]. Следует добавить, что под именем Theodrici de Czahrow в списке шляхтичей Галицкого повета от 28 июня 1427 г. [14: 183], скорее всего, скрывался не родственник Задеревецкого, а державший в залоге Чагров (или часть села), в первую очередь, подольский можновладец Теодорик Буцацкий.

Заслуживает внимания и протокол заседания галицкого земского суда от 21 января 1437 г. Согласно ему, Анна (зачеркнуто: Czagowska) Zagoscza к следующему заседанию должна представить свидетелей в тяжбе против Мартина Росуша [5: 16]. Вопреки мнению львовского историка права и генеалог П. Домбковского, данный текст не

позволяет называть Анну Чагровской. Тот же автор, неверно поняв содержание ещё одного дела, заслушанного 21 января 1437 г., «выдал замуж» нашу Анну за галицкого шляхтича русинского происхождения Андрея Стречона (Стжечон, Strzeczon), убитого соседом в 1427 г. [12: 147, 210], – и это при том, что, как мы видели, в 1439 г. Анна имела совершеннолетнего сына от другого, здравствующего мужа. Выскажем гипотезу, что Анна Загосцкая была дочерью рано умершего и неизвестного по имени сына Данила Задеревецкого и, следовательно, племянницей Маргариты Чагровской. Потомков Анны можно искать где угодно, но не среди Чагровских.

Упомянутых выше Стречонов связывает с Чагровскими ещё одна, гораздо более запутанная история. У убитого в 1427 г. Стречона и его жены Анны «Стречоновой» (не Чагровской) было трое сыновей, включая женившегося в 1441 г. на некоей Федьке Андрея Стречона. Этот Андрей не позднее 1470 г. выдал свою дочь Меланку (Маланку, Милохну) за стрыйского шляхтича Юрия (Юхно) Тешаровского [5: 94, 337].

По просьбе этой женщины польский король Казимир Ягеллончик трижды – в 1470, 1474 и 1476 гг. – требовал от купившего к тому времени село Загвоздьё Миколая Карнковского уплаты Меланке т. н. бабизны (*babyzna, avals, avalium*) – доли имущества, положенного шляхтянке после смерти бабушки. В качестве такой бабушки (*post avam suam germanam*) в первых двух грамотах называлась Маргарита Чагровская. После нескольких заседаний галицкого суда Миколай Карнковский в июле 1479 г. – через 9 лет после начала тяжбы – уплатил Меланке искомую (неназванную) сумму [5: 373; 9: 173, 182]. А. Бонецкий, опираясь на приведенные данные, писал о том, что супруга Андрея Стречона и мать Меланки Федька была дочерью Маргариты Чагровской [10: 254].

Автор специального очерка о Стречонах П. Домбковский по неизвестной причине проигнорировал упомянутую тяжбу. Мать Меланки у него – некая Федька, а Юрий Тешаровский – жидачовский землянин [12: 147–151]. Нам представляется, что Маргарита Чагровская не обязательно должна быть родной бабушкой Меланки, а связь истицы с Загвоздьём (а не с Чагровым) скорее указывает на родство Меланки с Анной Загосцкой. Как бы там ни было, мы не готовы признать Федьку Стречонову третьей дочерью Маргариты Чагровской.

Однако вернемся к теме статьи. Фактическая родоначальница Чагровских Маргарита была дважды замужем. Её первый муж умер ранее 1435 г., и о нём известно только фамильное прозвание: Су-роховский (*de Surohow, de Szurhow*) [5: 78, 210]. Скорее всего, это был львовский шляхтич: в записях львовского гродского суда от 26 марта 1453 г. и от 24 мая 1454 г. упоминается шляхтич Мацей

Surohowsky [6: 364, 412]. В качестве участника того же суда время от времени могли привлекать и Surohowskego плебейского происхождения [7: 10].

Надо помнить, что все пятеро детей Маргариты Чагровской были сыновьями и дочерями её первого мужа. Упомянутый в двух записях галицкого земского суда от 23 октября 1439 г., вместе с братом Юрием, Ян – это Ивашко Чагровский [5: 71]. Мнение Л. Выростека о Юрии и Яне как сыновьях Маргариты от первого брака, а Ивашко и Станчуле – от второго, не выдерживает никакой критики [13: 80].

Известный с 1435 г. второй муж Маргариты Мартин Росуш (Росуст из Славина) также был выходцем из Львовской земли, на Львовщине по-прежнему жили его братья, а сам Мартин владел как львовскими, так и галицкими сёлами. Судя по протоколам галицкого земского суда, бездетный Мартин имел исключительно деловые отношения со старшими совершеннолетними пасынками Юрием и Ивашко и нередко действовал вне связи со своей новой семьёй. Например, в октябре 1437 г. он обменял свое галицкое село Куропатники, 7 км восточнее Чагорова, на сёла Волков и Кугаевцы, недалеко от Львова (с добавлением 1 000 гривен!) [5: 3–4, 71, 163, 210]. Став видным львовским землевладельцем, Мартин во второй половине 1440-х гг. регулярно принимал участие в заседаниях львовского градского суда [6: 237, 239–240, 267, 269, 283], а умер в начале 1450-х гг. Его владения, кажется, остались в семье Росушей.

Разумеется, время от времени Мартин Росуш действовал и в общих интересах. В частности, для всех Чагровских он в октябре 1436 г. купил у Андрея Стречона за 13 коп грошей (без 1 фертона) четверть села Лучинцы и половину села Сарнек (ныне Сарники, 8 и 14 км восточнее Чагорова) [5: 11].

Маргарита Чагровская, став дважды вдовой, в 1455 г. заключила с сыновьями Ивашко и Станчулом соглашение, по которому она уступила им Чагров и Загвоздь, а те обещали давать ей до смерти *plath*. Ежегодная плата состояла в 10 гривнах деньгами, снабжении одеждой, мясом и зерном. Женщина оставила себе право проживать в Чагрове [5: 240–241]. Через 5 лет, летом 1460 г., в возрасте не менее 60 лет, Маргарита перевезла всё свое движимое имущество в близлежащий город Рогатин [5: 266], где, скорее всего, и закончила свой жизненный путь.

Маргарита имела трех сыновей и двух дочерей. Старшая дочь Елизавета первым браком вышла за галицкого шляхтича Якова Попярдовского. В мае 1437 г. Маргарита и её сын Юрий в качестве приданого записали Якову 100 гривен на селе Заболотовцы. Село находилось в залоге более 20 лет. За эти годы Елизавета схоронила

первого мужа и вышла за некоего Мартина; перейдя в католичество, стала Еленой; наконец, в феврале 1459 г. уступила село Borys(z)lavicz alias Zablothowcze, «которое она держала от матери и братьев», родному брату Ивашко [5: 27, 95, 99, 250, 260, 264, 437]. Впрочем, часть села всё же оставалась в руках её новых родственников и в 1470–1490-е гг. [9: 207, 214, 221, 288].

Вторая дочь Настасья не позднее февраля 1440 г. вышла за этнического поляка, львовского шляхтича Навоя Лабанту. В счёт приданого пан Лабанта ровно 20 лет, вплоть до уплаты ему в июле 1460 г. братьями Настасьи 100 гривен, держал в залоге принадлежащую Чагровским часть села Сарнек [5: 77, 266].

Сыновьями Маргариты были Юрий, Ивашко и Станчул. Юрий с 1437 г. до 1440 г. активно участвовал в большинстве семейных предприятий, однако исчез со страниц галицких книг после июня 1440 г. [5: 27, 71, 77, 78, 88].

Станчул – галицкие записи порою вместо этого молдавского имени называют младшего Чагровского Станиславом – по разделу 1455 г. со старшим братом Ивашко получил Загвоздь и 120 гривен доплаты, несколько лет сдавал село в аренду разным шляхтичам, в 1460 г. продал Загвоздь с приселками Пасечное и Монастырь за 350 гривен галицкому старосте Станиславу Одровонжу, после чего больше нигде не упоминается [5: 240–241, 246, 256, 258, 270]. Судя по имеющимся источникам, и Юрий, и Станчул никогда не были женаты.

Единственный продолжатель рода Чагровских Ивашко не позднее 1445 г. женился на галицкой шляхтянке Анне, за которой только осенью 1457 г. получил скромные 30 гривен приданого [5: 144, 252]; в 1440-е гг. сменил старшего брата при решении касающихся семьи финансовых вопросов [5: 191, 210, 225, 228], по разделу 1455 г. стал единственным владельцем Чагорова [5: 240–241].

В 1460-е гг. он, кроме того, владеет куплями Чагровских – частями сел Лучинцы, Сарнек и Заболотовцы, а также какое-то время является опекуном несовершеннолетних шляхтичей: своих племянников и соседей Даниловичей (1462 г.) и просто соседей – сыновей покойного Проца Васичинского (1469 г.) [4: 102–104, 117–118]. Подобного доверия мог удостоиться только уважаемый земляками шляхтич. После достижения совершеннолетия владелец Колоколина, Джурова и Михайловцев (ныне Журов и Подмихайловцы) Дмитрий Данилович станет ближайшим соседом Чагровских, несмотря на формальную принадлежность к жидачовской (львовской) шляхте.

Умерший в 1475 г. Ивашко Чагровский имел трех сыновей (Бартоломея, Юрия и Михаила) и несколько дочерей, из которых известна только вышедшая за львовского шляхтича Добеслава Высоцкого Анна.

Пан Высоцкий получил 150 гривен приданого много лет спустя после женитьбы, в январе 1496 г. [7: 330].

В марте 1475 г. по семейному разделу старшие братья Бартоломей и Юрий получили по половине Чагрова, а Михаил – село Лучинцы с пустошью Загорье. Заболотовцы и, возможно, Сарнек остались под контролем старших Чагровских с условием, что они обеспечат содержание, а потом и приданое всем сёстрам [5: 365–366].

Михаил Чагровский, «дедич Лучинцев», в июле 1479 г. получил 50 гривен приданого за дочь лвовского шляхтича Сигизмунда Калишенского [9: 182], в 1480-е гг. проживал в Лучинцах [9: 256, 257], а в начале 1490-х гг., по-видимому, переселился в Львовскую землю: в 1492, 1494, 1495, 1497, 1502 гг. его можно встретить на заседаниях лвовского, а не галицкого суда. После июня 1502 г. его следы теряются [7: 295, 326, 328, 335; 8: 478].

Новый глава Чагровских Бартоломей не позднее апреля 1475 г. женился на соседке и матери недавних подопечных своего отца Маргарите Васичинской, однако умер бездетным через несколько лет. В мае 1482 г. Юрий Чагровский судился с дважды вдовой из-за золота, серебра, лошадей и другого движимого имущества покойного брата [9: 231, 300].

Сам Юрий с середины 1470-х гг. был женат на галицкой шляхтянке, этнической польке Елизавете Бышовской. В декабре 1485 г. она за 120 гривен купила у своих брата и сестёр их части села Сарнек. Юрий здравствовал ещё в январе 1488 г., а в сентябре 1493 г. Елизавета уже в качестве состоятельной вдовы получала в управление небольшое село под залог 70 гривен [9: 201, 212, 233].

После смерти бездетного Юрия все владения Чагровских – Чагров, Лутковцы, Сарнек и Заболотовцы, по-видимому, наследовал Михаил Чагровский. Доступные нам опубликованные червонорусские источники XVI–XVII вв. игнорируют не только Михаила Чагровского, но и всех Чагровских. Как известно, галицкие суды в мае 1497 г. прервали свою работу на 15 лет. Многолетняя череда татарских, турецких и молдавских набегов на Червонную Русь не способствовала развитию местного судопроизводства.

В налоговом реестре Галицкой земли 1515 г. отсутствуют Чагров и близлежащие села, включая окрестности Рогатина. Однако в одновременном реестре Жидачовского повета около десятка сёл на расстоянии 5–25 км от Чагрова сопровождаются пояснениями типа «опустошено татарами», «сожжено валахами», «сначала валахами и ныне татарами опустошены» [15: 166]. Чагров, скорее всего, постигла та же участь.

Согласно налоговому реестру Галицкой земли 1578 г., Чагровым в равных долях владели семьи Скотнических и Пекарских. Скотнички принадлежала и значительная часть Сарников [15: 87, 92]. Мы допускаем, что род Чагровских пресекся из-за похода молдавского войска на Червонную Русь летом 1509 г. Во время этого похода молдавский господарь Богдан III «пришёл под Рогатин, и Рогатин сжёг, и забрал очень много сокровищ, людей и всякой добычи» [2: 121]. Среди убитых или пленников вполне могли оказаться члены семьи Михаила Чагровского.

Подведём итоги. Знакомство с историей одного шляхетского семейства не позволяет сделать далеко идущие выводы. Более уместно, в духе основоположников Школы «Анналов», заняться постановкой проблем и выработкой гипотез. История Чагровских не предполагает простого ответа на вопрос: кто такие галицкие шляхтичи русинского происхождения – потомки древнерусских бояр или целиком порождение польского периода червонорусской истории? Скорее следует писать о тесном переплетении этих двух факторов.

Следующее, что привлекает внимание – это приданое в 100 гривен за невестами из дома Чагровских. Перед нами – состоятельная семья, можно сказать, классическая средняя шляхта. Галицкая земля XV в. – это край możnowładców и мелких землевладельцев, поэтому представители местной средней шляхты в поисках социальной равни нередко готовы породниться с жителями других червонорусских земель. Ради браков с католиками шляхтичи-русины мужского и женского пола сравнительно легко отказываются от православия и подвергаются постепенной полонизации, причём без каких-либо насильственных действий со стороны польских властей.

Наконец, вновь приходится сталкиваться с воздействием опустошительных татарских, турецких и молдавских набегов рубежа XV–XVI вв. на судьбы галицкой шляхты. Невольно напрашивается очередной вопрос: в какой степени шляхетское население Галицкой земли XVI в. было наследником галицкой шляхты XV столетия? Ответ на этот вопрос может дать только историко-генеалогическое изучение большинства местных шляхетских родов.

Список сокращений

AGZ - Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капраль М.* Данило Дажбогович Задеревецький – засновник роду Даниловичів // Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смоля: у 2 кн. Київ: Інститут історії України НАН України, 2020. Кн. 1. С. 389–402.
2. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / сост. Ф.А. Грекул; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1976. 152 с.
3. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.
4. AGZ. We Lwowie: Z drukarni narodowej W. Manieckiego, 1878. T. VII / wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 326 s.
5. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1887. T. XII / wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.
6. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1889. T. XIV / wyd. O. Pietruski, X. Liske. XVII, 635 s.
7. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1891. T. XV / wyd. X. Liske. XIV, 720 s.
8. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1901. T. XVII / wyd. A. Prochaska. LVIII, 660 s.
9. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. T. XIX / wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.
10. *Boniecki A.* Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie Warszawa, 1900. T. III. 388 s.
11. *Boniecki A.* Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie Warszawa, 1901. T. IV. 400, IV s.
12. *Dąbkowski P.* Zwierciadło szlacheckie. Lwów: Wschod. Wydawnictwo do dziejów i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1928. IV, 216 s.
13. *Wyrostek L.* Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego, 1932. 192 s.
14. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku / opr. O. Halecki // Archiwum komisji historycznej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności Skład główny w księgarni G. Gebethnera i sp. w Krakowie, Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1919. T. XII. Cz. I. S. 146–218.

15. Źródła dziejowe. Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. T.XVIII. Cz. I / Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / opis. przez A.Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B) s.

REFERENCES

1. Kaprał, M. (2020) Danilo Dazhbogovich Zaderevets'kiy – zasnovnik rodu Danilovichiv [Danylo Dazhbohovich Zaderevetsky – founder of the Danilovich family]. In: Boryak, G. (ed.) *Academia. Terra Historiae. Studii na poshanu Valeriya Smoliya* [Academia. Terra Historiae. Studies in honor of Valery Smoliy]. Vol. 1. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. pp. 389–402.
2. Grekul, F.A. (ed.) (1976) *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavic-Moldavian Chronicles of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian Charters]. Vol. 1. Kyiv: Kiev-Pechersk Dormition Lavra.
4. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1878) AGZ. Vol. 7. Lwów: Z drukarni narodowej W. Manieckiego
5. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. 12. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.
6. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1889) AGZ. Vol. 14. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.
7. Liske, X. (ed.) (1891) AGZ. Vol. 15. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.
8. Prochaska, A. (ed.) (1901) AGZ. Vol. 17. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.
9. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. 19. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.
10. Boniecki, A. (1900) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. 3. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.
11. Boniecki, A. (1901) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. 4. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.
12. Dąbkowski, P. (1928) *Zwierciadło szlacheckie*. Lwów: Wschod. Wydawnictwo do dziejow i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej.
13. Wyrstek, L. (1932) *Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej*. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego.
14. Halecki, O. (ed.) (1919) Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku. *Archiwum komisji historycznej*. 12(1). pp. 146–218.
15. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. 18(1). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Россия).

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia).

E-mail: pashin-s@yandex.ru

УДК 94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/3

Высшая школа Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний в правительственной образовательной системе поздней Российской империи*

А.О. Степнов¹, С.А. Некрылов²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторское резюме

На основе опубликованных и архивных статистических материалов, источников личного происхождения характеризуется роль и место комплекса высшего образования Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний в образовательной системе поздней Российской империи. Подчёркивается, что национальный вопрос не играл важной роли в жизни вузов региона вплоть до начала Первой мировой войны, а заметный в современной научной литературе акцент на нём (применительно даже к началу XIX в.) обусловлен скорее дальнейшим развитием региона как уже самостоятельной республики, типичным удревнением национальной истории. Вместе с тем выявленные тенденции в динамике развития высшей школы региона обнаруживают определённый потенциал национальных обид, который дал о себе знать уже на закате империи. Эти тенденции – превышение доли преподавательского кадрового и студенческого ресурса многих высших учебных заведений региона над долями финансовых расходов, рассчитанных применительно к их разным видам и в зависимости от их ведомственной принадлежности. Накапливавшийся потенциал национальных обид подтверждается и личными свидетельствами современников, несмотря на то что в сравнении с другими регионами империи (Сибирь, Дальний Восток, Урал, Кавказ, Центральная Азия, Северо-Западные губернии) Малороссийские, Юго-Западные и Новороссийские губернии занимали исключительно привиле-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

гированное положение в образовательной системе страны, а количество студентов на 100 тыс. жителей в них с 1897 по 1913 г. стабильно превышало аналогичный показатель по империи в целом. Профессорско-преподавательское сообщество региона, однако, в отличие от студенчества, политические выступления которых по мере приближения к 1917 г. были всё ближе к национальным требованиям, к началу XX в. заслужило репутацию «правого», чем заметно отличалось от коллег из Москвы и Петербурга (Петрограда). По этой причине наметившийся уже после февраля 1917 г. тренд к «украинизации» региона (в частности, и его высшей школы) воспринимался местными учеными по преимуществу критически.

Ключевые слова: высшая школа, студенчество, профессура, Российская империя

Higher School of Little Russian, South-Western and Novorossiysk Governorates in the educational system of the late Imperial Russia*

Alexei O. Stepnov¹, Sergei A. Nekrylov²

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Abstract

Drawing on published and archival statistical materials and memoirs, the authors describe the role and place of higher education of Little Russian, Southwestern, and Novorossiysk Governorates in the educational system of the late Imperial Russia. As the authors point out, the national question did not play an important role in regional universities until the beginning of the First World War, while its key position in the modern academic literature, even in the early 19th century, has been due rather to the further development of the region as an independent republic, a typical strive for tracing their origin to older times. Yet, the identified trends in the dynamics of higher education development in the regions demonstrate a potential for national grievance during the Imperial decline. In particular, it was the excess of the proportion of faculty

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

and students in many higher educational institutions of Little Russian, South Western and Novorossiysk Governorates over the proportion of financial expenses calculated in relation to their different types and depending on their departmental affiliation. The accumulating potential of national grievances is confirmed by personal testimonies of contemporaries, though in comparison with other regions of the Empire (Siberia, the Far East, the Urals, the Caucasus, Central Asia, and the Northwestern Governorates), the region under study rated high in the country's educational system. The number of students per 100,000 residents of the Little-Russian, South-Western, and Novorossiysk Governorates from 1897 to 1913 consistently exceeded that for the Empire as a whole. The regional faculty, however, unlike the students, whose political actions were getting closer to national demands as 1917 approached, had earned a reputation as "right-wing" by the early 20th century, which markedly distinguished it from their colleagues from Moscow and St. Petersburg (Petrograd). For this reason, the trend towards the "Ukrainization" of the region (in particular, its higher education) that emerged after February 1917 was questioned by local scholars.

Keywords: higher education, students, faculty, Russian Empire

Малороссийские, Юго-Западные и Новороссийские губернии традиционно выделялась на карте высшего образования Российской империи. Обусловлено это как негативными факторами воздействия политики центра, так и позитивными. Но внятно систематизировать эти особенности проблематично. В обобщающих, и прежде всего нередко считающихся уже классическими, трудах по истории высшей школы России на разных этапах предпочтение отдается большим нарративам, в которых не всегда чётко выделяется региональная специфика, тем более на длительной исторической дистанции (см.: [4; 19; 35; 36]). Между тем в огромном образовательном пространстве императорской России мы имеем дело с широким разнообразием. Юбилейные исторические издания, посвящённые старейшим вузам в Харькове, Киеве, Одессе и других городах, содержат весьма ценный исторический материал, почерпнутый в первую очередь из местных архивохранилищ, доступ к которым в данный момент затруднён (см.: [33; 34; 38; 39]). Однако эти издания не дают базовых представлений о развитии высшей школы региона в целом, в присущем для этого жанра духе концентрируют внимание читателя на парадной стороне, купируют или искажают нежелательные в контексте той или иной общественно-политической ситуации события, деятельность тех или иных персон.

Развитие университетов и прочих типов высших учебных заведений по-прежнему остаётся на периферии крупных исследований,

посвящённых истории Украины; оно заслонено более масштабными событиями политической, религиозной жизни региона, социальной и экономической его истории. Вместе с тем проблематика нациестроительства, характерная для исследований П. Магочего, А.И. Миллера, С. Плохия, Т.Г. Таировой-Яковлевой, А.В. Шубина, У. Аллена и ряда других авторов, красной нитью проходит через развитие научно-образовательной системы Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний по крайней мере со времён Первой мировой войны, а во многих аспектах и в более ранние периоды. Больше того, два этих проблемных блока (нациестроительство и высшая школа) тесно спаяны, связаны взаимовлиянием, на что будет обращено внимание в настоящей работе. Динамика образовательного, педагогического кадрового и студенческого потенциала региона и некоторые психологические аспекты, сопутствовавшие этому, помогут отчасти прояснить этот вопрос.

В 1805 г. был открыт университет в Харькове; у его истоков стоял учёный и просветитель В.Н. Каразин. В посвящённой истории Украины литературе порой акцентируются сюжеты, связанные со значением этого университета как центра разработки «исторического прошлого украинского народа» с самого начала его работы [11: 239]. Левобережье, подчеркивает С. Плохий, «подарило всей Украине ключевой исторический миф, культурную традицию и литературный язык – необходимые компоненты создания современной нации» [21: 225]; к 1820-м гг., по мнению П. Магочия, Императорский Харьковский университет (ИХУ) стал центром «украинского культурного возрождения» [40: 358]. Университеты действительно в XIX в., как и в более ранние периоды, во многом концентрировали свою научную и просветительскую деятельность на местной культуре. Однако сводить значение того же Харьковского университета к этой функции на начальном этапе его развития и тем более говорить о «национальном возрождении», с нашей точки зрения, не совсем корректно. Более взвешенной является оценка А.И. Миллера, который охарактеризовал Харьковский университет 1820–1830-х гг. как «центр развития малорусского романтического украинофильства» [14: 55]. Важно даже не то, что численность и влияние студенческого и преподавательского состава Харьковского университета были тогда ограниченными, а то, что в замыслах самих местных создателей университета мотивы, хотя бы отдалённо напоминающие «украинское национальное возрождение», отсутствовали.

Харьковский университет – детище эпохи реформ Александра I. По свидетельству А.И. Герцена, В.Н. Каразин мечтал сделать это высшее учебное заведение центральным «не только всей Малороссии, но

и юго-западных славян и даже греков» (цит. по: [19: 207]). В подготовленном В.Н. Каразиным проекте устава университета акцент делался, отчасти в противовес модели германских университетов, на практической подготовке студентов для общественной и государственной службы; предназначался университет для юношей не только Харьковской, Новороссийской, Полтавской, Черниговской, но и Курской, Орловской и Воронежской губерний [Там же: 208, 211].

Более выражен национальный вопрос в случае с Императорским университетом Св. Владимира (Киевским; далее – ИУСвВ), основанным в 1833 г. на базе переведённого в Киев из Кременца Волынского лицея и открытым в 1834 г. Это обусловлено самим контекстом его создания – Польским восстанием 1830–1831 гг. и закрытием на фоне этого Виленского университета в 1832 г. Другой контекст создания ИУСвВ – сокращение в условиях расширения границ Российской империи доли славянского (к середине XIX в. сократилась до 68 % по сравнению с концом XVIII в. – 84 %), в частности, великорусского населения – до 46 % к середине XIX в. [15: 96]. Концепция триединой большой русской нации в середине 1830-х гг. всё еще выглядит как надёжная опора во взаимодействии с непростым внутренним соседом – поляками. Петербургские сановники принимали решение о создании университета в Киеве «для соединения польского юношества с русским», сближения первого с русскими традициями [20: 218].

Уже в 1840-е гг. эта уверенность натолкнулась на непредвиденный фактор – научную и просветительскую деятельность вдохновлённых традициями европейского романтизма молодых сотрудников университетов. Костяк созданного в 1846 г. Кирилло-Мефодиевского общества (братства) составили преподаватели ИУСвВ и ИХУ. С одной стороны, считается, что они превратили «украинофильство» в национальную идеологию [14: 55], а с другой – именно бурная, непропорциональная масштабам события правительственная реакция на их деятельность, кажется, во многом создала предпосылки для этого. «Строжайший обыск» был проведён в 1847 г. на квартирах подозреваемых членов Общества. В их числе был принятый недавно в ИУСвВ, «в виде опыта на один год», на должность некласного художника Т.Г. Шевченко [8]. Последовавший разгром Общества стал в дальнейшем едва ли не системообразующим сюжетом в истории формирования национального самосознания современной Украины.

Согласно Эмсскому указу 1876 г., был «закрыт на неопределенный срок» созданный незадолго до этого, но уже успевший организовать сбор местных этнографических и фольклорных материалов Киевский (Юго-Западный) отдел Русского географического общества.

Тогда же М.П. Драгоманов (некоторое время преподавал в ИУСвВ) и П.П. Чубинский (глава Юго-Западного отдела) лишились возможности работать в этом регионе. Не только преподаватели, но и студенты местных высших учебных заведений впоследствии оказались под подозрением местных и центральных властей. Так, например, в докладной записке по итогам расследования в 1860 г. деятельности «тайного общества» студентов ИУСвВ и ИХУ особо подчеркивалось их стремление к распространению «воззваний к простому, преимущественно малороссийскому, народу на его наречии» [6: 27]. Границы между национальными притязаниями и-народническими и социал-демократическими воззрениями порой были размытыми, и приведённый пример – не единственный. Хотя в целом на протяжении всего позднеимперского периода нелегальная активность студентов, в первую очередь Киева, Харькова, Одессы (главные волны протеста – конец 1870-х гг., общероссийская студенческая забастовка 1899 г., революция 1905–1907 гг.; множество менее масштабных студенческих протестов происходило и в промежутках между этими волнами), шла в русле общероссийских политических выступлений учащейся молодёжи.

На фоне раскалённой политической конъюнктуры и опасений Петербурга относительно роста местных национальных настроений, как ни странно, во второй половине XIX – начале XX в. в Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерниях расширялась сеть не только частных и общественных, но и правительственных высших учебных заведений, которые добавились, кроме уже названных ИХУ и ИУСвВ, к старейшему высшему учебному заведению – Киевской духовной академии, а также Нежинскому юридическому лицей (с 1875 г. – Нежинский историко-филологический институт князя И.А. Безбородко (НИФИ)). В 1865 г. в Одессе был открыт Императорский Новороссийский университет (ИНУ), в 1873 г. – Ветеринарный институт в Харькове (ХВИ), в 1885 г. – Харьковский практический технологический институт (далее – ХТИ; третий в империи технологический институт (по виду) после Санкт-Петербургского технологического института и Московского технического училища (МТУ)). В 1898 г. Киев стал одним из немногих городов страны (наряду с Варшавой и Санкт-Петербургом (институт открыт в 1902 г.); к тому времени уже функционировал политехникум в Риге), где началась апробация новаторской на тот момент модели высшего политехнического образования. В 1899 г. было открыто Екатеринославское высшее горное училище (с 1912 г. – Горный институт (ЕГИ)).

Правительственные высшие учебные заведения Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний отличались по научно-

образовательному потенциалу, численности и качеству студенческого и профессорско-преподавательского состава, характеру обучения, влиянию на культурную жизнь региона. Так, например, НИФИ характеризовался немногочисленным преподавательским и студенческим составом, вплоть до начала XX в. был закрытым учебным заведением. Харьковский ветеринарный институт, по оценке А.Е. Иванова, не в полной мере отвечал качественным характеристикам высшего учебного заведения – профессора и доценты в нем избирались из числа магистров ветеринарии, а не докторов медицины, к поступающим предъявлялись пониженные требования, невелик был студенческий контингент, финансирование – скромным [4: 91–93].

Особый случай – Киевский политехнический институт императора Александра II (КПИ). От технологических по виду политехнические институты отличала более чем двухфакультетная система, профильная подготовка инженеров с учетом дифференциации отраслей промышленности, гибкая реакция на запросы промышленно-предпринимательских кругов, ориентация на западный опыт в области высшего технического образования (см.: [Там же: 58–61]). В отличие от университетов и почти всех прочих высших учебных заведений (подведомственных Министерству народного просвещения (МНП)) политехникум в Киеве, как и институты в Варшаве и Петербурге, а впоследствии и Новочеркасске, находился в ведении департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (МФ), а с 1905 г. – в ведении образованного тогда Министерства торговли и промышленности (МТиП).

Еще в 1872 г. в Киеве были открыты одни из первых в стране Высшие женские курсы (КВЖК), но в 1886 г. их деятельность приостановлена, возобновлена в 1906 г. на фоне либерализации, связанной с событиями революции 1905–1907 гг. Тот период – расцвет неправительственной (общественной и частной) высшей школы, и значительная часть таких учебных заведений открывалась в городах Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний. К 1914 г. это были инженерно-промышленные (Киевский коммерческий институт, Екатеринославский политехнический институт, Высшие коммерческие курсы Харьковского купеческого общества), медицинские (Киевский и Харьковский женские ме институты, Одесские высшие женские ме курсы), педагогические (Женский Фрёбелевский институт и общеобразовательные вечерние женские курсы А.В. Жикулиной в Киеве) и университетского типа (КВЖК, Харьковские и Одесские высшие женские курсы) высшие учебные заведения, многие из которых к тому времени были признаны таковыми на правительственном уровне.

К 1913 г. эти учебные заведения образовывали один из наиболее масштабных региональных научно-образовательных конгломератов в

империи: 3 из 10 императорских университетов (в 1907 г. – 3 из 9), 1 из 4 подведомственных МТИП политехнических институтов (Донской политехнический институт в Новочеркасске был основан в 1907 г.), 1 из 5 подведомственных МНП инженерно-промышленных институтов (учреждённому в 1896 г. Томскому технологическому институту еще до его открытия в 1900 г. был придан характер политехнического с сохранением старого названия; подведомствен, однако, в отличие от политехнических институтов, он был МНП (как и Рижский политехникум); в дальнейших расчетах мы всё же будем придерживаться ведомственных категорий, а не только видов вузов (это связано с характером статистических сборов в позднеимперское время)), 1 из 2 горных и 1 из 4 ветеринарных институтов. Хотя регион по научно-образовательному потенциалу уступал двум столицам (в частности, отсутствовали высшая военная школа, сельскохозяйственная), не будет преувеличением сказать, что в ряду других регионов он занимал исключительное положение: на всю Сибирь и Дальний Восток в 1913 г. приходилось всего 4 высших учебных заведения (Университет, Технологический институт и Сибирские высшие женские курсы в Томске, Восточный институт во Владивостоке); на Урале, Кавказе, в Центральной Азии и белорусских губерниях фактически не было ни одного.

Представление о правительственном комплексе высшего образования рассматриваемого региона можно составить по данным о расходах на его содержание (табл. 1).

Таблица 1

Доля расходов (из сумм, отпускаемых государственным казначейством, а также из специальных средств) на содержание правительственных высших учебных заведений Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний относительно расходов соответствующих видов и ведомственных категорий школ¹ [23: 20–21, 32–33, 36; 24: 20–21, 32–33, 37; 29: VIII, X–XI; 30: VI–VII]

Название вуза	1907 г.		1913 г.	
	Абс., руб.	%	Абс., руб.	%
Императорские университеты				
ИХУ	827 732	9,7	858 843	8,1
ИУСвВ	794 210	9,3	832 272	7,8
ИНУ	834 657	9,8	779 014	7,3
Итого	2 456 599	28,8	2 470 129	23,2
Технологические институты (а также МТУ и РПИ)				
ХТИ	370 950	15,3 ²	390 351 ³	16,2
Политехнические институты				
КПИ	565 067	36,8	409 250	22,6
Горные институты				
ЕГИ	–	–	157 495	40,3
Ветеринарные институты				

ХВИ	105 231	33,3	161 803	37,5
-----	---------	------	---------	------

За рассмотренный период абсолютное финансирование увеличилось почти во всех местных высших учебных заведениях за исключением ИНУ и КПИ. Однако увеличение это значительным не было.

Сокращение относительной доли расходов на местные императорские университеты в целом и каждый из них в отдельности связано с учреждением в 1907 г. и открытием в 1909 г. Николаевского университета в Саратове. С одной стороны, расходы на содержание Саратовского университета в 1913 г. (368 730 руб.) уступали и Харьковскому, и Киевскому, и Одесскому университетам, а с другой – этот разрыв не выглядит столь значительно, принимая во внимание, что вплоть до 1917 г. приволжский университет действовал в составе одного медицинского факультета, в то время как ИХУ, ИУСВВ и ИНУ имели все четыре предусмотренные университетским уставом 1884 г. факультета (медицинский, физико-математический, юридический, историко-филологический).

Уступал Киевский университет Саратовскому и по внешнему и внутреннему убранству своего архитектурного ансамбля, и по материально-технической базе. Профессора и прочие члены преподавательского состава ИУСВВ, которые в 1915 г. были временно эвакуированы в Саратов (за исключением медицинского факультета), смогли в этом убедиться. Правовед и философ Е.В. Спекторский, с 1914 г. – профессор Киевского университета, вспоминал: «Местный университет (Саратовский. – А.С., С.Н.)... помещался в четырех зданиях с такими роскошными амфитеатрами, что в сравнении с ними моя киевская четырнадцатая аудитория показалась мне сараем» [28: 225–226]. То же впечатление сложилось у другого профессора ИУСВВ – медиевиста Н.М. Бубнова: «Архитектура зданий медицинского факультета (Саратовского университета. – А.С., С.Н.) и оборудование их представляли собой последнее слово строительного искусства и медицинской техники... Немудрено, что в этом отношении Саратов решительно побивал старые университеты вроде Московского, Петроградского, Киевского и др.» [1: 233].

Тот же Е.В. Спекторский, ранее преподававший в Варшавском университете, отмечал в мемуарах: «К моему изумлению, Киевский университет оказался беднее Варшавского. Кредиты на выпуск книг и на печатание ученых трудов были меньше... В некоторых лабораториях зимой замерзали реактивы, и можно было работать только в варежках и валенках... Совершенно устарел анатомический институт. Клиники портили ботанический сад и были слишком

малы... Библиотека помещалась в анфиладе залов, которые могли радовать взор эстетов. Но они приводили в ужас знатоков, особенно своими железными печами и коленчатыми трубами для отопления» [28: 222–223]. Медицинские факультеты, наряду с юридическими, в рассматриваемое время – самые массовые по студенчеству и преподавателям; историко-филологические, как правило, напротив, были самыми малочисленными.

Ещё в конце XIX в. ИУСвВ ежегодно тратил на содержание и пополнение своих вспомогательных учреждений около 100 тыс. руб. Эта сумма распределялась на 49 учреждений, 40 тыс. из нее, однако, уходило на содержание четырёх факультетских клиник. Ходатайства о дополнительных ассигнованиях хотя и поддерживались МНП, но нередко блокировались министром финансов [27: 30]. В 1913 г. для постройки новых зданий анатомического театра и прочих учебно-вспомогательных учреждений ИУСвВ был даже поставлен вопрос о продаже университетской усадьбы [2: 56–57].

Значительное сокращение доли расходов на КПИ обусловлено открытием Политехнического института в Новочеркасске, хотя Киевский политехникум, по свидетельствам современников, назвать отсталым было нельзя. Д.И. Менделеев, назначенный в 1903 г. представителем МФ на окончательных испытаниях студентов выпускных курсов КПИ, делился своими впечатлениями: «...я видел большинство лучших лабораторий Западной Европы, не говоря уже о русских лабораториях высших учебных заведений, и считаю, что лаборатории, кабинеты и мастерские Киевского политехникума выделяются между всеми мною виденными не только современностью и богатством обзаводства, но и обширностью и совершенством приспособлений, назначенных для студенческих упражнений, что особенно примечательно» [12: 159]. Инженер С.П. Тимошенко, который в 1906 г. начал свою работу в КПИ в качестве преподавателя, свидетельствовал, что отведённая ему лаборатория по испытанию механических свойств строительных материалов была «недурно снабжена» главным образом швейцарскими машинами и измерительными приборами. Лаборатория использовалась не только для студенческой практики, но и для выполнения правительственных заказов. Именно в Киеве С.П. Тимошенко разработал свой курс сопротивления материалов, который в дальнейшем был переведён на несколько языков и использовался в европейских и американских вузах [32: 107, 109].

Оценка доли расходов на высшие учебные заведения Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний была бы некорректной без учёта преподавательского и студенческого

состава вузов региона. Результат получился довольно разнородным (табл. 2).

Таблица 2

Доля наличного учебного персонала (включая внештатных сотрудников) правительственных высших учебных заведений Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний относительно общего числа преподавательских кадров соответствующих видов и ведомственных категорий школ [23: 2–3, 22–23, 34; 24: 2–3, 22–23, 34; 29: XII; 30: XII]

Название вуза	1907 г.		1913 г.	
	Абс., чел.	%	Абс., чел.	%
Императорские университеты				
ИХУ	238	11,2	270	10,7
ИУСвВ	222	10,5	256	10,2
ИНУ	166	7,8	252	10
Итого	626	29,5	778	30,9
Технологические институты (а также МТУ и РПИ)				
ХТИ	68	16,3 ²	70	15
Политехнические институты				
КПИ	118	46	128	24,5
Горные институты				
ЕГИ	–	–	40	31,7
Ветеринарные институты				
ХВИ	30	32,6	44	34,1

С одной стороны, доля расходов на все императорские университеты в целом и почти каждый из них в отдельности (за исключением ИНУ в 1907 г.), как и на Политехнический институт в Киеве, была ниже долей от общего контингента учебного персонала вузов соответствующего вида и ведомственной принадлежности. С другой стороны, в случае с Технологическим и Ветеринарным институтами в Харькове эти доли приблизительно соответствуют друг другу (при этом доля расходов на ХВИ по отношению к расходам на все ветеринарные институты империи в 1913 г. была на 3,4 % больше, чем доля его учебного персонала среди заведений этого вида). И только доля расходов на ЕГИ в 1913 г. заметно превышала долю как его учебного персонала, так и студенческого контингента (табл. 3) относительно совокупных показателей двух единственных горных институтов империи.

Таблица 3

Доля студентов правительственных высших учебных заведений Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний относительно общего студенческого контингента соответствующих видов и ведомственных категорий школ [4: 64; 23: 7, 25, 34; 24: 7, 25, 35; 29: XIII; 30: XIII]

Название вуза	1907 г.		1913 г.	
	Абс., чел.	%	Абс., чел.	%
Императорские университеты				
ИХУ	4 295	12,1	3 216	9
ИУСвВ	3 895	11	4 919	13,8
ИНУ	2 882	8,1	2 058	5,8
Итого	11 072	31,2	10 193	28,6
Технологические институты (а также МТУ и РПИ)				
ХТИ	1 121	13,4 ²	1 494	15,4
Политехнические институты				
КПИ	1 754	40,6 ⁴	2 329	23,2
Горные институты				
ЕГИ	185	20,3	466	30,7
Ветеринарные институты				
ХВИ	554	38,6	500	28,9

Как и в случае с преподавательским кадровым потенциалом, количество студентов местных императорских университетов и КПИ в долевым отношении превосходило расходы на них опять же за исключением ИНУ в 1913 г., что связано с заметным снижением его студенческого состава с 1907 по 1913 г.⁵ В литературе отмечается, что, несмотря на увеличение количества студентов в Одесском университете с 1901 по 1914 г. в 3 раза, штаты вуза остались неизменными [39: 35]. Действительно, в 1901 г. общее число студентов ИНУ составляло 1 116 [10: 122], а в 1913 г., несмотря даже на снижение после 1908 г., – 2 058 (см. табл. 3). В 1901 г. штатный персонал Одесского университета составлял 64 единицы (1 профессор богословия, 38 ординарных профессоров, 15 – экстраординарных, 4 прозектора, 2 помощника прозектора, 4 лектора) [22: 6–7], а к 1913 г. сократился до 57. Но при этом общее число учебного персонала (включая внештатных сотрудников) ИНУ с 1907 по 1913 г. возросло (см. табл. 2).

В ХТИ наблюдалась обратная связь: доля студентов уступала доле расходов на это учебное заведение относительно, подчеркнем это еще раз, всех технологических институтов империи, а также РПИ и МТУ. Говоря о ХВИ, следует подчеркнуть смешанный тренд: в 1907 г. в нём обучалось 38,6 % от всех студентов ветеринарных институтов при меньшей доле расходов (33,3 %), а в 1913 г. второй долевым показатель уже на 8,6 был выше первого. Заметим, что снижение доли студентов ХВИ за рассматриваемый период не сопровождалось абсолютным снижением их в этом вузе; обусловлено это резким повышением контингента обучающихся в Варшавском ветеринарном институте (с 95 в 1907/1908 уч. г. до 471 в 1913/1914 уч. г. (см.: [4: 93])).

Наблюдения за учебными заведениями некоторых других регионов

со стороны самих профессоров и прочих членов преподавательских коллегий наиболее массового вида вузов – императорских университетов, таким образом, органично встраивались в выявленный нами дисбаланс между долями преподавательского кадрового и студенческого ресурса учебных заведений региона и, с другой стороны, расходами на них. И хотя приведённые показатели, тем более в сравнительном срезе, не были очевидны современникам рассматриваемой эпохи, тем не менее они соответствуют мироощущениям некоторых из них. При обращении к их свидетельствам, однако, трудно выстроить непротиворечивую картину.

Мы видим известные признаки ресентимента и указания на определённую несправедливость, сложившуюся в системе высшего образования поздней империи. Металлург М.А. Павлов, который вскоре после открытия Екатеринославского высшего горного училища решил оставить свою профессию инженера и перейти туда преподавателем, отмечал в своих мемуарах, что это учебное заведение на российских заводах называли «маргариновым институтом», а его выпускников «маргариновыми инженерами»: «“инженер-металлург” не считался инженером» [18: 262–263]. Отставание по числу студентов, преподавательскому составу, финансированию и престижу ЕГИ от Санкт-Петербургского горного института в этой связи выглядит закономерным, хотя, повторим, в 1913 г. расходы на Екатеринославский горный превосходили его долю относительно совокупного преподавательского и студенческого контингента двух этих институтов. М.А. Павлову приходилось задействовать все свои связи, чтобы устроить собственных учеников на заводы, куда их принимать отказывались. Ключевую роль в изменении этих стереотипов сыграл не возросший авторитет Екатеринославского горного института, а опыт столичного политехнического института: «Только несколько выпусков из Петербургского политехнического института показали позже, что из себя представляют “инженеры-металлурги”» [18: 263].

Хотя университеты Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний традиционно вбирали приблизительно треть всего университетского студенчества империи, образовывался этот показатель скорее за счет малочисленности Томского и Саратовского университетов. В то же время Московский и Санкт-Петербургский университеты всё рассматриваемое время оставались самыми массовыми и, конечно же, престижными в стране. Кажется, то обстоятельство, что в сравнении почти со всеми остальными регионами империи Малороссийские, Юго-Западные и Новороссийские губернии в научно-образовательном плане имели безусловное преимущество, не всегда должным образом воспринималось современниками: столицы,

как в голограмме, воплощали в себе всю Россию, которая забирала местные таланты, да еще и не всегда могла оценить их по достоинству. В.В. Зеньковский, с 1916 г. – профессор ИУСвВ, вспоминал: «То, что Россия продолжала оставаться русско-украинским колоссом, поглощавшим массу украинских сил, показывало трудность отстаивания творческой отделённости... Ничто так болезненно не действовало на украинскую интеллигенцию, как именно этот факт неизбежной “провинциальности”... Бессилие сделать что-либо большее, невозможность “зажить своею жизнью”, отдельно от огромной России, рождало гневное отталкивание от России, легко переходившее в ненависть... Известно, что было немало русских больших людей, которые отстаивали полную свободу для Украины, так как совершенно не верили в нее, считали, что некоторый рост украинской культуры искусственно поддерживался тем угнетением, которое было усвоено правительством в отношении к Украине» [3: 71–72].

Фактически местная высшая школа создавалась и действовала для просвещения преимущественно местного населения. В конце XIX в. в ИУСвВ, согласно ежегодно посылаемому в МНП отчёту о состоянии университета (данные на 1 января 1897 г.), из 2 645 студентов 118 (4,5 %) «предварительное образование» получили в Харьковском учебном округе (Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Курская, Пензенская губернии, область Войска Донского), 406 (15,3 %) – в Одесском (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии), 1 607 (60,7 %) – в Киевском (Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская, Черниговская губернии) [26: 91]. В тот же год из 617 студентов ИНУ 25 (4 %) ранее обучались в учебных заведениях Харьковского учебного округа, 75 (12,1 %) – Киевского, 399 (64,7 %) – Одесского [25: 16]. Данные университеты принимали и молодёжь из тех учебных округов, которые не имели собственных университетов (например, Кавказского), но большинства эта категория отнюдь не составляла. Это существенный аспект, который позволяет с известными оговорками сделать вывод, что направлено это высшее образование было на местные группы, идентифицировать которые можно с использованием этнических и протонациональных категорий⁶. Один из главных элементов национальной идентичности – язык позволяет привнести определенный национальный оттенок в представленную картину. Так, например, по результатам переписи 1897 г., в губерниях Киевского учебного округа малорусский был родным для жителей губерний общей долей от 66 % (Киевская) до 93 % (Полтавская).

С 1897 по 1913 г. общее количество студентов правительственных вузов Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний

на 100 тыс. населения (Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской и Черниговской губерний) стабильно превосходило аналогичные показатели по империи в целом, даже несмотря на спад с 1907 по 1913 г., связанный с упомянутым уже сокращением студенческого состава в некоторых крупных учебных заведениях региона (см. рис. 1).

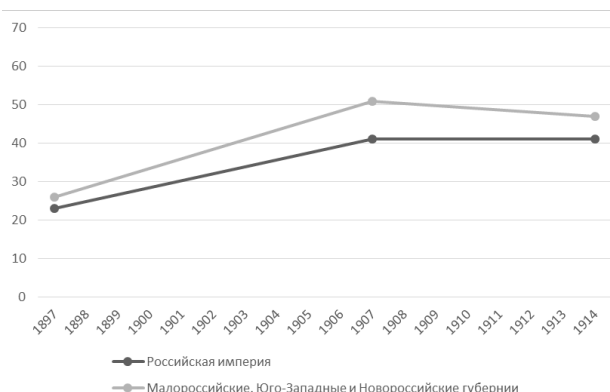

Рис. 1. Количество студентов на 100 тыс. населения: общероссийский и региональный показатели (показатели по студенчеству: [4: 40, 64; 5: 173; 9: 176, 183, 185, 470; 23: 7, 25, 34; 24: 7, 25, 35; 29: XIII; 30: XIII]; показатели по населению губерний и империи в целом: [17: 2; 31: 25–43, 53; 37: 33–47, 57])⁷

Однако увеличение студентов – это не только просвещение в местном крае, но и еще политические риски. Студенчество в поздней Российской империи – одна из самых взрывоопасных социальных групп.

Традиционный исследовательский нарратив приоритизирует образ профессуры того времени как по преимуществу либерально-оппозиционной. Мы привыкли видеть в российских профессорах дореволюционного периода надежных союзников бунтующего студенчества, что в рассматриваемом регионе, по идее, должно было соединиться с национальными устремлениями, которые, учитывая замечания В.В. Зеньковского, только бы усиливались сложившимся национальным «комплексом». Однако это не так. И.И. Мечников, до 1882 г. – профессор ИНУ, вспоминал, что среди преподавателей Одесского университета «заметен был антагонизм между профессорами местного происхождения, т.е. малороссами, и москвичами» [13: 80]. Всё же каких-либо дополнительных и более детальных (И.И. Мечников не уточняет содержание обозначенных им отноше-

ний) ярких свидетельств противостояний среди профессуры вузов по национальному признаку мы не обнаруживаем. Память о деле Кирилло-Мефодиевского общества и в целом политика государства, направленная на фильтрацию преподавательского состава, давали свои результаты: к концу XIX – началу XX в. местная профессура получила уверенную репутацию «правой». Сказывалось это зачастую и на научных предпочтениях. Так, к примеру, антропологи и медики из ИУСвВ нередко увлекались проблематикой расового вырождения [16: 239]. Малороссийские, Юго-Западные и Новороссийские губернии были родиной радикальных русских националистов. Один из них – профессор Киевского университета И.А. Сикорский, чей сын, в будущем известный инженер-авиаконструктор И.И. Сикорский, в начале XX в. – студент Киевского политехникума. И.А. Сикорский, как и многие его коллеги по университету, – член Киевского клуба русских националистов.

Вместе с тем судить о том, насколько такое политическое и научное мироощущение было характерно для большинства профессоров и прочих преподавателей вузов Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний, затруднительно. Н.М. Бубнов не без иронии реагировал на клише «правого» (или вовсе «черносотенного») профессора, которое нередко применялось и к нему. Н.М. Бубнова объединяло с И.И. Мечниковым, как и, судя по всему, многими другими коллегами, стремление оградить университеты от политики, «не подлаживаться», как отмечал Бубнов, «под требования студентов, не добиваться популярности вразрез с своими собственными взглядами на назначение высшей школы» [1: 310]. Бубнов свидетельствует, что именно киевская профессура была наиболее последовательной в защите лозунга «Прочь политику из школы»: добивалась запрета сходов, организованных без разрешения ректора, и самых жёстких санкций в отношении ослушавшихся. Бубнов вспоминал: «Благодаря такому своему “академическому” менталитету киевская профессура вскоре заслужила звание черносотенной, каковой она на самом деле не была» [1: 310].

Не став союзником политически ангажированного и радикализованного студенчества, профессура не смогла стать и надежной опорой в национальном строительстве в регионе времен уже Первой мировой войны, а затем и революции. Есть глубокая ирония в том, что один из ярких сюжетов «национальной» памяти современной Украины берет начало в Киевском университете середины XIX в., и там же он обнаружил свою несостоятельность в начале в 1917 г., когда совет Университета Св. Владимира выразил Временному правительству протест против «украинизации» региона.

Еще в феврале 1914 г., накануне 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко, листовки с призывом к забастовке распространялись в Киеве на русском, малороссийском и польском языках. 25 февраля не состоялось большинства лекций в киевских вузах: в их стенах в тот день не утихало пение «Вечной памяти» [7].

Имперские власти не всегда воспринимали университеты, высшую школу и просвещение в целом как источник политической смуты, опасных революционных инфекций. Напротив, кажется, зачастую этот просветительский инструмент воспринимался как надежный метод интеграции непростых регионов в национальное тело России. В России конца XIX – начала XX в. развитая высшая школа с солидным преподавательским кадровым и студенческим ресурсом, а также с количеством обучавшихся в вузах на 100 тыс. населения местного региона – бóльшим, чем такой показатель по империи в целом – это безусловная привилегия для населения Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний. Тем более важным кажется подчеркнуть, что массовый клиент этого высшего образования – уроженец именно этих губерний, в массе своей называвший малорусский язык родным.

Вместе с тем определённые диспропорции между студенческо-преподавательским потенциалом и расходами на вузы региона, несомненное превосходство Москвы и Петербурга в этой сфере создали для местного населения почву для национальных обид и resentimenta. Интенсивное развитие образовательного комплекса обусловило завышенные ожидания, а образ щедрого имперского центра в итоге отбросил тень «большого брата». Рассмотренные губернии в дальнейшем составили костяк Украинской ССР, но до революции процесс «украинизации» был ещё обратим, а процесс мобилизации местного национализма находился в зачаточном состоянии. И тем не менее за банальными политическими требованиями местных студентов, характерными для учащейся молодёжи от Варшавы до Томска, зрел синдром определённой национальной подавленности, который стал одним из существенных, хотя и не единственным фактором мобилизации «украинского» национализма в годы революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны.

Примечания

1. Распределение данных и подсчёт показателей по видам и ведомственной принадлежности учебных заведений связаны с тем, что в Российской империи отсутствовал консолидированный бюджет всех высших учебных заведений, которые были подведомственны разным

министерствам (университеты, ветеринарные, технологические институты, РПИ и МТУ – МНП; прочие политехнические, а также горные до 1905 г. – МФ, а затем – МТиП). Процентные доли приведены в расчёте от совокупных расходов на каждый из видов и ведомственных категорий учебных заведений (а не вузы региона в целом).

2. Доля подсчитана без учёта включённого в статистическую ведомость Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства (относился к другому, нежели технологические институты, РПИ и МТУ, виду высших учебных заведений, хотя и совпадал по ведомственной принадлежности).

3. Данные приведены на 1912 г..

4. Взятые при подсчёте доли данные о количестве студентов Варшавского политехнического института относятся к 1904 и 1905 гг. (так в отчёте).

5. Для ИНУ 1908 г. был пиковым по количеству студентов (3 288). В литературе дальнейший спад числа обучавшихся в этом университете объясняется не сокращением набора, а «усилением реакции в университете, вследствие чего молодёжь не шла сюда учиться» [39: 37].

6. Мы не можем надёжно и определённо судить о национальном составе студенчества и профессуры в высшей школе какого-либо региона Российской империи. Связано это с тем, что правительственная статистика не оценивала население в целом и конкретные его группы по данному параметру. Статистика по национальному составу высших учебных заведений теми же МНП и МТиП не велась. Однако данные о национальном составе студенчества поздней Российской империи можно найти в работах А.Е. Иванова [4; 5], который, правда, исходил в своих подсчётах из того, что конфессиональная принадлежность тогда приблизительно соответствовала национальной. Характеристика национального состава студенчества и профессуры дореволюционной России и, в частности, рассматриваемых в статье губерний – это сложный процесс, в котором должен быть учтён целый ряд параметров, использованы разные типы источников и в котором неизбежны многие произвольные допущения, а потому не укладывающийся в рамки нашей статьи и требующий отдельного исследования.

7. При подсчётах были учтены все правительственные высшие учебные заведения Малороссийских, Юго-Западных и Новороссийских губерний; общее население региона – сумма населений Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской и Черниговской губерний. При всех несовершенствах (всё-таки регион не был даже автономией в составе Российской империи, к тому же местные вузы принимали в состав своих учащихся и жителей иных регионов империи) приведённые выше репрезентативные при-

меры ИУСвВ и ИНУ распределения их студенческих контингентов по учебным округам, в которых ими было получено «предварительное образование», во многом оправдывают такой подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнов Н.М. Сквозь череду потерь: воспоминания. М.: Русский путь, 2017. 504 с.

2. Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г. Петроград: б.и., 1916. С. 1–143.

3. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти [Воспоминания]. М.: Изд. дом REGNUM, 2011. 648 с.

4. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М.: б.и., 1991. 392 с.

5. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

6. Из докладной записки Киевской следственной комиссии о деятельности тайных обществ в Харькове и Киеве и аресте их членов (4 февр. 1860 г.) // Киевский университет: Документы и материалы, 1834–1984. Киев: Вища школа, 1983. С. 25–27.

7. Из рапорта начальника Киевского губернского жандармского управления департаменту полиции о студенческой демонстрации в связи с правительственным запретом празднования 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко // Киевский университет: Документы и материалы, 1834–1984. Киев: Вища школа, 1983. С. 79–81.

8. Из распоряжения киевского генерал-губернатора о производстве обыска, ареста и допроса Т.Г. Шевченко и др. членов Кирилло-Мефодиевского общества (22 марта 1847 г.) // Киевский университет: Документы и материалы, 1834–1984. Киев: Вища школа, 1983. С. 19.

9. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1896 г. СПб.: б.и., 1900. С. 1–519.

10. Извлечение из всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1901 г. СПб.: б.и., 1903. С. 1–641.

11. История Украины. СПб.: Алетейя, 2018. 508 с.

12. Менделеев Д.И. Сочинения. Т. XXIII. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952. 386 с.

13. Мечников И.И. Страницы воспоминаний: сб. автобиографических статей. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 280 с.

14. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

15. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

16. *Могильнер М.* Homo imperii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
17. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. Т. I. СПб.: б.и., 1905. С. 1–268.
18. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Гос. изд-во науч.-тех. лит. по черной и цветной металлургии, 1943. 288 с.
19. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.
20. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 480 с.
21. *Плохий С.* Врата Европы. История Украины. М.: Изд-во АСТ, 2018. 544 с.
22. Приложения. Статистические ведомости // Извлечение из всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1901 г. СПб.: б.и., 1903. С. 1–104.
23. Приложение: Статистические ведомости // Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1907 г. СПб.: б.и., 1909. С. 2–251.
24. Приложение: Статистические ведомости // Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г. Петроград: б.и., 1916. С. 2–251.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 203. Д. 1686.
26. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1948.
27. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1950.
28. *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Рязань: б.и., 2020. 654 с.
29. Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1906–1907 уч. г. СПб.: Типография А.В. Орлова, 1908. С. V–XXIX.
30. Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1912–1913 уч. г. Петроград: Типография А.В. Орлова, 1914. С. V–XXVIII.
31. Статистический ежегодник России. 1907 г. (год четвертый). СПб.: б.и., 1908. С. 1–422.
32. *Тимошенко С.П.* Воспоминания. Киев: Наукова думка, 1993. 424 с.
33. Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1955. 386 с.
34. Харьковский политехнический институт, 1885–1985: История развития. Харьков: Изд-во при Харьковском гос. ун-те изд. объединения «Вища школа», 1985. 224 с.
35. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 г. М.: Наука, 1976. 231 с.

36. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 351 с.
37. I отдел. Территория и население // Статистический ежегодник России. 1913 (год десятый). СПб.: б.и., 1914. С. 1–62.
38. Історія Київського університету. К.: Вид-во Київського ун-ту, 1959. 627 с.
39. Історія Одеського університету за 100 р. Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1968. 423 с.
40. Magocsi P.R. History of Ukraine. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1996. 784 p.

REFERENCES

1. Bubnov, N.M. (2017) *Skvoz' cheredu poter': vospominaniya* [Through a Series of Losses: Memories]. Moscow: Russkiy put'.
2. Ministry of National Education. (1916) *Vsepoddanneyshey otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1913 g.* [The Most Humble Report of the Minister of National Education for 1913]. Petrograd: [s.n.]. pp. 1–143.
3. Zenkovskiy, V.V. (2011) *Pyat' mesyatshev u vlasti (Vospominaniya)* [Five Months in Power (Memories)]. Moscow: REGNUM.
4. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Russian Higher School in late 19th – early 20th century]. Moscow: [s.n.].
5. Ivanov, A.E. (1999) *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX v.: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba* [Russia Studentship in the late 19th – early 20th century: a socio-historical fate]. Moscow: ROSSPEN.
6. The Kyiv Investigative Commission. (1983) *Iz dokladnoy zapiski Kievskoy sledstvennoy komissii o deyatelnosti taynykh obshchestv v Khar'kove i Kieve i areste ikh chlenov (4 fevr. 1860 g.)* [From the Report of the Kyiv Investigative Commission on the Activities of Secret Societies in Kharkov and Kyiv and the Arrest of their Members (February 4, 1860)]. In: Bely, M.Yu. & Zamlinsky, V.A. (eds) *Kievskiy universitet: Dokumenty i materialy, 1834–1984* [Kiev University: Documents and Materials, 1834–1984]. Kyiv: Vishcha shkola. pp. 25–27.
7. The Kyiv Provincial Gendarme Department. (1983) *Iz raporta nachal'nika Kievskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya departamentu politzii o studencheskoy demonstratsii v svyazi s pravitel'stvennym zapretom prazdnovaniya 100-letiya so dnya rozhdeniya T.G. Shevchenko* [From the Report of the Head of the Kyiv Governorate Gendarmerie Department to the Police Department on the Student Demonstration in Connection with the Government Ban on Celebrating the 100th anniversary of T.G. Shevchenko's Birthday]. In: Bely, M.Yu. & Zamlinsky, V.A. (eds) *Kievskiy universitet: Dokumenty i materialy, 1834–1984* [Kiev University: Documents and Materials, 1834–1984]. Kyiv: Vishcha shkola. pp. 79–81.

8. The Kyiv Governor-General. (1983) *Iz rasporyazheniya kievskogo general-gubernatora o proizvodstve obyska, aresta i doprosa T.G. Shevchenko i dr. chlenov Kirillo-Mefodievskogo obshchestva (22 marta 1847 g.)* [From the Order of the Kyiv Governor-General on the Search, Arrest and Interrogation of Taras G. Shevchenko and Other Members of the Cyril and Methodius Society (March 22, 1847)]. In: Bely, M.Yu. & Zamlinsky, V.A. (eds) *Kievskiy universitet: Dokumenty i materialy, 1834–1984* [Kiev University: Documents and Materials, 1834–1984]. Kyiv: Vishcha shkola. pp.19.

9. Ministry of National Education. (1900) *Iz vlechenie iz Vsepoddanneyshego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1896 g.* [Extract from the Most Humble Report of the Minister of National Education for 1896]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–519.

10. Ministry of National Education. (1903) *Iz vlechenie iz vsepoddanneyshego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1901 g.* [Extract from the Most Humble Report of the Minister of National Education for 1901]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–641.

11. Danilevskiy, I.N., Tairova-Yakovleva, T.G. et al. (2018) *Istoriya Ukrainy* [A History of Ukraine]. St. Petersburg: Aleteyya.

12. Mendeleev, D.I. (1952) *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. Leningrad, Moscow: USSR AS.

13. Mechnikov, I.I. (1946) *Stranitsy vospominaniy: Sb. avtobiograficheskikh statey* [Pages of Memories: Collection of Autobiographical Articles]. Moscow: USSR AS.

14. Miller, A.I. (2000) “*Ukrainskiy vopros*” v *politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.)* [The “Ukraine Question” in Politics and Public Opinion (second half of the 19th century)]. St. Petersburg: Aleteyya.

15. Miller, A.I. (2010) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

16. Mogilner, M. (2008) *Homo imperii: Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Homo Imperii: The History of Physical Anthropology in Russia (late 19th – early 20th century)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

17. The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1905) *Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 g.* [General Summary for the Whole Empire of the Results of the Development of Data from the First General Census of Population, Conducted on January 28, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–268.

18. Pavlov, M.A. (1943) *Vospominaniya metallurga* [Memoirs of Metallurgist]. Moscow: Gos. izd-vo nauch.-tekhn. lit-ry po chernoy i tsvetnoy metallurgii.

19. Petrov, F.A. (2002) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [The Formation of System of University Education in Russia]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.

20. Petrov, F.A. (2003) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [The Formation of System of University Education in Russia]. Vol. 3. Moscow: Moscow University.

21. Plokhii, S. (2018) *Vrata Evropy. Istoriya Ukrainy* [The Gates of Europe: A History of Ukraine]. Moscow: AST.

22. Ministry of National Education. (1903) *Izvlechenie iz vsepoddanneyshego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1901 g.* [Extract from the most humble report of the Minister of Public Education for 1901]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–104.

23. Ministry of National Education. (1909) *Vsepoddanneyshey otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1907 g.* [The Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1907]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 2–251.

24. Ministry of National Education. (1916) *Vsepoddanneyshey otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1913 g.* [The Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1913]. Petrograd: [s.n.]. pp. 2–251.

25. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1686.

26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1948.

27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1950.

28. Spektorskiy, E.V. (2020) *Vospominaniya* [Memoirs]. Ryazan: [s.n.].

29. Ministry of Trade and Industry of the Russian Empire. (1908) *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh uchebnomu otdelu Ministerstva trgovli i promyshlennosti. 1906–1907 uch. g.* [Statistical Information on the State of Educational Institutions under the Jurisdiction of the Educational Department of the Ministry of Trade and Industry. 1906–1907 academic year]. St. Petersburg: A.V. Orlov. pp. V–XXIX.

30. Ministry of Trade and Industry of the Russian Empire. (1914) *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh uchebnomu otdelu Ministerstva trgovli i promyshlennosti. 1912–1913 uch. g.* [Statistical Information on the State of Educational Institutions under the Jurisdiction of the Educational Department of the Ministry of Trade and Industry. 1912–1913 academic year]. Petrograd: A.V. Orlov. pp. V–XXVIII.

31. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1908) *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii. 1907 g. (god chetvertyy)* [Statistical Yearbook of Russia. 1907 (the forth year)]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–422.

32. Timoshenko, S.P. (1993) *Vospominaniya* [Memoirs]. Kyiv: Naukova dumka.

33. Korolivskiy, S.M. (ed.) (1955) *Khar'kovskiy gosudarstvennyy universitet im. A.M. Gor'kogo za 150 let.* [Kharkiv State University during 150 years]. Kharkiv: Kharkiv State University.

34. Kirkach, N.F. (ed.) (1985) *Khar'kovskiy politekhnicheskii institut, 1885–1985:*

Istoriya razvitiya [Kharkiv Polytechnic Institute, 1885–1985: A History]. Kharkiv: Kharkiv University.

35. Shchetinina, G.I. (1976) *Universitety v Rossii i Ustav 1884 g.* [Russian Universities and the Charter of 1884]. Moscow: Nauka.

36. Eymontova, R.G. (1985) *Russkie universitety na grani dvukh epokh: Ot Rossii krepostnoy k Rossii kapitalisticheskoy* [Russian Universities on the Verge of two Eras: from Serfdom Russia to Capitalist Russia]. Moscow: Nauka.

37. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1914) I otdel. Territoriya i naselenie [First Section. Territory and Population]. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1913 (god desyatyy)* [Statistical Yearbook of Russia. 1913 (the tenth year)]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–62.

38. Zhmudskiy, O.Z. (1959) *Istoriya Kiïvs'kogo universitetu* [A History of Kyiv University]. Kyiv: Kyiv University.

39. Yurzhenko, O.I. (1968) *Istoriya Odes'kogo universitetu za 100 r.* [A History of Odesa University for 100 years]. Kyiv: Kyiv University.

40. Magocsi, P.R. (1996) *History of Ukraine*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.

Степнов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Alexei O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета (Россия).

Sergei A. Nekrylov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

УДК 94(47).05(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/4

Деятельность Л.Г. Лопатинского на Кавказе

А.Н. Птицын

Северо-Кавказский федеральный университет

Россия, 355017, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: ptiandr@gmail.com

Авторское резюме

В 60–70-е гг. XIX в. российское Министерство просвещения в массовом порядке приглашало на службу учителей древних языков из числа славян Австро-Венгрии. Среди приглашённых насчитывалось более 80 русинов, в основном из Галиции. Они служили во многих регионах Российской империи, в том числе на Кавказе. Яркой фигурой русинской учительской диаспоры был Лев Григорьевич Лопатинский (1842–1922). Он в 1866 г. переехал из Галиции в Царство Польское, став преподавателем Седлецкой гимназии. В 1868–1877 гг. педагог вёл уроки древних языков в Новгород-Северской и 2-й Киевской гимназиях. Затем он занимал управленческие должности на Урале – инспектора Уфимской гимназии (1877–1881) и директора Троицкой гимназии (1881–1883). Самый продолжительный этап жизни и деятельности Лопатинского прошёл на Кавказе. С 1883 г. он в течение 6 лет возглавлял Пятигорскую прогимназию. Вершиной карьеры стала должность инспектора Кавказского учебного округа, которую галичанин занимал рекордные 28 лет (1889–1917). За это время он внёс значительный вклад в развитие образовательной системы региона и просвещение кавказских народов. В последние годы жизни Лопатинский являлся профессором первых кавказских университетов – Закавказского в Тифлисе и Бакинского. На Кавказе, наряду с основной профессиональной деятельностью, он вёл активную научную работу. Его главные достижения связаны с изучением кабардинского языка и фольклора. Лопатинский разработал кабардинский алфавит на основе кириллицы, составил первую кабардинскую грамматику и первый русско-кабардинский словарь. Он много сделал для сбора, изучения и публикации произведений народного творчества кабардинцев и других горских народов. Помимо этого, Лопатинский вёл большую научно-организационную и издательскую работу, руководил научными обществами, являлся редактором 26 кавказоведческих сборников. Таким образом, он имел значимые заслуги, и как деятель народного образования, и как учёный-кавказовед.

Ключевые слова: Лев Лопатинский, русины, Кавказ, Кавказский учебный округ, Пятигорская прогимназия, кавказоведение, кабардинский язык, фольклор народов Кавказа

Lev G. Lopatinsky and his activities in the Caucasus

Andrey N. Ptitsyn

North-Caucasus Federal University

1 Pushkin Street, Stavropol, Stavropol Region, 355017, Russia

E-mail: ptiandr@gmail.com

Abstract

In the 1860s and 1870s, the Russian Ministry of Education recruited teachers of ancient languages from among the Slavs of Austria-Hungary en masse. Among those were more than 80 Rusins, mainly from Galicia, who came to teach in many regions of the Russian Empire, including the Caucasus. A prominent figure in the Rusin teaching diaspora was Lev Grigorievich Lopatinsky (1842–1922). In 1866, he moved from Galicia to the Kingdom of Poland, becoming a teacher at the Siedlce Gymnasium. In 1868–1877, Lopatinsky taught ancient languages at the Novgorod-Seversk and 2nd Kyiv Gymnasiums. He then held management positions in the Urals – inspector of the Ufa Gymnasium (1877–1881) and director of the Troitsk Gymnasium (1881–1883). The longest period of Lopatinsky's life and work was spent in the Caucasus, where from 1883, he headed the Pyatigorsk Progymnasium for 6 years. The pinnacle of his career was the position of inspector of the Caucasian educational district, which Lopatinsky held for 28 years (1889–1917). During this time, he made a significant contribution to the development of the education system in the region and the enlightenment of the Caucasian peoples. In his later years, Lopatinsky was a professor at the newly established universities in Tiflis and Baku. Along with his main professional activities, he conducted extensive scholarly research, especially in the study of the Kabardian language and folklore. Lopatinsky developed the Kabardian alphabet based on the Cyrillic alphabet, compiled the first Kabardian grammar and the first Russian-Kabardian dictionary. He did a lot to collect, study and publish the folklore of the Kabardians and other mountain peoples. In addition, Lopatinsky carried out extensive research, organizational and publishing work, headed academic communities and edited 26 Caucasian Studies collections. Thus, he had significant merits both as a public education figure and as a Caucasian studies scholar.

Keywords: Lev Lopatinsky, Rusins, Caucasus, Caucasian educational district, Pyatigorsk Progymnasium, Caucasian Studies, Kabardian language, folklore of the peoples of the Caucasus

В 60–70-е гг. XIX в. в России проводилась гимназическая реформа, в результате которой в мужских гимназиях была внедрена модель классического образования по образцу западноевропейских стран. Основными предметами изучения становились латинский и древнегреческий языки, в связи с чем возник острый дефицит их преподавателей. Для его восполнения стали приглашать зарубежных специалистов. По инициативе протоиерея М.Ф. Раевского, настоятеля русской посольской церкви св. Николая в Вене, с конца 1865 г. российское Министерство народного просвещения (МНП) начало масштабную кампанию по привлечению на российскую службу молодых учителей и студентов-филологов славянского происхождения из Габсбургской монархии [30: 266–267].

Эта кампания продолжалась до начала 1880-х гг., и за это время общее количество приглашённых превысило 200 человек. Более половины из них были чехами, более трети – русинами, остальные принадлежали к числу словенцев, словаков, хорватов и сербов. За это время российскими педагогами стали более 80 молодых русинов, подавляющее большинство из них прибыло из Галиции, по несколько человек дали Угорская Русь и Буковина [26: 62–63].

География деятельности русинских педагогов на просторах Российской империи была обширной: от Польши до Восточной Сибири и от Петербурга до Южного Кавказа. Многочисленная их группа оказалась в Царстве Польском, куда их целенаправленно приглашали для работы в русских униатских гимназиях, открытых во 2-й половине 1860-х гг. в Люблинской и Седлецкой губерниях [34: 40–41, 51–52, 55–66]. Также заметным было русинское присутствие в гимназиях Московского учебного округа [26: 63–64]. В Кавказском учебном округе в последней трети XIX – начале XX в. работали 8 русинов, самой яркой фигурой среди них был Л.Г. Лопатинский.

Русинская педагогическая эмиграция в пореформенную Россию и деятельность её участников в разных регионах изучены лишь фрагментарно. Отдельные аспекты этой темы рассмотрели О.М. Сухий [35], С.Г. Суляк [33; 34], М.Ю. Дронов [10], А.Н. Птицын [25; 26] и некоторые другие авторы. Что касается Л.Г. Лопатинского, то его роль в качестве исследователя и просветителя Кавказа нашла своё отражение в работах А.И. Алиевой [1; 2; 3], В.М. Белоус [6], В.Т. Полека [24], Т.А. Бекоевой и Л.Б. Кусовой [5; 15]. В данной статье деятельность Л.Г. Лопатинского на Кавказе рассматривается комплексно, в её ос-

новых аспектах (организационно-управленческом, педагогическом, просветительском и научном), и в контексте его биографии.

По сравнению с центральными и западными регионами Российской империи система образования на Кавказе была развита значительно слабее. Средних и низших учебных заведений на душу населения здесь было меньше, вузов не было совсем. Учителей остро не хватало, условия их труда были тяжёлыми. В регион охотно приглашали иностранных педагогов из Австро-Венгрии, Германии и других стран, которые вели уроки древних и новых европейских языков, музыки и гимнастики [16; 20; 22; 28].

В последней трети XIX – начале XX в. в Кавказском учебном округе служили 8 русинов: 1 занимал управленческие должности (Л.Г. Лопатинский), 6 преподавали древние языки и 1 – немецкий язык. Учителями древних языков в гимназиях работали: буковинец Ермил Константинович Чеховский (в Тифлисе (ныне Тбилиси) в 1868–1872 гг.), выходец из Лемковщины Матвей Григорьевич Астряб (в Кутаиси) в 1874–1880 гг. и Екатеринодаре в 1880–1893 гг.), галичане Николай Григорьевич Лопатинский (в Кутаиси в 1875–1881 гг. и Ставрополе в 1881–1890 гг.), Венедикт Осипович Борковский (в Эривани (Ереване) в 1876–1878 гг. и Елизаветполе (Гяндже) в 1878–1895 гг.), Александр Фёдорович Редька (в Кутаиси в 1879–1884 гг.), Александр Дмитриевич Шушковский (в Эривани в 1884–1887 гг.). Преподавателем немецкого языка в реальных училищах был галичанин Иван Осипович Порубальский (в Шуше в 1897–1899 гг. и Кутаиси в 1899–1905 гг.) [16: 68–69; 20: 20–25; 22: 26–27; 28: 16, 41, 47–49].

Одним из руководителей Кавказского учебного округа являлся Лев Григорьевич Лопатинский. Он родился 6 (18) января 1842 г. в семье униатского священника в небольшом городке Долина в Галиции (ныне – райцентр Ивано-Франковской области). Будущий педагог окончил гимназию в Станиславе (Ивано-Франковске) и затем продолжил образование в Пражском и Львовском университетах. После получения диплома филолога в университете Львова в 1864 г. он в течение 2 лет работал учителем в этом городе, участвовал в национальном движении, издал «Календарь народный на 1865 год» [1: 47; 6: 53].

Будучи «горячим сторонником России и славянства», Лопатинский оказался в числе первых педагогов-галичан, которые откликнулись на призыв поступить на российскую службу [14: 31]. 21 октября 1866 г. он был назначен учителем немецкого языка в Седлецкую униатскую гимназию и провёл там 2 следующих года. Вскоре после переезда молодой учитель принял российское подданство и присоединился к православию [28: 50 об.–51].

В 1868 г. Лопатинского перевели в Киевский учебный округ на должность преподавателя латинского языка Новгород-Северской гимназии, которая переходила на классическую модель и нуждалась в соответствующих специалистах. В следующем году он в том же качестве перешёл во 2-ю Киевскую мужскую гимназию, где проработал 5 лет [23: 155, 167]. В то время частая смена мест службы была для учителей привычной, поскольку руководство регулярно проводило их ротацию из-за кадрового дефицита.

За несколько лет молодой педагог успешно адаптировался к новым условиям жизни и работы. Помимо преподавания, он занимался подготовкой учебной литературы по латинскому языку, которой в то время катастрофически не хватало. В первой половине 1870-х гг. он подготовил 3 учебных пособия: «Латинская книга для чтения», «Краткая латинская грамматика» и «Руководство для первоначального обучения латинскому языку в 3 низших классах гимназий и прогимназий (в 3 частях)», каждое из которых выдержало впоследствии до десятка переизданий [1: 47].

Благодаря своим профессиональным знаниям, педагогическим и организаторским способностям, а также определённым качествам характера, Лев Григорьевич смог хорошо зарекомендовать себя и был выдвинут сначала на должность инспектора, а затем и директора гимназии. В 1874 г. он был назначен инспектором уже знакомой ему Новгород-Северской гимназии, где также вёл 18 уроков латинского и греческого языка в неделю [28: 50 об.–51].

Следующий этап службы русинского педагога прошёл на Урале. В 1877 г. он был перемещён на должность инспектора Уфимской гимназии и занимал её 4 года. Постепенно Лопатинский продвигался по лестнице чинов, т. к. гимназические преподаватели в Российской империи считались чиновниками. При зачислении на службу штатный учитель гимназии имел право на получение VIII класса по Табели о рангах (коллежский асессор). К 1878 г. Лопатинский достиг чина статского советника (V класс) [23: 167; 31: 269].

В августе 1881 г. галичанин был назначен директором Троицкой гимназии в Оренбургской губернии [31: 269]. Однако там он проработал недолго. В следующем году в гимназии был раскрыт революционный кружок, в котором происходило «чтение недозволенных книг». Он состоял из учителя математики и физики П.А. Голубева и нескольких старшеклассников. После разбирательства виновный педагог был уволен, двое гимназистов исключены, ещё четверо получили дисциплинарные взыскания. Директор гимназии Лопатинский летом 1883 г. был «с понижением» переведён в Кавказский учебный округ [27].

Вся дальнейшая жизнь Льва Григорьевича прошла на Кавказе. Ранее он уже бывал в этом регионе, приезжая во время отпуска. С 15 июля 1883 г., в течение 6 с лишним лет, Лопатинский возглавлял Пятигорскую прогимназию, которая состояла из 4 низших гимназических классов (в полной гимназии их было 8). Руководитель такой прогимназии назывался инспектором, а не директором, его заработок составлял 2,7 тыс. руб. в год, предоставлялась казённая квартира [20: 30, 31]. Помимо руководящих функций, Лопатинский вёл уроки латинского, греческого и французского языков (12 уроков в неделю). Он стремился приглашать в прогимназию сильных преподавателей, добился от городской думы выделения участка для строительства нового гимназического здания [14: 31–33]. Много внимания инспектор обращал на подготовку учеников из числа кавказских горцев, помогал им в устройстве и адаптации [15: 53].

По воспоминаниям учителей Пятигорской прогимназии, Лопатинский, «будучи сам человеком религиозным, придавал большое значение религиозно-нравственному образованию... Ежедневно присутствовал на утренней молитве учеников, в каждый праздник вместе с ними являлся в церковь, стараясь личным примером вселить в них охоту и любовь к исполнению религиозных обязанностей» [14: 31–32]. Инспектор старался привлекать педагогов и гимназистов к участию в общественной жизни. В августе 1889 г. они приняли участие в церемонии открытия в Пятигорске первого российского памятника М.Ю. Лермонтову, при этом Лопатинский выступил с торжественной речью. 18 сентября того же года, во время посещения императором Александром III и августейшей семьёй Кавказа, преподаватели и ученики прогимназии участвовали в их торжественной встрече, и инспектор лично сделал краткий доклад монарху о состоянии дел в учебном заведении [14: 33–35].

Успешно зарекомендовав себя в Пятигорске, Лопатинский 16 октября 1889 г. был назначен на должность инспектора Кавказского учебного округа [22: 2–3]. После этого он надолго поселился в Тифлисе, где находились органы управления Кавказом.

Окружные инспекторы, которых было трое, являлись заместителями попечителя учебного округа. Круг их обязанностей был широким. В первую очередь, это выполнение разнообразных поручений попечителя и участие в работе органов окружного управления (совете учебного округа, разнообразных комитетах и комиссиях). Также Лопатинский много лет возглавлял окружной испытательный комитет, который принимал экзамены для получения учительского звания и 1-го классного чина [16: 4].

Важнейшей обязанностью инспектора были выездные ревизии

средних и начальных учебных заведений. Так, в течение 1891 г. Лопатинский выезжал для этого в Бакинскую, Эриванскую, Елизаветпольскую и Тифлисскую губернии, Дагестанскую, Терскую и Карскую области [21: 130]. В тогдашних условиях, когда основным транспортным средством на Кавказе являлась конная повозка, такие поездки были серьёзным испытанием.

Инспекторы также курировали преподавание основных учебных предметов. Лопатинский, в силу своей специальности, занимался контролем обучения древним и новым иностранным языкам, участвовал в проверке письменных работ выпускников по этим предметам и составлял ежегодные отчёты с рекомендациями для учителей [21: 96, 258]. Кроме названных, у окружного инспектора было немало и других обязанностей.

Деятельность Лопатинского на посту окружного инспектора была успешной и весьма долгой. Она продолжалась 28 лет, до начала 1918 г., когда учебные округа были упразднены советским правительством [5: 51]. То, что он исполнял достаточно сложные служебные обязанности до 75-летнего возраста, свидетельствовало о его любви к своему делу, энергии, жизнелюбии и крепком здоровье.

Лев Григорьевич оставался на своём посту при трёх попечителях Кавказского учебного округа, и сам несколько раз исполнял обязанности попечителя, когда эта должность оказывалась вакантной. Он досконально изучил школьное дело на Кавказе и своей работой немало способствовал его развитию. В конце XIX – начале XX в. система народного образования в этом регионе развивалась быстрыми темпами, в десятки раз выросли количество учебных заведений и численность учащихся. Заметные успехи были достигнуты в деле распространения грамотности и просвещения среди кавказских горцев, среди них появились представители интеллигенции. Современные кавказские авторы отмечают непосредственный вклад Лопатинского в создание и развитие горских школ, в дело привлечения талантливой молодёжи из числа горцев в гимназии и другие учебные заведения [5: 50, 53; 15: 53–55].

Окружной инспектор продолжал получать новые чины. В 1893 г. он стал действительным статским советником, этот чин IV класса давал права потомственного дворянства [22: 2–3]. В 1913 г. Лопатинский был произведён в тайные советники – чин III класса, который, как правило, получали только высшие сановники, и присвоение его окружному инспектору можно считать случаем экстраординарным [32: 747]. В этой связи можно заметить, что из всех педагогов-русин, работавших в Российской империи, подобный чин имел лишь М.А. Балугьянский – первый ректор Петербургского университета и

начальник Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии [9: 158].

После выслуги 25 лет Лопатинский дополнительно к жалованию стал получать пенсию. Заработок окружного инспектора был солидным: в 1894 г. он составлял 4,7 тыс. руб. в год (в том числе 3 тыс. руб. жалования, 1,5 тыс. руб. пенсии плюс доплата за службу на Кавказе), а к 1917 г. возрос до 6,3 тыс. руб. в год. За многолетнюю службу Лев Григорьевич был награждён орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени и др. [22: 2–3; 32: 747].

Будучи весьма энергичным человеком, Лопатинский совмещал с должностью окружного инспектора и другие обязанности. Так, в 1910-е гг. он являлся чиновником по особым поручениям при Кавказском наместнике по военно-народному управлению, почётным мировым судьёй Тифлисского мирового суда и попечителем двух мусульманских училищ в Тифлисе [11: 95, 120; 12: 27, 476, 665, 667; 13: 39, 635, 777–778].

Руководство Кавказского учебного округа много внимания уделяло организации научного изучения этого региона, что было особенно важным в условиях отсутствия в нём вузов и научных учреждений. По поручению окружного начальства, местные учителя, часто вместе с учениками, занимались сбором материалов исторического, этнографического, лингвистического, фольклорного, экономического характера и готовили соответствующие публикации. Всю эту работу координировал именно Лопатинский [6: 56–58].

Для публикации кавказоведческих материалов управление учебного округа выпускало специальное периодическое издание – «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» (далее – СМОМПК). Оно выходило в Тифлисе с 1881 по 1915 г. с периодичностью 1–2 раза в год. Всего было опубликовано 44 выпуска СМОМПК, редактором 26 из них был Лопатинский [6: 56]. Во многих выпусках он также являлся автором предисловий, заметок и примечаний. Во время его редакторства значительно расширилась тематика издания, стали публиковаться материалы по востоковедению и археологии. В нём же увидели свет почти все кавказоведческие работы Лопатинского [3: 267, 663].

Позднейшие исследователи называли СМОМПК «энциклопедией» и «мощным фундаментом» для дальнейшего развития кавказоведения. Ряд авторов этого издания, вовлечённых в научную работу именно Лопатинским, стали впоследствии известными учёными, представителями национальной интеллигенции [6: 62].

Лев Григорьевич принимал активное участие в деятельности различных научных и просветительских обществ. Так, он являлся

членом распорядительного комитета Кавказского отдела Русского географического общества [13: 813]. Особенно важную роль Лопатинский сыграл в становлении и деятельности Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества, бессменным председателем которого он являлся с момента его основания в 1901 г. до 1921 г. Под его руководством отделение организовывало и контролировало работу по открытию, изучению, охране и реставрации древних памятников в регионе, а также издавало свои «Известия» [2: 75–80].

Значимый вклад в развитие кавказоведения внесли собственные научные исследования Лопатинского, посвящённые языкам и фольклору народов Северного Кавказа. Здесь ему помогали знания и опыт профессионального преподавателя-лингвиста. Во время работы в Пятигорской прогимназии он стал изучать кабардинский язык, который до того времени мало привлекал внимание учёных. Общаясь с носителями этого сложного языка, в том числе учениками и их родственниками, Лопатинский смог изучить его основные элементы (фонетику, лексику, грамматику и др.). Он разработал собственный вариант кабардинского алфавита на основе кириллицы. В 1890–1891 гг. в Тифлисе сразу двумя изданиями вышел главный труд Лопатинского «Русско-кабардинский словарь с указателем и краткой грамматикой» (в 12 выпуске СМОМПК и отдельной книгой) [17; 29]. Эта работа носила новаторский характер, во многом благодаря ей изучение кабардинского языка было поставлено на научную основу. Она была высоко оценена как российскими учёными из Академии наук, так и зарубежными коллегами. Лейпцигский университет за неё присвоил Лопатинскому учёную степень доктора философии [3: 267].

Примечательно, что в предисловии к «Русско-кабардинскому словарю...» его автор выразил признательность за помощь молодым кабардинцам Талибу Кашежеву (бывшему ученику Пятигорской прогимназии) и Паго Тамбиеву, которые впоследствии при поддержке Лопатинского стали известными учёными и просветителями [17: III]. В последующих выпусках СМОМПК окружной инспектор опубликовал несколько статей и заметок, посвящённых особенностям кавказских языков, в т. ч. кумыкского, талышского и др. [5: 53].

Помимо языковедческих штудий, Лопатинский внёс значительный вклад в изучение кавказского фольклора. Его особый интерес вызывало народное творчество кабардинцев, сбор и изучение которого был начат во время работы в Пятигорске, к этому привлекались ученики прогимназии [5: 51]. Когда Лопатинский стал редактором СМОМПК, он активизировал работу по собранию фольклорных материалов и организовал выпуск тематических выпусков, посвящённых отдель-

ным народам. Материалы для них были собраны, главным образом, учителями различных школ при участии учеников [6: 56–58].

Наиболее полное собрание кабардинского фольклора было опубликовано Лопатинским в 1891 г. в 12-м выпуске СМОМПК [29]. В него вошли 26 сказаний, преданий, песен и сказок, записанных кабардинскими просветителями и им самим. Примечательно, что часть из них входила в состав знаменитого нартского эпоса. Издание было выполнено на высоком научном уровне: кабардинские тексты сопровождались двумя вариантами русского перевода – подстрочным и литературным, а также подробными комментариями. Лопатинский выступал в качестве составителя и редактора, был автором вступительной статьи «Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности», литературных переводов и большинства комментариев [3: 28–29, 298].

Позднее Лопатинский и его сотрудники опубликовали в СМОМПК целый ряд памятников народного творчества кабардинцев, черкесов, кумыков, чеченцев, курдов и других народов. Самостоятельную ценность имели его многочисленные «заметки», сопровождавшие публикации, фактически они представляли собой краткие и ёмкие аналитические статьи. В них автор затрагивал и теоретические проблемы лингвистики и этнографии, показывая овладение ими на уровне науки того времени. Примечательно, что в своих работах Лопатинский широко использовал сравнительный метод, сопоставляя кавказский фольклор с древнегреческим, восточнославянским и др. По мнению современных учёных, его работы, посвящённые кавказскому фольклору, сохраняют своё значение и в наши дни [3: 358, 627, 664; 6: 59–63].

После 1917 г. Лев Григорьевич, несмотря на возраст, продолжил педагогическую и научную деятельность в первых кавказских университетах. Летом 1918 г. он стал профессором открытого в Тифлисе русского Закавказского университета, где читал лекции по истории греческой и византийской литератур [1: 48]. Однако в ставшей независимой Грузии этот вуз не пришёлся ко двору, чем воспользовалось правительство независимого Азербайджана, пригласив его преподавателей в созданный в сентябре 1919 г. Бакинский университет. Так Лопатинский вместе с группой коллег оказался в Баку, где провёл последние годы жизни в трудных условиях гражданской войны [19: 78–81].

В Бакинском университете Лопатинский проработал в качестве профессора классической филологии историко-филологического факультета вплоть до своей смерти 21 августа 1922 г. Он читал лекции по греческому языку, истории греческой и римской литератур,

кавказским языкам. В «Известиях Бакинского университета» в 1921 г. были опубликованы его последние статьи, посвящённые сравнению кабардинского сказания «Красавица Елена и богатырь-женщина» с эпосом Гомера и анализу черкесских сказаний о князе Мстиславе и богатыре Редее [3: 664]. В начале 1922 г., в ознаменование научных заслуг Л.Г. Лопатинского и в связи с его 80-летним юбилеем, Бакинский университет присвоил ему учёную степень доктора кавказской филологии без защиты диссертации [5: 51].

После смерти Льва Григорьевича в августе 1922 г. примечательный отзыв о нём оставил Моисей Семёнович Альтман, студент Бакинского университета и бывший ученик Бакинской гимназии, ставший впоследствии известным советским филологом. Он записал в своём дневнике: «Умер Лев Григорьевич Лопатинский. Светлое царствие ему небесное! Лет 15 тому назад, когда я был гимназистиком, он, бывший тогда окружным инспектором при краевом (в Тифлисе) попечительстве, наезжал к нам в гимназию ревизором. Страх и трепет учительского персонала передавался и нам, ученикам, тогда. И так бы с этим впечатлением о нём я и остался, если б я не имел счастья в последние два года убедиться во вздорной детскости того впечатления. Я был одним из двух-трёх слушателей Льва Григорьевича (ещё месяц тому назад сдавал я у него Геродота, и он поставил мне «весьма удовлетворительно» за мой слабый ответ, «только для компании», как он выразился тогда: со мной экзаменовались ещё двое), кроме того, несколько раз я бывал у него дома и всегда умилялся его детской кротости, чистоте и глубине его души. Это был чистый, светлый, изумительно физически и духовно сохранившийся серебряный старик. Ещё стоит перед глазами его невысокого роста фигурка в беленьком кителе, с палкой в руках, ещё вижу улыбку его, ещё слышу голос его» [4].

Младший брат Льва Григорьевича – Николай Григорьевич Лопатинский (1854–1891) также стал российским педагогом, что было нередким в среде русинской учительской эмиграции. Вся его служба прошла на Кавказе. В Россию Николай приехал вслед за старшим братом, ещё будучи гимназистом, и учился в гимназиях Новгород-Северского и Киева, где тот преподавал. В 1871–1875 гг. он учился на историко-филологическом факультете Киевского университета и окончил его со степенью кандидата. Получив назначение в Кавказский учебный округ, молодой филолог с 1875 по 1881 г. преподавал древние языки в Кутаисской гимназии. Затем он «для пользы службы» был переведён в Ставропольскую гимназию, где проработал следующие 9 лет и был на хорошем счету. Однако в 1889 г. Н.Г. Лопатинский заболел «тяжёлым нервным и умственным расстройством», в следу-

ющем году был вынужден уйти со службы и вскоре умер. Его вдова и сын получили небольшую пенсию [8: 135–136 об.].

Сам Лев Григорьевич Лопатинский имел большую семью: жену Марию Яковлевну и 5 сыновей [32: 747]. Примечательно, что они были названы в честь древнерусских князей, получили образование в Московском и Петербургском университетах и в конце 1900-х – 1910-е гг. работали на Кавказе.

Трое сыновей занимали должности в учреждениях государственного контроля и юстиции. Мстислав Львович Лопатинский являлся ревизором Ставропольской, а затем Тифлисской контрольных палат. Глеб Львович Лопатинский работал присяжным поверенным в Баку и преподавал законоведение в бакинских гимназиях и училищах. Всеволод Львович Лопатинский был заведующим Ордубадским участком мировых судей в Эриванской губернии [11: 240, 254, 260, 835; 12: 401, 490, 513, 630; 13: 652, 704].

Ещё один сын – Борис Львович Лопатинский (1881–1956) – вначале пошёл по стопам отца и во 2-й половине 1900-х гг. преподавал русский язык в 1-й Тифлисской мужской гимназии. Затем он выбрал карьеру профессионального художника и преподавателя живописи и работал в Тифлисе и Москве. Его сын Ярослав Борисович Лопатинский (1906–1981), который рос в семье деда Льва Григорьевича, стал впоследствии известным математиком, академиком Академии наук Украинской ССР [11: 69; 7].

Пятый сын – Вячеслав Львович Лопатинский в 1914 г. состоял при канцелярии кавказского наместника, затем был призван в армию в качестве прапорщика запаса и в декабре того же года погиб на Кавказском фронте. Посмертно он был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом [12: 31; 18].

Таким образом, Л.Г. Лопатинский прожил долгую и насыщенную жизнь, вторая половина которой прошла на Кавказе. Он смог успешно адаптироваться к этому непростому региону и сделать прекрасную карьеру, став одним из руководителей Кавказского учебного округа. Его многолетняя педагогическая и управленческая деятельность способствовала развитию народного образования и просвещению народов Кавказа. Активно занимаясь исследовательской и научно-организационной деятельностью, Лопатинский внёс заметный вклад в становление и развитие кавказоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева А.И. Л.Г. Лопатинский (Жизнь и деятельность. Работа по изданию и изучению нартского эпоса адыгов) // Труды Карачаево-Черкесского науч-

но-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия филологическая. Вып. VI. Черкесск, 1970. С. 46–64.

2. Алиева А.И. Кавказское отделение Императорского Московского археологического общества // Известия СОИГСИ. 2016. № 20 (59). С. 71–81.

3. Алиева А.И. Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика. М.: ИМЛИ, 2019. 736 с.

4. Альтман М.С. Из дневников 1919–1929 гг. URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B307%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=75> (дата обращения: 13.08.2024).

5. Бекоева Т.А., Кусова Л.Б. Просветительская деятельность Л.Г. Лопатинского в Северо-Кавказском регионе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2010. № 4. С. 49–53.

6. Білоус В.М. Українські дослідники традиційної культури та побуту зарубіжних народів (XIX ст.): нариси. Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2019. 255 с.

7. Вишик М.И., Данилюк И.И., Олейник О.А. и др. Ярослав Борисович Лопатинский (Некролог) // Успехи математических наук. 1982. Т. 37, вып. 3. С. 167–169.

8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 73. Оп. 1. Д. 245. О службе учителей Ставропольской гимназии (1890–1891).

9. Дронов М.Ю. Михаил Андреевич Балугьянский: «Свой» среди «чужих», «чужой» среди «своих» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Вып. 8: к 1150-летию славянской письменности / отв. ред. Е.С. Узенёва. Кн. 1. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 156–164.

10. Дронов М.Ю. Галицкие, угорские и буковинские русины как объект внимания Российской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки / ред. Е.Ю. Борисенко, М.В. Лескинен. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 311–342.

11. Кавказский календарь на 1910 год / ред. В.В. Стратонов. Ч. 2. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1909. 363 с., 878 стб.

12. Кавказский календарь на 1914 год / ред. А.А. Эльзенгер и Н.П. Стельмашук. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1913. 977 с., 676 стб.

13. Кавказский календарь на 1917 год / ред. Н.П. Стельмашук. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1916. 1231 с., 868 стб.

14. Кляровский И.И., Раков А.П. Пятигорская прогимназия. Историческая записка двадцатипятилетия её существования. 1866–1891. Пятигорск: Тип. О.А. Гнедич, 1892. 91 с.

15. Кусова Л.Б. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Л.Г. Лопатинского, Т.П. Кашежева и П.И. Тамбиева на Северном Кавказе.

Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.И. Хетагурова, 2005. 148 с.

16. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1904 г. Ч. 1. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904. 345 с.

17. *Лопатинский Л.Г.* Русско-кабардинский словарь с указателем и краткой грамматикой. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 353 с.

18. Лопатинский Вячеслав Львович // *Офицеры Русской Императорской армии*. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Лопатинский_Вячеслав_Львович (дата обращения: 13.08.2024).

19. *Назарли А.Э.* Роль российских учёных в организации Бакинского государственного университета // *Современная научная мысль*. 2018. № 3. С. 77–85.

20. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. 961 с.

21. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1891 год. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1892. 1215 с.

22. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1895. 712 с.

23. *Панаженко И.Л.* Историческая записка о Новгородсеверской гимназии. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1889. 174 с.

24. *Полек В.Т.* Лев Лопатинський – дослідник Кавказу // *Жовтень*. 1984. № 9. С. 92–93.

25. *Птицын А.Н.* Русины в Институте славянских стипендиатов (1866–1882 гг.) // *Русин*. 2022. № 70. С. 86–103. DOI: 10.17223/18572685/70/6

26. *Птицын А.Н.* Русины – директора петербургских и московских гимназий в 1870–1900-е гг. // *Русин*. 2023. № 71. С. 60–75. DOI: 10.17223/18572685/71/3

27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 165. Д. 20. Дело о беспорядках в Троицкой гимназии Оренбургского учебного округа (1883–1885).

28. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 15. Дело о списках стипендиатов (1866–1875).

29. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 12. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1891. 618 с.

30. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1871. 1752 стб.

31. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1881/2 учебный год. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1882. 545 с.

32. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. Пр.: Сенатская тип., 1917. 878 с.
33. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. DOI: 10.17223/18572685/70/7
34. Суляк С.Г. Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108. DOI: 10.17223/18572685/74/4
35. Сухий О.М. Вид русофильства до москофильства (росийський чинник у громадський думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ столітті). Львів: Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2003. 498 с.

REFERENCES

1. Alieva, A.I. (1970) L.G. Lopatinskiy (Zhizn' i deyatel'nost'. Rabota po izdaniyu i izucheniyu nartskogo eposa adygov) [L.G. Lopatinsky (Life and work. Work on the publication and study of the Nart epic of the Adyghes)]. *Trudy Karachaevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta ekonomiki, istorii, yazyka i literatury. Seriya filologicheskaya*. VI. pp. 46–64.
2. Alieva, A.I. (2016) Kavkazskoe otделение Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva [The Caucasian branch of the Imperial Moscow Archaeological Society]. *Izvestiya SOIGSI*. 20(59). pp. 71–81.
3. Alieva, A.I. (2019) *Adygskiy geroicheskiy epos. Skazka: Istochnikovedenie. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika* [The Adyghe heroic epic. Fairy tale: A source study. Textual criticism. Typology. Semantics. Poetics]. Moscow: IMLI.
4. Altman, M.S. (n.d.) *Iz dnevnikov 1919 – 1929 gg.* [From the diaries of 1919–1929]. [Online] Available from: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B307%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=75> (Accessed: 13th August 2024).
5. Bekoeva, T.A. & Kusova, L.B. (2010) Prosvetitel'skaya deyatel'nost' L.G. Lopatinskogo v Severo-Kavkazskom regione [Educational activities of L.G. Lopatinsky in the North Caucasus region]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*. 4. pp. 49–53.
6. Bilous, V.M. (2019) *Ukrains'ki doslidniki traditsiynoi kul'turi ta pobutu zarubizhnikh narodiv (XIX st.): narisi*. Lviv: Institute of Ethnology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
7. Vishik, M.I., Danilyuk, I.I., Oleynik, O.A. et al. (1982) Yaroslav Borisovich Lopatinskiy (Nekrolog) [Yaroslav Borisovich Lopatinsky (Obituary)]. *Uspekhi matematicheskikh nauk*. 37(3). pp. 167–169.
8. The State Archives of Stavropol Region (GASK). (1890–1891) *O sluzhbe uchiteley Stavropol'skoy gimnazii* [About the service of teachers of the Stavropol gymnasium]. Fund 73. List 1. File 245.
9. Dronov, M.Yu. (2013) Mikhail Andreevich Balug'yanskiy: “Svoy” sredi “chuzhikh”, “chuzhoi” sredi “svoikh” [Mikhail Andreevich Balugyansky: “Us” among

“Strangers,” “Stranger” among “Us”]. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii* [The Slavic World in the Third Millennium]. Vol. 8(1). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 156–164.

10. Dronov, M.Yu. (2018) Galitskie, ugarskie i bukovinskie rusiny kak ob'ekt vnimaniya Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Galician, Ugrian and Bukovinian Rusins as an object of attention of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Borisenok, E.Yu. & Leskinen, M.V. (eds) *Malorossy vs ukraintsy: Ukrainskiy vopros v nauke, gosudarstvennoy i kul'turnoy politike Rossiyskoy imperii i SSSR. Ocherki* [Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state and cultural policy of the Russian Empire and the USSR. Essays]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 311–342.

11. Stratonov, V.V. (ed.) (1909) *Kavkazskiy kalendar' na 1910 god* [The Caucasian calendar for 1910]. Vol. 2. Tiflis: Office of the Emperor's Governor in the Caucasus.

12. Elzenger, A.A. & Stelmashchuk, N.P. (eds) (1913) *Kavkazskiy kalendar' na 1914 god* [The Caucasian Calendar for 1914]. Tiflis: Office of the Emperor's Governor in the Caucasus.

13. Stelmashchuk, N.P. (ed.) (1916) *Kavkazskiy kalendar' na 1917 god* [The Caucasian Calendar for 1917]. Tiflis: Office of the Emperor's Governor in the Caucasus.

14. Klyarovskiy, I.I. & Rakov, A.P. (1892) *Pyatigorskaya progimnaziya. Istoricheskaya zapiska dvadtsatipyatiletiya ee sushchestvovaniya. 1866–1891* [Pyatigorsk Progymnasium. Historical Notes on the Twenty-Five Years of Its Existence. 1866–1891]. Pyatigorsk: O.A. Gnedich.

15. Kusova, L.B. (2005) *Nauchno-prosvetitel'skaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' L.G. Lopatinskogo, T.P. Kashezheva i P.I. Tambieva na Severnom Kavkaz* [Academic, educational and pedagogical activities of L.G. Lopatinsky, T.P. Kashezhev and P.I. Tambiev in the North Caucasus]. Vladikavkaz: North Ossetian State University.

16. Caucasian Educational District. (1904) *Lichnyy sostav Kavkazskogo uchebnogo okruga k 1 yanvarya 1904 g.* [Personnel of the Caucasian educational district by January 1, 1904]. Vol. 1. Tiflis: Office of the Chief of the Civil Division in the Caucasus.

17. Lopatinskiy, L.G. (1890) *Russko-kabardinskiy slovar' s ukazatelem i kratkoy grammatikoy* [Russian-Kabardino dictionary with a pointer and brief grammar]. Tiflis: Office of the Chief of the Civil Division in the Caucasus.

18. Anon. (n.d.) *Lopatinskiy Vyacheslav L'vovich* [Lopatinsky Vyacheslav Lvovich]. In: *Ofitsery Russkoy Imperatorskoy armii* [Officers of the Russian Imperial Army]. [Online] Available from: https://www.ria1914.info/index.php/Lopatinskiy_Vyacheslav_L'vovich (Accessed: 13th August 2024).

19. Nazarli, A.E. (2018) Rol' rossiyskikh uchenykh v organizatsii Bakinskogo gosudarstvennogo universiteta [The role of Russian scientists in the

organization of Baku State University]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 3. pp. 77–85.

20. Caucasian Educational District. (1886) *Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedeniy za 1885 god* [Report of the Trustee of the Caucasian Educational District on the State of Educational Institutions in 1885]. Tiflis: Office of the Chief of the Civil Division in the Caucasus.

21. Caucasian Educational District. (1892) *Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedeniy za 1891 god* [Report of the Trustee of the Caucasian Educational District on the State of Educational Institutions in 1891]. Tiflis: Office of the Chief of the Civil Division in the Caucasus.

22. Caucasian Educational District. (1895) *Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedeniy za 1894 god* [Report of the Trustee of the Caucasian Educational District on the State of Educational Institutions in 1894]. Tiflis: Office of the Chief of the Civil Division in the Caucasus.

23. Panazhenko, I.L. (1889) *Istoricheskaya zapiska o Novgorodseverskoy gimnazii* [Historical note about Novgorodseverskaya gymnasium]. Kiev: S.V. Kulzhenko.

24. Polek, V.T. (1984) Lev Lopatins'kiy – doslidnik Kavkazu. *Zhovten'*. 9. pp. 92–93.

25. Ptitsyn, A.N. (2022) Rusins in the Institute of Slavic Scholars (1866–1882). *Rusin*. 70. pp. 86–103 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/6

26. Ptitsyn, A.N. (2023) Rusins – headmasters of St. Petersburg and Moscow gymnasiums in the 1870s – 1900s. *Rusin*. 71. pp. 60–75 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/3

27. Russian State Historical Archive (RGIA). (1883–1885) *Delo o besporyadkakh v Troitskoy gimnazii Orenburgskogo uchebnogo okruga* [The case of riots in the Trinity Gymnasium of the Orenburg educational district]. Fund 733. List 165. File 20.

28. Russian State Historical Archive (RGIA). (1866–1875) *Delo o spiskakh stipendiatov (1866–1875)* [Scholarship list case (1866–1875)]. Fund 733. List 169. File 15.

29. Caucasian Educational District. (1891) *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vol. 12. Tiflis: Administration of the Caucasian Educational District.

30. Ministry of Public Education of Russia. (1871) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of Resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

31. Ministry of Public Education of Russia. (1882) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1881/2 uchebnyy god* [List

of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1881/2 academic year]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.

32. Ministry of Public Education of Russia. (1917) *Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1917 g.* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1917]. Petrograd: Senatskaya tipografiya.

33. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/7

34. Sulyak, S.G. (2023) Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm Land. *Rusin*. 74. pp. 35–108 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/74/4

35. Sukhiy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva (rosiys'kiy chinnik u gromads'kiy dumtsi ta suspil'no-politichnomu zhitti galits'kikh ukraïntsiiv u XIX stolitti)*. Lviv: Lviv State University.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).

Andrey N. Ptitsyn – North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

E-mail: ptiandr@gmail.com

УДК 94(47)+94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/5

Служение отца Петра Антоновича в Холмщине

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Пётр Алексеевич Антонович (1877–?) происходил из потомственной семьи священников. Его отец и дед были священниками в с. Малый Карасин на Волыни. П. Антонович с 1908 по 1915 г. служил на различных священнических должностях в Холмской и Люблинской епархии. Также он занимался научной и публицистической деятельностью, участвовал в общественной жизни Холмщины. В своих исследованиях он поднимал малоизученные вопросы истории православия на Волыни и Холмщине. Среди его работ: «Из недавнего прошлого Волыни» (Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 7–10), «Как грубешовские мещане противились введению унии» (Холмская церковная жизнь. 1909. № 6), написанные на основе малоизвестных источников. Также на страницах епархиальных изданий он поднимал вопросы о проблемах русской православной церкви («Современное состояние Православной церкви и её задачи в будущем» (Холмская церковная жизнь. 1912. № 9, 11, 13)), совершенствования преподавания в школах «Закон Божьего» («Законоучительство в начальной народной школе» (Холмская церковная жизнь. 1914. № 21)). Ряд некрологов, написанных им во время служения в Холмщине дают сведения о простых священниках, немало сделавших для сохранения православия в крае и разработке его истории. Во время войны писал обзоры положения дел на фронте, о разрушениях захватчиками храмов на Волыни, опубликовал очерк «Крестьянин-герой (К годовщине мученической кончины Стефана Веремчука). † 9 сентября 1915 года» (Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 38).

Ключевые слова: Пётр Антонович, Волынская епархия, Холмская и Люблинская епархия, Холмщина, Волынь, Люблинская губерния, Привислинский край, русины, православие

The activities of Father Pyotr Antonovich in Chełm Land

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Pyotr Alekseevich Antonovich (1877–?) came from a family of hereditary priests. His father and grandfather were priests in the village of Maly Karasin in Volhynia. From 1908 to 1915, Antonovich served in various priestly positions in the Chełm and Lublin dioceses. He was also involved in academic and journalistic activities, and participated in the public life in Chełm. In his research, he raised the understudied issues in the history of Orthodoxy in Volhynia and Chełm. Among his works are “From the Recent Past of Volhynia” (*Volynskie eparkhial'nye vedomosti*, 1909, Nos. 7–10), “How the Grubeshovsky Townspeople Resisted the Introduction of the Union” (*Kholm'skaya tserkovnaya zhizn'*, 1909, No. 6), based on understudied sources. He also raised the problems of the Russian Orthodox Church in diocesan media (“The Current State of the Orthodox Church and Its Tasks in the Future” in *Kholm'skaya tserkovnaya zhizn'*, 1912, No. 9, 11, 13), improving teaching The Law of God in schools (“Law Teaching in Primary Public School” in *Kholm'skaya tserkovnaya zhizn'*, 1914, No. 21). A number of obituaries he wrote during his service in Chełm provide information about ordinary priests who did a lot to preserve Orthodoxy in the region and develop its history. During the war, Antonovich wrote reviews of the situation at the front, about the destruction of churches in Volhynia by the invaders, and published an essay “The Peasant Hero (On the Anniversary of the Martyrdom of Stefan Veremchuk). † September 9, 1915” (*Volynskie eparkhial'nye vedomosti*, 1916, No. 38).

Keywords: Pyotr Antonovich, Volhynia diocese, Chełm and Lublin diocese, Chełm, Volhynia, Lublin province, Vistula region, Rusins, Orthodox Christianity

Ранее вышло несколько наших статей, посвящённых вопросам православия и сохранения этнической принадлежности местного русинского населения Холмщины и Подляшья (Подлясья) (см., напр.: [40–43]). Речь в них шла о известных личностях. Благодаря интернет-проекту «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке» [26], который координируется Спасо-Преображенским Соловецким монастырём, стали доступны сведения о многих простых

священниках, в т. ч. служивших в Привислинском крае. Основным православным населением края были русины, крестьяне и мещане, многие столетия находившиеся под правлением Польши и католической церкви, подвергавшиеся полонизации даже после того, как край стал частью Российской империи. Благодаря этим священникам началась научная разработка истории края и православия в нём. Среди православных священников были как местные уроженцы, так и галичане, приглашённые в своё время в Холмщину и Подляшье стараниями Ф.Г. Лебединцева, и выходцы из Великороссии и Малороссии. Одним из таких священников был Пётр Алексеевич Антонович (23.03.1877–?), служивший в Холмщине с 1908 по 1915 г. После её оккупации австро-германскими войсками в 1915 г. он был вынужден, как и большинство холмского духовенства и значительная часть населения, эвакуироваться.

Деятельность П. Антоновича на Холмщине пришлась на непростой период. После выхода в 1905 г. указа императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» и манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» была установлена свобода выбора религии и свобода отправления религиозных обрядов. Воспользовавшись этим, католическое духовенство при поддержке польских помещиков усилило католическую пропаганду в Холмщине и Подляшье, что привело к переходу 150 тыс. русинов бывших униатов в католицизм. Как писал И.П. Филевич, в Холмщине распускались слухи, будто бы царь со своей семьёй «оставил православие, принял “единоспасательную католическую веру”, признал власть святейшего папы и что именно оттого стали по-прежнему разъезжать по всей Холмщине польские бискупы». Он отметил, что «стремительность польского натиска вызвала у русского населения Холмщины смущение и тревогу» [43: 129–130].

Помимо церковной П. Антонович занимался научной деятельностью, изучая малоизвестные вопросы истории православия на Волыни и Холмщине, как публицист освещал события в Волынской и Холмской епархиях, поднимал в своих статьях богословскую тематику, участвовал в общественной жизни Холмщины (в частности, в съезде русских деятелей Привислянского края в Холме (28–30 декабря 1909) и совещании для предварительного обсуждения вопросов программы Всероссийского съезда законоучителей церковно-приходских и земских школ в г. Холме (10–11 апр. 1914)), занимался реконструкцией и ремонтом храмов.

Пётр Алексеевич Антонович родился 23 марта 1877 г. Его отец служил священником с. Вербична Ковельского уезда Волынской губернии Волынской и Житомирской епархии [44: 818].

Алексей Антонович, сын Иоанна Антоновича, священника с. Малый Карасин (Карасин) Сошичанской волости Ковельского уезда. В 1871 г. в возрасте 25 лет он закончил Волинскую духовную семинарию по второму разряду, в которую поступил после Мелецкого духовного училища в сентябре 1865 г. «Способностей средственных, прилежания неослабного, поведения очень хорошего». 17 сентября 1872 г. был рукоположен в с. Малый Карасин Ковельского уезда [44: 700]. Скончался 5 сентября 1900 г. в возрасте 59 лет, будучи священником с. Вербична. «После него осталась жена его Феофила Ивановна 45 лет и не пристроенные дочери: Вера, девица, 18 лет и Надежда 9 лет» [31: 643].

Пётр в 1891 г. закончил Мелецкое духовное училище. В 1891 г. поступил в Волинскую духовную семинарию. Закончил её в 1897 г. (шестой класс 2-го отделения по 2-му разряду, «с одобрительным свидетельством об окончании») [36: 444; 44: 818].

Работал учителем церковно-приходской школы с. Черниева Владимир-Волинского уезда. После хиротонии в иереи, 7 мая 1898 г., по прошению был переведён на священническое место в с. Сусск Луцкого уезда [22: 308].

После смерти отца стал священником в с. Вербична. Служа в Вербична, 5 ноября 1903 г. был награждён епископом Волинским и Житомирским Антонием (Храповицким) набедренником [23: 864].

1 сентября 1905 г. епископ Владимир-Волинский, викарий Волинской епархии Арсений (Тимофеев) освятил «совершенно обновлённый» храм Св. Архистратига Михаила в Киселине. Епископ отметил: «Усердие и преданность поступившего на этот приход священника Петра Антоновича своему делу не замедлили дать свой результат – в обновлении (при живейшем участии, в исполнении стеной живописи храма, самого о. Антоновича) Киселинского храма, замечательно прочной каменной постройки и оригинальнейшей архитектуры, смесь стилей: православного, католического чуть ли не индийской пагоды. Вполне можно надеяться, что жизнь Киселинского прихода отныне воспрянет и, руководимая добрым, рачительным пастырем, пойдёт нормальным путём» [37: 550].

В Вербично в то время уже служил о. Иоанн Сакович. Как писал епископ Арсений, «Храм сравнительно новый и содержится в порядке. Настоятель сего прихода, священник Иоанн Сакович... производит впечатление какого-то экзальтированного и не думаю, чтобы достаточно устойчивого в настроении, хотя далеко не глупого и с огоньком человека» [37: 552].

7 апреля 1906 г. епископ Арсений наградил о. Петра, священника м. Киселина, за примерное исполнение пастырских обязанностей

скуфьею (повседневный головной убор православного духовенства и монахов, жалуемый священникам как первая награда) [24: 215].

С 1 сентября 1908 г. священник Волынской епархии о. Пётр Антонович «принят на службу в Холмскую епархию¹ и определён помощником настоятеля Николаевской церкви г. Грубешова» (г. Грубешов Грубешовского уезда Люблинской губернии) [27: 634]. С 1 июля 1909 г. он назначен настоятелем Менянской церкви Гребешовского уезда [28: 442]. С 1 августа 1911 г. Петр Антонович становится старшим священником при Радочницком женском монастыре Св. Антония [29: 458].

В 1912 г., будучи священником церкви Радочницкого женского монастыря, получил архипасторское благословение от епископа Холмского и Люблинского Евлогия (без грамоты) «за труды по ремонту Шиховицкой церкви грубешовского уезда» [18: 130]. С 1 февраля 1913 г. старший священник Радочницкого женского монастыря Пётр Антонович назначен духовным следователем Замостского округа [25: 85]. В мае 1913 г., ко дню рождения императора, за заслуги, как священник женского монастыря, был награждён Святейшим Синодом камилавкою [39: 315]. 30 мая 1913 г. архиепископ Евлогий посетил Радочницкий женский монастырь. Ежегодно монастырь праздновал храмовой праздник два дня: 31 мая и 1 июня. Архиепископ совершил всенощное бдение, а на следующий день провёл Божественную Литургию, молебен Спасителю и Св. Преп. Антонию Печерскому с крестным ходом в Св. Антониевской церкви. 2 июня архиепископ в этой же церкви совершил Божественную Литургию, вечерню и постриг в мантию двух монахинь монастыря и возложил камилавку на священника Петра Антоновича [19: 408, 411; 20: 364].

10–11 апреля 1914 года в г. Холме прошло совещание по предварительному обсуждению вопросов программы всероссийского съезда законоучителей церковно-приходских и земских школ, созванное архиепископом Евлогием. Почётным председателем собрания был избран архиепископ Евлогий, председателем общих собраний – кафедральный протоиерей Андрей Козловский, секретарями избрали священников о. Емилиана Бекаревича и Петра Антоновича. Последний стал и секретарём второй секции. Вторая секция рассматривала вопросы второго отдела программы: «меры и средства к наилучшей постановке преподавания Закона Божия в начальных школах и к усилению религиозно-воспитательного воздействия на учащихся сих школ» [35: 318–320].

17 января 1915 г. о. Пётр перемещён на должность настоятеля Ново-Александровской церкви [21: 92].

Был в эвакуации, проживал в Белгороде. Газета «Холмская церков-

ная жизнь», которая временно стала издаваться в Москве, в № 13 от 1 декабря 1916 г. сообщает адреса священников Холмской епархии, в т. ч. и о. Петра: «Антонович Пётр (Н. Александрия) – г. Белгород, Курской губ. Смоленская, № 5» [1: 11].

4 апреля 1916 г. о. Пётр, настоятель Ново-Александрийского прихода Холмской епархии, был назначен по распоряжению епархиального начальства Волынской епархии, «согласно прошению, Владимиро-Волынским уездным наблюдателем церковно-приходских школ с прикомандированием его к Владимир-Волынскому собору» [38: 157].

К сожалению, дальнейший жизненный путь, как и год смерти П.А. Антоновича, неизвестны.

Публицистическая деятельность о. Петра небогата. С 1908 по 1916 г. опубликовано 15 его заметок, некрологов, очерков, рецензий, обзоров, статей, выступление и одна брошюра. 8 материалов напечатано в «Волынских епархиальных ведомостях», 7 – в «Холмской церковной жизни», брошюра «Что пережила Холмская Русь. Популярный исторический очерк» вышла как приложение к газете «Холмская Русь» [2–16]. Вполне вероятно, что это не все труды о. Петра. Он мог публиковаться в других, в т. ч. и холмских, изданиях. Восемь из указанных выше работ посвящены Холмщине.

В небольшой заметке «Из церковной жизни», вышедшей в «Волынских епархиальных ведомостях» 20 июля 1908 г., он рассказывает о том, что 27 июня в с. Твердынях Владимир-Волынского уезда была закладка нового храма. Прежний, деревянный храм, заложенный 21 ноября 1664 г., «пришёл в ветхость». При стечении около двух тысяч человек тремя священниками было совершено богослужение. Автор отметил, что «местные и соседние помещики, как русские, так и католики, внесли щедрые жертвы на новый храм и школу» [6].

В начале публикации «Из недавнего прошлого Волыни» (1909) П. Антонович поднял вопрос о недостаточном изучении вопросов церковной жизни на Волыни «в первые годы по воссоединении, в годы, предшествовавшие Крымской войне, и даже более близкие». Хотя в этом периоде нет знаменательных событий, которые могли бы заинтересовать исследователей. Но «всё-таки он представлял бы собой материал для истории, как всё минувшее, уже по одному этому должен быть исследован» [4: 146].

К сожалению, имеются проблемы с поиском архивов, где содержатся данные материалы. Волынская консистория, скорее всего, не имеет архива. Ранее она помещалась в Преображенском монастыре г. Острога, где был пожар 18 апреля 1821 г. Уже пробел в четверть века. После 10-летнего пребывания в Аннополе, консистория перемещается в Почаевскую Лавру (перешедшую 25 ноября 1831 г. из унии

в православие), а через несколько лет в Житомир. «Трудно допустить, чтобы при перевозках на подводах за сотни вёрст перевезён был весь Консисторский архив. Но если он и весь перевезён, доступ к нему пока имеют лишь лица, служащие в Консистории, мало заинтересованные научной разработкой архива» [4: 147].

Исследователь считает, что сохранившиеся архивы можно найти в городских церквях, при которых существовали духовные правления, если архивы после закрытия этих учреждений не были переданы в консисторию. Вряд ли также сохранились архивы благочиннические и церковные: «ретивые церковные старосты и сторожа, при уничтожении следов ненавистной унии, пожгли их, а с ними вместе и неоцененные сокровища рукописные и старопечатные, в угоду не менее ретивому батюшке, трепетавшему перед грозным владыкой, строго каравшим за сохранение всего того, с чем было связано хоть малейшее воспоминание об унии» [4: 147].

При ремонте одной из церквей Владимир-Волынского уезда автору удалось найти остатки благочиннического архива с 1826 по 1870 г. «После нескольких лет труда, осложнявшегося разрозненностью найденного архива, обветшалостью бумаги, полинялостью чернил и другими затруднениями, нам удалось сгруппировать бумаги за вторую четверть минувшего столетия по их содержанию». В архиве содержались сведения «о воссоединении униатов на Волыни, об отношении высшего духовенства к низшему и о взаимоотношениях клириков, об отношениях к духовенству властей, владельцев имений и паствы, о духовных училищах и “поселянских” школах, о материальном положении духовенства, о ремонте церквей на казённый счёт, о ревизиях церквей протоиереями, командированными Св. Синодом, о домашнем быте духовенства, о преступлениях духовенства и т. д.» [4: 147].

Эти сведения нельзя назвать обширными, «это лишь жалкие крупицы». Но при отсутствии других, автор предлагает их «вниманию благосклонных читателей» и рад был бы получить дополнения и разъяснения по предлагаемому материалу «со стороны лиц, располагающих более обстоятельными сведениями, равно как со стороны старцев, сохранивших в памяти пережитое, или рассказы своих отцов». Также впервые П. Антонович публикует данные о церковной школе [4: 148]. Очерк был опубликован в четырёх номерах газеты [4].

В публикации «Как грубешовские мещане противились введению унии» (Холмская церковная жизнь. 1909. № 6, 7) автор рассказывает, как мещане г. Грубешов² в XVII в. «проявили такую ревность в защите православной веры против замены её унией, с какой редко где боролись православные». П. Антонович пишет, что он вспоминает

«этих славных защитников “русской” веры в наше шаткое время, когда потомки этих славных защитников родного православия, по даровании свободы веры, позорно оставили православие и перешли в католичество, изменив не только вере, но и национальности, надругавшись над заветами доблестных предков, над их святыми верованиями, над их страданиями, претерпенными за православие» [8: 228]. В материале он использовал текст двух жалоб, записанных холмским униатским епископом Мефодием (Методии) Терлецким в грубешовской книге. Их в своём переводе предоставил настоятель Николаевской церкви г. Грубешова священник Орест Мильков [8: 260].

Вначале автор раскрывает политическую подоплёку унии: «Русский народ, оказавшийся волею судьбы под властью Польши, по своей численности и по занимаемой им земельной площади, много превосходил, особенно в соединении с Литвой, народ польский. Иметь под собой такого гиганта со своим особым законодательством, особым языком, своею национальностью и религией было, действительно, опасно в политическом отношении при отсутствии прочной внутренней связи между двумя народами. Необходимо было создать эту связь в виде одной общей религии, и польское правительство не задумываясь приняло к сведению и исполнению планы иезуитов относительно введения унии, которая, к тому же, шла навстречу желаниям некоторых православных епископов, видевших в ней единственный выход из умышленно созданного правительством бесправного положения русских архиереев, видевших в ней возможность укрывать церковные недуги, а также, конечно, и возможность устроить своё личное благополучие» [8: 228–229].

На соборе, созванном польским королём в Бресте в 1596 г. уния принимается заранее согласившимися епископами. На одновременно проходившем соборе православном, который состоял из присланных восточными патриархами экзархов, Перемышльского и Львовского епископов и православных мирян во главе с Константином Острожским, уния осуждается как ересь и придаётся анафеме [8: 229].

Среди подписавших унию был Холмский епископ Дионисий Збируйский, принявший её под давлением. Его паства долгое время оставалась православною [8: 230–231]. Унию вводят разными мерами, но «эти меры блекнут перед вошедшими в употребление» при пятом холмском униатском епископе Мефодии Терлецком (1630–1649 г.) [8: 232].

Как указывает исследователь, «трудно было в дни Терлецкого православным устоять в своей вере, как бы они дружно не объединялись для борьбы. Эта трудность яснее всего будет видна из описания дела епископа Терлецкого с грубешовскими мещанами» [8: 234].

Древнерусский город Грубешов «представлял собой в начале XVII столетия кое-что более значительное, чем то, что он представляет собой в наше время», – напоминает автор. Этот город лежал на главной транзитной дороге между Львовом и Краковом, Познанью и Литвой. Он был и значительным центром православия. В нем было несколько церквей, построенных в «течение раннего периода русской истории». В Николаевской церкви была и сохранилась до настоящего времени древняя икона, глубоко чтимая окрестным населением. Перед этой иконой склонял свои колена князь Даниил Галицкий. Основной состав православных составляли ремесленники, объединённые в цеха. Окрестное население, посещая по торговым делам Грубешов, в церковных порядках видело образец, которому старалось по мере сил своих подражать. Осознавая влияние таких православных центров на окрестности, униаты старались привить в первую очередь унию им [8: 234–235].

Королевские комиссары, согласно декрету 1633 г. об отдаче православным некоторых церквей в Польше и Литве, должны были передать православным в Грубешове две церкви: Св. Креста и Николаевскую. Терлецкий считал решение короля незаконным на том основании, что оно не было согласовано с Римом, и решил воспрепятствовать передаче. Три комиссара (Станислав Зборовский, староста городельский, Ян Станишевский, ключник луцкий и князь Григорий Четвертинский) «начав с 12 декабря 1636 г....передали православным церкви в Люблине, Соколе и Бельзе и на обратном пути, неожиданно для Терлецкого, уже в начале 1636 г., прибыли в Грубешов и передали церкви, взяв, по словам Терлецкого, ни на чём не основанном, от православных взятку в 300 злотых. Узнав о состоявшейся передаче, Терлецкий не задумываясь приказал опечатать грубешовские церкви своею печатью» [8: 253].

Среди народа ходили слухи, что король Владислав IV не такой враг православию, как был Сигизмунд III, что король «расположен к казакам и при восшествии на престол вернул православной церкви её права». Передача комиссарами церквей убедила горожан, что эти слухи верны. Грубешовцы посчитали, что если бы они столкнулись с епископом, то король был бы на их стороне [8: 254–255].

Всё началось после того, как униатский священник Успенской церкви в Грубешове Василий Гоч (или Гоцевич), исполнив повеление епископа, опечатал к пасхе обе церкви и вывесил на дверях церкви Успения Божией Матери «юбилейный отпуст» папы Урбана VII. Скорее всего, речь шла об индульгенции 6 мая 1634 г. об отпущении грехов всем униатам и римско-католикам, которые захотели бы совершить в одном из базилианских монастырей сорокачасовую молитву «об

искоренении схизмы». Ночью с пятницы на субботу перед Вербным воскресеньем «православные грубешовцы эту индульгенцию сорвали, приложенную к ней печать Терлецкого разломили, а прочее что осталось выпачкали навозом и грязью» [8: 255].

В субботу Василий Гоч явился в городской суд и попросил «занести в книги жалобу на мещан грубешовских, учинивших скандал с индульгенцией. Виновными оказались: Лев Храшко, Сергей Пятко – советники, Стефан Демкович и Гавриил Конющик (известный по делу 1634 г.³) – лавники, а также следующие мещане: Максим Краско, Тимофей Пикуля, портной Николай Назарович, сапожник Назар, Иосиф Денук, Лесько Стабневич, Стефан Красько, Константин Маркович, Феодор Метелица, Роман Стабневич (тоже известный по делу 1634 г.), Климко Кушнир, Иван Рымарчук, Корнилий Васкович, Феодор Нерода, Стефан Олеськович, Кондрат Чотербокович, Василий Романович и Василий Рак». В жалобе Гоч обозвал их «выродками блаженной памяти отцов своих, которые до последних дней жизни твёрдо пребывая и в унии с римской церковью в бозе почили» [8: 255–256].

В Великую субботу православные срывают с дверей двух церквей печати, моют, чтобы очистить от униатской скверны, стены и пол храма Св. Николая, приводят туда монаха Мартина, устроив ему торжественную встречу с колокольным звоном. После чего в храме проводится служба во все праздничные дни и в следующие воскресные [8: 256].

В четверг после недели о Самаряныне Василий Гоч явился в суд с новой жалобой, хотя уже прошло около четырёх недель. В своей жалобе он упоминает о двух случаях срывания печатей. Вероятно, после Пасхи он запечатал церкви обратно, «желая вызвать новые факты для обвинения православных и в ожидании их не заносил жалобы». Но новых фактов, кроме срывания печатей, не появилось. Обвинялись православные в том, что они, «упорно противясь Богу и служителям его – униатским священникам, кои взыскивают все полезные средства, как-бы правым путём вернуть их обратно в овчарню Христову, в которой они некогда находились», дерзнули сорвать «должностные печати епископа с двух русских церквей, насильно ворвались туда, ввели с торжественностью обманщика монаха Мартина, злочестивого и закоренелого схизматика, злейшего и непримиримейшего врага св. унии»...» [8: 257].

Обвиняемыми стали: Климко шубник, Николай Назар, Гриць Мошонка, Николай Совка, Яцко Рымарчук, Кондрат Ратко, Гриць Неело, Яцко Сухий, Феодор Деркач, Афанасий Фигумок, Стецько Немчик, Стецько Беднарь, Феодор Сирота, Андрей Серкунь, Савва Попович, Герасим Денищук, Федько Савка, Трафим Гелета, Иван Гелета, Иван Костюкович, Охрим Сапожник, Гаврило Костюкович, Марко Сексюн,

Мисько (Михаил) Грицович, Алексей Вавриневич. Николай Назар участвовал и в осквернении индульгенции [8: 257–258].

Жалобы остались без ответа. Тогда священнику на помощь приходит епископ. Он пожаловался королю на комиссаров, обвинив их в неправильном выполнении порученного дела. Король 8 мая 1636 г. высказал комиссарам своё неудовольствие, упрекнув их в передаче православным церковей, в т. ч. в Грубешове, на которые претендуют униаты. Он поручил им ещё раз приехать туда, известив их заранее о своём прибытии. Терлецкий также добивается наказания горожанам и через два года грубешовское дело слушается в высших инстанциях [8: 258].

11 августа 1638 г. Терлецкий обвинил «грубешовского бургомистра и ратманов в сочувствии мещанам. 20 августа люблинским трибуналом выдан и 22 ноября предъявлен суду для записи декрет против членов грубешовской городской управы по поводу несовершення ими казни над осужденными грубешовскими мещанами. За неисполнение Терлецкий потребовал уплаты членами управы 5 000 гривен». Трибуналом также были разобраны жалобы Терлецкого, записанные в другие городские книги, т. к. попадают фамилии, не указанные в двух упомянутых жалобах [8: 258–259].

Виновными в отрывании печати были признаны Мацько, Крашко и Шевчик. Сапожник Охрим обвинялся в том, что бросил Св. Дары на землю, за что был присуждён трибуналом к сожжению. Гржесета, который не встречается в приведённых жалобах, был приговорён к отсечению головы. Метелица, Пикуля, Трохим Гелета, Рак, Клиш и Сенько Олешкович должны были выкупить свои головы каждый за 100 гривен, а прочие – внести в суд в продолжение недели по 50 гривен. Церкви суд постановил возратить униатам [8: 258–259].

Как понимаем, униатскому епископу не было нужды делать из православных мучеников, но надо было сломить их дух и показательно, через унижение, заставить раскаяться и принять униатскую веру. Выкупить себя и заплатить штрафы мещане не могли, «не имели они и настолько мужества, чтобы принять мученическую смерть». Первым, к 19 октября сломался сапожник Охрим, заявивший, что принимает унию. Епископ сообщил суду, что «освобождает от казни» Охрима. За ним последовали все остальные, «приняв ту самую ненавистную им унию, против которой два года тому назад так мужественно выступали» [8: 259].

Терлецкий этими заявлениями не удовлетворился, решив показать, что «сила в Польше была выше права и справедливости». Принятие в унию покаявшихся грубешовцев он «распорядился совершить по особому унизительному для них чину». Вот как описывает эту цере-

монию епископ Суша: «Освобождённые (в числе более 50 чел.) от кары по суду грубешовцы с жёнами и детьми должны были собраться в городской ратуше одетыми в праздничные наряды. Отсюда они, прикрытые сверх праздничной одежды лохмотьями, со свечами в руках, попарно должны были пройти весь город до самой церкви. Перед входом они должны были преклонить колена и на вопрос архипресвитера: кто они, откуда пришли и чего хотят, они должны были сказать, что они заблудшие овцы, но пришли, раскаявшись, к своему пастырю просить разрешения их от схизмы и принятия в унию. После разрешительной молитвы они сбросили лохмотья и были допущены в униатскую церковь, как её дети» [8: 259–260].

Хотя «печально закончилась попытка грубешовцев оказать противодействие навязываемой им чужой вере», пишет автор, однако «не станем упрекать их в том, что они не имели достаточно мужества для того, чтобы умереть за свою веру мученической смертью». Ведь в последние годы мы «видим потомков их, носящих их фамилии, изменившими не только вере своей, но и народности, изменившими не по принуждению, не из страха смертного, а из позорного желания оставить веру, по их непонятному убеждению, “хлопскую”, а принять веру “панскую”, господскую. Не нам судить наших доблестных, в сравнении с нами, предков. Наш долг почтить в это шаткое время память этих доблестных борцов, сложивших оружие лишь тогда, когда уже не было никакой возможности удержать за собой позицию. Вечная память славным борцам минувшего и немываемый стыд и позор изменникам нашего времени» [8: 260].

В небольшой публикации «К 70-летию воссоединения униатов» (Холмская церковная жизнь. 1909. № 8). П. Антонович пишет, что 25 марта исполнилось 70 лет воссоединения униатов во главе со Святителем Иосифом Семашко. Он приводит текст Синодального указа, разосланный консисториям, который не только излагает историю этого события, но и «отчасти объясняет нам, почему воссоединение 1839 г. было столь удачным по последствиям, почему оно не вызвало никаких упорств и сопротивлений»⁴ [7: 305]. В конце он упомянул, что «к 1839 году на Волини униатов почти не осталось, между тем как “местные” обычаи хранились до 70-х годов, а кое-что хранится и донине» [7: 307].

Служа в Холмской епархии, П. Антонович написал два некролога. Благодаря чему сохранились сведения о простых сельских священниках-галичанах, немало сделавших для сохранения православия и идентичности местного русинского населения. В некрологе «Протоиерей Пётр Феодоров Васенко (род. 25 янв. 1832 г. † 28 июня 1909 г.)» говорится о священнике пос. Крылова. О. Пётр был урожен-

цем Галиции, с. Крива, сыном свободного земледельца. Закончил во Львове 4-классное начальное училище, затем 8-классную классическую гимназию и богословский факультет Львовского университета. 31 августа 1859 г. рукоположен в пресвитера Спиридоном (Литвиновичем), в то время временным администратором Галицкой греко-католической митрополии. Был священником в Галиче и законоучителем местных четырёхклассного мужского и трёхклассного женского училищ. Затем – 8 лет приходским администратором в сёлах Заланове, Домианове и Тустани. В 1873 г. перешёл на службу в Холмскую греко-униатскую епархию. Сначала в Вербковицкий приход, менее чем через год – в пос. Крылов, где служил 35 лет, до самой смерти. За свою добросовестную службу в Галиции и Холмщине получил «множество благодарностей и все доступные сельскому иерею награды до ордена св. Анны 3 ст. включительно». Автор отметил, что «протоиерей П.Ф. Васенко был несомненно одним из выдающихся труженников-иереев, оставивших родину ради православия и деятельности на чисто русской почве» [10: 365].

Некролог «Памяти протоиерея о. Стефана Семеновича» посвящён, по словам автора, незаурядной личности: «как учёный, и как пастырь, и как педагог, и как человек о. Стефан был оригинален, самобытен, типичен и промолчать о его личности ещё и по смерти его было-бы продолжением того же преступного равнодушия к нему, какое он встречал к себе почему то всю свою жизнь» [13: 754].

Он был тоже родом из Галиции, где получил высшее образование, свободно владел несколькими языками. В Холмщину приехал ради православия, хотя, как отметил П. Антонович, «сторонником крутых мер для воссоединения униатов он не был». Начал учебно-педагогическую деятельность в Беле, потом стал инспектором Холмской духовной семинарии, затем учителем немецкого языка в грубешовской прогимназии. Одновременно был настоятелем Николаевского прихода в Грубешове. Автор отметил, что о. Семенович не был виновен в массовом переходе грубешовских мещан в католичество, в чём его обвинили в прессе. Обвинение это «отравило последние дни жизни» священника. К сожалению, опровержение статьи Комарова в «Свете» так и не было напечатано [13: 754–755].

П. Антонович напоминает о научной деятельности о. Стефана, заслужившего «если не бессмертие, то вечную признательность всех интересующихся историей Холмщины. Правда, мы не видим ни отдельного издания его сочинений, ни признания учёных заслуг его со стороны обществ и учреждений, которые должны бы оценить работу этого труженика. Зато в учёных сочинениях по истории Холмщины мы найдём весьма частые ссылки... на Семеновича. Только

недоразумением надо объяснить то, что почивший оставался скромным приходским пастырем в то время, как его место было в учёной архивной комиссии, где при его познаниях он был бы незаменимым работником» [13: 755].

К сожалению, и после его смерти архивы холмские так и остаются нетронутыми, а «исследование почившего о начале унии в Холмской епархии является почти единственным, основанным на местных документальных данных». Учреждённая при «Холмском православном св. Богородицком братстве» археологическая комиссия пока ещё ничем себя не проявила. «Письмо царя Иоанна Грозного Яну Раките» о лютеранской вере так бы и сгнило на чердаке Холмской духовной семинарии, если бы его не обнаружил о. Стефан. В этом письме царь выступает не только как писатель, но и как богослов. Письмо было опубликовано в «Холмско-Варшавском епархиальном вестнике», но оказалось мало замеченным наукой [13: 755–756].

О. Стефан написал первое исследование о Леснинской иконе Божией Матери. «Его открытием овладели и здесь лица посторонние, оставив скромного о. Семеновича в стороне. Других его литературно-научных работ не перечисляем, так как за разбросанностью их трудно с ними ознакомиться. Скромностью почившего надо объяснить и то, что он никогда не издавал своих работ отдельным изданием, а за печатавшиеся в епархиальном органе труды гонорара никогда не получал, и вообще, как истинный учёный, с деньгами обращаться не умел и всегда в них нуждался» [13: 756].

25 марта 1910 г. в «Волынских епархиальных ведомостях» была опубликована корреспонденция П. Антоновича «Из Холма». В ней он рассказал о съезде русских деятелей Привислянского края в Холме 28–30 декабря 1909 г. Маленький Холм «выступил в лице организационного Комитета, в лице большинства участников съезда, уже не как жалкий уездный городишко, а как город, стоящий на страже не только политических, но и культурно-экономических интересов своего края – Холмщины, как город, имеющий все данные для того, чтобы быть поставленным во главе проектируемой Холмской губернии» [5: 250].

Автор отметил, что «немало у Руси Святой разных окраинных областей, немало у этих окраин нужд и бед. Каждая такая окраина имеет полную возможность организовать у себя съезд подобный Холмскому и, однако, за исключением Киевских съездов, Виленского братского и Почаевского миссионерского, мы мало слышим об этих съездах. А между тем они имеют весьма важное общественное значение, являясь пробудителями русского сознания, объединителями разбитых на кружки русских культурных работников и разъяснителями местных нужд и потребностей края. Думаем, что редкость

окраинных съездов происходит от незнакомства с порядком открытия их, от недостатка сознания их важности, а может быть, по местам и от недостатка самоотверженных деятелей, не останавливающихся перед трудностями и работой» [5: 250–251].

На съезде из значимых персон присутствовали владыка Евлогий и член Государственной Думы В.Н. Львов, остальные же участники были простые местные люди, «полные готовности служить родному краю по мере сил своих» [5: 251].

Во время работы съезда автору вспомнилась родная Волынь: «Как велики её нужды, как велики её культурные силы, какая на ней могла бы закипеть работа, если бы её деятели, не смотря на разницу убеждений, объединились бы хотя бы на почве культурно-экономической и дружно обсудили на съезде, хотя бы кое-какие стороны жизни...» [5: 251].

В 1912 г. в трех номерах вышли размышления П. Антоновича о будущем русской православной церкви: «Современное состояние Православной Церкви и её задачи в будущем». Статья начинается следующими словами: «Если единство веры и обряда и есть необходимое условие единства Церкви, то единообразие приходской деятельности есть необходимое условие для возрождения Православия. Если разъединение в области вероучения между иереями редко обнаруживается, то разъединение их в области обряда и приходской практики прямо-таки неопишимо» [15: 301].

Он считал, что «прежде всего должен быть решён вопрос о приходе в смысле юридическом. Право прихожан по отношению к Церкви, её имуществу и причту д. б. разъяснены с возможной полнотой и точно-стью. Точно также должны быть определены и обязанности причта и прихожан, равно как и вопрос материального обеспечения причта с целью освобождения последнего от зависимости от прихожан и от унижительного способа взимания платы за требы. Должна быть выработана и всероссийская такса за необязательные требы, ибо и плата за это многих соблазняет. Но подробнее всего должен быть разработан вопрос о пастырской деятельности в приходе. По нашему, да и вообще современному разумению, пастырь должен быть не только молитвенником и требоисправителем, но, по возможности, всем вся, т. е. учителем, хозяином, врачом, юристом, экономистом, благодетелем, строителем и т. п. Вся народная жизнь должна иметь форму круга, от периферии которого все радиусы должны направляться к центру – храму и его настоятелю – пастырю» [15: 302].

О. Пётр считал, что у пастыря «в руках должны быть все приходские организации, могущие связать его с прихожанами: совет братчиков, народный дом и при нём: читальня, чайная, амбулатория, потреби-

тельская лавка, зала для собраний, школа ремёсел, питомник, опытное поле, богадельня, ясли, кирпичный завод, кредитное учреждение, склад изделий прихожан и т. п.» [15: 302].

Конечно, такая разносторонняя деятельность «от приходских пастырей, требует, разумеется соответствующей подготовки как школьной, так и жизненной» [15: 395]. Далее он приводит своё мнение о подготовке пастырей [15: 395–399].

В заключительной части статьи автор высказывает свой взгляд «на тот *minimum* деятельности, какой немедленно и настойчиво должна осуществлять Православная Церковь для частичного хотя бы своего возрождения, имеющего в полной мере наступить после коренных реформ для того, чтобы, если не возрождаться, то хотя бы не падать ниже и ниже» [15: 463–466].

В 1912 г. в Холме вышла написанная П. Антоновичем брошюра «Что пережила Холмская Русь. Популярный исторический очерк» [17]. Сведения из брошюры использовались при дебатах в Думе в защиту законопроекта о выделении из состава Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний, с образованием из них особой Холмской губернии.

1 ноября 1914 г. (во время войны) в «Холмской церковной жизни» вышел доклад П. Антоновича на Законоучительском съезде в Холме (см. выше) «Законоучительство в начальной народной школе». В нём он ставит вопрос: «Отчего же это церковная школа воспитывает, а земская не воспитывает?». И отвечает: «Оттого, конечно, что в церковной школе главным предметом преподавания является Закон Божий, “все же другие предметы, говорится в объяснительной записке к программе, должны быть по возможности поставлены в более или менее тесную зависимость от него”». Далее он начинает разбирать этот тезис, останавливаясь на двух главных пунктах: «1) о программах в Церковной и Земской школах и 2) о методах преподавания» [3: 777, 779].

Автор считал, что «для плодотворного и успешного воздействия на учащихся путём преподавания Закона Божия законоучитель должен принимать во внимание не одну лишь программу и её требования, а прежде всего 1) природу и точку зрения детей; 2) их силы и развитие. В виду этого преподавание должно быть наглядным и живым, должно переходить от известного к неизвестному, от общего к частному, от трудного к лёгкому. Законоучитель должен всегда помнить, что целью школы является не одно обучение, но и воспитание». Завершается доклад «кратким перечнем тех мер к улучшению постановки преподавания Закона Божия, о каких частью говорено в докладе, частью же умолчано, как о мерах очевидно полезных, не требующих обсуждения» [3: 792–794].

1 июня 1915 г. в этом же издании публикуется небольшая заметка о посещении преосвященным Анастасием, епископом Холмским и Люблинским, г. Ново-Александрии 28 апреля 1915 г.: Владыка прибыл в 9 ч. в приходскую церковь. Во время его проезда через казармы по линии шоссе выстроились войска. Приходской храм находился на третьем этаже Института сельского хозяйства. Настоятель прихода напомнил владыке о первом посещении города, когда на дворе института рвались снаряды. После краткой встречи владыка «с крестным ходом вышел на площадь для молебствия о даровании победы. Здесь к тому времени уже выстроились войска. Перед многолетиями Владыка сказал слово воинам и всем собравшимся о значении переживаемого нами исторического момента. Прикладываясь ко кресту воинов Владыка наделял крестиками и листками». Затем владыка посетил экзамен Закона Божия в 7-м классе местной гимназии и церковно-приходскую школу [14].

После эвакуации из Холмщины он переведён на Волинь, в 1916 г. пишет ряд материалов, посвящённых войне. В № 29/39 и № 32 за 1916 г. «Волинских епархиальных ведомостей» опубликованы краткие сводки о положении на фронте [11; 12]. Описывая успех армий генерала Брусилова, П. Антонович выражает уверенность, что вскоре Львов вновь будет захвачен русскими войсками. Он выразил надежду, что после «успехов последних дней», противник «в недалёком будущем несомненно принуждён будет очистить весь громадный плацдарм до Буча, отдан нам Вл. Волинск и Ковель, а за ними и Холм, и Люблин, т. е. всю площадь до Вислы» [12].

В № 37 того же издания он публикует небольшую рецензию на книгу «Величайшая из великих войн с австро-немцами и турками за правду Божию, за свободу народов. Душевная красота и доблесть русского солдата». Рецензент отметил: «Нельзя не приветствовать это весьма своевременное и милое издание как нельзя более любовно объединившее все то, что яркими блёстками промелькнуло в периодических изданиях и может быть затерялось бы если бы известный своими горячими симпатиями к нашим героям И.В. Преображенский не подобрал этих блёсток и не объединил их в своём новом томике, посвящённом душевной красоте и доблести нашего русского солдата. С восхищением читаешь и перечитываешь по несколько раз странички, изображающие беззаветную удаль русского воина, его безграничную преданность долгу, его любовь к царю и отчизне, с другой же стороны – его поразительную кротость, нежность, незлобие, его душевную доброту» [2].

В № 38 П. Антонович публикует статью «Крестьянин-герой (К годовщине мученической кончины Стефана Веремчука). † 9 сентября 1915

года»⁵. Стефан Веремчук родился в деревне Бабалоки Княгининской волости Дубненского уезда Волынской губернии в бедной семье. Его мать Мария тоже была сиротой, с раннего детства вынуждена была «вести тяжёлую жизнь» в доме своей мачехи. Мачеха её постоянно избивала, таскала за волосы, била головой о стену. У девочки стали образовываться бельма на глазах. Мачеха, боясь осуждения со стороны соседей, пыталась засыпать ребёнку глаза тёртыми семенами гвоздики, но в результате девочка совсем ослепла к семи годам. Несмотря на слепоту, она «продолжала всё делать для себя сама». Когда ей минуло 17 лет, умер её отец. После постоянных притеснений и побоев со стороны мачехи и других родственников, захвативших отцовскую хату и огород, оставила родной дом и ушла к с чужим людям. Рано овдовев, с ребёнком на руках, не имея собственного угла, жила у чужих людей. В благодарность за приют Мария, как могла, следила за порядком в доме. По праздникам и в воскресные дни с ребёнком на руках шла в церковь, стараясь не пропустить ни одной службы. Уже в это время её сын, ещё не умея говорить, был её поводырём [30: 4, 7–9].

Когда сын подрос, мать стала летом ходить с ним на богомолье в монастыри и церкви для поклонения чудотворным иконам и русским святителям. Несколько раз они были в Почаеве и Киево-Печерской Лавре. Эти паломничества воспитали в Стефане глубокое религиозное чувство. Мать стремилась обучить своего сына грамоте. Сделать это в деревне, где не было ни школы, ни учителя, было непросто. Как вспоминала Мария, Стефана учили разные люди. В соседнем с Рудлове была в прошлом церковно-приходская школа. Во время детства Стефана в селе оставалось только два крестьянина, учившихся в ней. У одного из них, Моисея Гильчука, жена была крёстной матерью Стефана, и в его семье Мария прожила почти десять зим. К нему и обратилась мать Стефана. Моисей согласился помочь «услужливому, приветливому и сердечному мальчику поучиться грамоте». Как вспоминала Мария, Стефан был очень понятлив, быстро освоился с чтением и письмом, но всю свою жизнь он чувствовал недостаточность своего образования и часто высказывал сожаление, что ему не удалось закончить школу: «чоловиком я би тоди був». Овладев грамотой, Стефан охотно помогал дьячку на клиросе в чтении и церковном пении. В отроческие годы у него появилась большая любовь к солдатской жизни и к службе [30: 9–12].

В 15 лет мать отдала его в ученики к сапожнику в м. Берестечко. Ремесло Стефан освоил быстро. К тому времени матери удалось получить часть огорода, который забрали её братья. На этой земле, «с большими усилиями», Стефан построил хату и у них наконец появился свой дом. Через год Стефан женился на Иустинии (у П.

Антоновича – Епистимии [9: 266]), бедной, но доброй, трудолюбивой и заботливой девушке из соседнего села Войница. За пять лет до своей мученической гибели он приобрёл одну с четвертью десятины поля. Это было мало, к тому же у Стефана уже было двое детей (23 января 1908 г. в семье Веремчука родился Макарий, в 1911 г. – Леонтий, а за несколько дней до начала войны – Феодор [9: 266]). К сожалению, подобная ситуация с землёй была у большинства его односельчан. Стефан пытался взять больше земли, чтобы лучше жить и хватило на обучение детей. Как единственного грамотного об этом же его просили односельчане. Он, на основании одного прочитанного объявления, даже отправился в Пензенскую губернию, а затем в Туркестанский край. Туркестан ему понравился, и он присмотрел для себя и односельчан участки. Но через две недели после его возвращения домой началась война. Стефану было 29 лет. Он хотел вначале вступить в ряды русской армии «охотником» (добровольцем. – С.С.), но уступил слёзным просьбам матери и жены и стал ждать, когда будут призывать ополченцев (Как единственного сына и многодетного отца, Стефана в армию не призвали) [9: 266; 30: 13–16]. Он следил за действиями русских войск и радовался освобождению Галиции. Будучи уверен в скором заключении мира, Стефан думал пойти зимой в соседнее с. Сморгдушить обувь, взяв с собой сына Макара, чтобы определить его там в школу [30: 16–17].

Однако его планам не было суждено сбыться. Осенью 1915 г. русская армия с боями отступала. «Каждая мало-мальски подходящая позиция была использована нашими войсками для целей обороны. Не могли они отдать без использования и такой позиции, как река Иква, при которой лежала деревушка Баболоки». Командующий 19-й пехотной дивизии генерал-майор А.Д. Нечволодов в рапорте командиру 12-й армейского корпуса генерал-лейтенанту А.М. Каледину сообщил, что «7 сентября сего года, как только части 76-го пехотного Кубанского полка подошли к правому берегу реки Иквы, крестьянин деревни Баболоки княгининской волости дубенского уезда Волынской губернии Стефан Веремчук, 30-ти лет от роду, переправился на лодке с противоположного берега из своей деревни и доложил командиру 2-й роты названного полка, подпоручику Лисицыну, о силе и расположении противника, занимавшего позицию на левом берегу Иквы у деревни Баболоки, после чего немедленно возвратился к своим односельчанам, укрывшимся от выстрелов в вырытых ими ямах. Сообщение Стефана Веремчука оказалось существенно важным. На другой день утром Стефан Веремчук, видя, что группа разведчиков 76-го пехотного Кубанского полка хочет переправиться через реку Икву, быстро переехал через неё в лодке и перевёз их по очереди,

так как лодка была небольшая. Затем Стефан показал разведчикам те окопы, которые занимались австрийцами, после чего они прошли через село и направились к лесу.

Неприятель, заметив русских, открыл по ним сильный огонь и, видя их малочисленность, перешёл в наступление, под натиском противника разведчики бросились через село к реке. По словам присутствовавших при этом односельчан Стефана, один из отходящих солдат сказал находившемуся с ними Веремчуку: “ну, теперь мы пропали, не избежать нам смерти или плена”. Стефан успокоил их словами: “Надейтесь на Бога, он вас спасёт” и посоветовал им не бежать вразброд, но быстро идти и отстреливаться, а сам побежал к реке, приготовил лодку и, подогнав её к берегу, крикнул: “теперь по одному в лодку ложись, перекрестись и с Богом, лодку я буду гнать”. Затем Стефан снял шапку, перекрестился и стал переправлять разведчиков.

Помогая высаживаться из лодки одному из них, он, по словам очевидцев, взмахнул руками, пуля попала ему в бедро навылет.

Тем не менее, несмотря на рану, он отправился с оставшимися разведчиками и перевёз их всех. Залёгшие на нашем берегу солдаты и перевезённые разведчики не пускали Стефана назад и убеждали его не возвращаться в деревню, уверяя, что мадьяры его там убьют, но Стефан умолял их отпустить его, так как у него была там семья, и со словами: “я ещё нужен своим односельчанам” погнал лодку обратно. Причалив лодку и выйдя на берег, Стефан, по словам следивших за ним некоторых односельчан и солдат, тут же упал от потери крови. Затем встал и, пробежав до конопляного поля, вновь упал, потом пополз по этому полю на четвереньках, направляясь к своей хате. Неприятель к этому времени вновь занял окопы около реки, а также поместился в уцелевших от пожара восьми хатах. Когда Стефан был уже близко от своей хаты, несколько мадьяр бросились к нему и затащили его к себе в ближайший окоп.

Многие из жителей слышали, как он кричал при этом: “Ой, ратуйте, православнии я ж вас виручав!”. Из окопа, куда втащили Стефана, неслись душу раздирающие крики и стоны. Сидевшие в ближайшей к этому окопу яме крестьяне передают, что он кричал: “за вас православи, за Царя муки приймаю”, и много раз повторял, обращаясь к любимой им матери: “ой, мамо, мамо, як мени тяжко”. Ближайшим к окопу жителям слышно было затем, как ему чем-то затыкали рот, так как стоны его сделались более глухими. Долго слышались эти заглушенные стоны несчастного; по словам опрошенных, часов около двух.

К утру следующего дня, 9 сентября, мадьяры под натиском наших войск ушли за деревню к лесу на вторую линию окопов. Жена Стефана Веремчука Епистимия, не видя до сего времени мужа и узнав от

проходящих мимо, что Стефан накануне полз, волоча ногу и взывая: “ой, братцы, ратуйте”, пошла искать своего мужа и нашла его шагах в тридцати от своей хаты перед окопом, куда его выбросили австрийцы.

По словам жителей, наблюдавших, как полз Веремчук, никто из них не решался ему тогда помочь, так как в это время начался уже сильный артиллерийский (огонь) и ружейный бой.

При осмотре трупа, по свидетельству жителей и семьи покойного Стефана, оказалось, что, кроме огнестрельной раны, было несколько колотых, руки были порезаны, плечи подрублены с пересечением ключиц, сухожилия под коленями перерезаны и концы сухожилий вытянуты, лицо разбито, в рот в большом количестве набита глина. Кроме того, по показанию чинов 76-го пехотного Кубанского полка, 9 сентября занявших деревню, у Стефана были вырезаны мышцы на груди, на спине, на руках и на ногах. Жена покойного Стефана просила солдат сделать для него гроб, но для этого не было ни времени, ни материала. Поэтому крестьяне, омыв тело мученика, надели на него чистое белье и так предали земле на местном кладбище. Креста не удалось поставить, но жена и односельчане точно знают место, где он погребён» [9: 266–267].

После смерти Стефана Веремчука остались слепая мать Мария Веремчук, 62 года, жена Иустиния (Епистимия), 28 лет, и трое сыновей – Макар 7 лет, Леонтий 5 лет и Федор одного года и трех месяцев от роду [30: 30]. Командир 76-го пехотного Кубанского полка (полковник С.С. Бекбузаров (Бек-Бузаров). – С.С.) «донёс по начальству об этом происшествии», начальник штаба Верховного главнокомандующего доложил о подвиге и мученической кончине Стефана Веремчука и 1 декабря 1915 г. вышло распоряжение императора [30: 30]:

«1) Назначить пенсию матери и вдове покойного Стефана Веремчука, первой в размере 120 рублей в год, а второй в размере 240 рублей в год.

2) Малолетних сыновей его Макария, Леонтия и Федора определить, по достижении ими соответствующего возраста, на казённый счет в одно из учебных заведений, по усмотрению матери, со специальным сельскохозяйственным образованием.

3) Разрешить открыть повсеместную подписку и сбор на постройку памятника-часовни на могиле мученика.

4) Предписать настоятелям всех мирских и монастырских церквей, путём проповедей и бесед, объяснить прихожанам глубокий смысл и значение праведной жизни и высокого подвига Стефана Веремчука, и

5) В виду чистой и глубоко религиозной жизни Стефана Веремчука, описание его жизни и подвига, составленное по показаниям семьи покойного, его односельчан и чинов 76-го пехотного Кубанского пол-

ка, бывших очевидцами геройского подвига и мученической кончины Веремчука, издать для широкого распространения как среди всех частей и команд русской армии, так и повсеместно среди мирного населения Империи» [9: 267; 30: 30–32].

В заметке «Страшные цифры», опубликованной в № 47 за 1916 г. «Волынских епархиальных ведомостей» (последняя найденная публикация П. Антоновича), о. Пётр, основываясь на донесениях благочинных освобождённых от неприятеля уездов Волынской епархии, присланных в Волынскую духовную консисторию, представляющих «ценный статистический материал об убытках, причинённых войною православным приходам, а равно и о допущенных врагом кощунствах и зверствах» [16: 352], привёл перечень приходов, «в коих причинён приходу такой или иной ущерб». Ущерб был разделён на следующие виды: полное сожжение, полное разрушение, частичное или более-менее сильное повреждение, ограбление. Отдельно перечислены храмы, подвергшиеся «великому поруганию». После перечисления сёл трёх уездов (Кременецкий уезд был занят неприятелем не весь, лишь 1/3 часть) и видов нанесённого ущерба П. Антонович для наглядности составил общую таблицу [16: 353]:

Уезды	Сожже- но	Разру- шено	Повре- ждено	Ограбле- но	Поругано	Всего в уезде
Луцкий	25	3	16	6	37	87
Дубенский	24	7	10	6	31	78
Кременецкий	8	3	15	2	7	35
Итого	57	13	41	14	75	200

П. Антонович считал, что его список и таблица могут быть неполными, поэтому предложил всем, кто может помочь дополнить информацию, прислать своё «заявление в консисторию или тут лично мне исправить их или дополнить» Для этого он сообщил свой почтовый адрес: г. Житомир. Гончарная, 8 [16: 353].

К сожалению, это последние обнаруженные нами сведения об о. Петре, человеке, исполнявшем как положено свой пастырский, священнический долг, изучавшем малоизвестные страницы истории православия на Волыне и в Холме, заботившемся об укреплении престижа Русской православной церкви, патриоте своей страны.

Примечания

1. Холмско-Варшавская епархия была образована из двух ранее самостоятельных епархий. Варшавская епархия была учреждена

после польского восстания 1831 г. и состояла из 10–15 церквей, предназначенных для служащих здесь русских. После 1864 г. в связи с большим притоком служащих количество церквей в ней увеличилось, и они разбросаны были, помимо Варшавы, по всем губерниям. Церкви второй были расположены в Люблинской, Седлецкой и частично в Сувалкской губерниях. После присоединения униатов к православию в 1875 г. обе епархии были слиты в одну. Преимущество было отдано названию первой, так как она древнее и существовала по крайней мере с XIII в. Церквам и духовенству первой было присвоено название «древнеправославных», второй – «воссоединённых». После объединения эти названия были устранены, церкви были объединены в 20 благочинных округов по территориальной близости. Два варшавских округа ведали церквами, разбросанными в семи губерниях. В Грубешовском и Томашовском уездах Люблинской губернии, Бельском и Влодавском Седлецкой губернии учреждено по два благочиннических округа в каждом, т. к. «русское население живёт здесь почти сплошными массами и число церквей весьма значительно» [40: 86–87].

В 1905 г. Холмско-Варшавская епархия была разделена на Холмскую в составе Люблинской и Седлецкой губерний, с местопребыванием епископа в городе Холме и с присвоением ему наименования Холмского и Люблинского, и Варшавско-Привислинскую, занимавшую остальную часть Привислинского края. 17 (30) апреля 1905 г. вышел именной указ императора Николая II Правительствующему сенату о введении в Российской империи начал веротерпимости «Об укреплении начал веротерпимости», а 17 (30) октября 1905 г. – «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка». После этого в крае усилилась католическая пропаганда. Многие униаты вновь отпали от православной церкви [34: 10–11].

Это привело к активизации рассмотрения вопроса о выделении из Привисленского края восточных уделов Седлецкой и Люблинской губерний. Его целью была попытка оградить население Холмской Руси «от постепенного поглощающего её польского влияния». В «Особом журнале Совета министров» от 13 января 1909 г. «По проекту Министерства внутренних дел о выделении из состава Привислинского края восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний, с образованием из них особой Холмской губернии» отмечалось, что «русское население Холмской Руси вело упорную за свою национальную самобытность борьбу с надвигающимся полонизмом, неуклонно и последовательно стремившимся денационализировать этот исконный русский край». После издания Манифеста около 150 000 числившихся по книгам, как бывшие греко-униаты, православными перешли в

католицизм. В крае, «пользуясь внутреннею смутою, католическая на национально-польской основе пропаганда усилилась в чрезвычайной степени, и быстрое совращение оставшихся православными униатов в католицизм пошло полным ходом, вызвав серьёзные опасения окончательного ополячения Холмской Руси». Местное русское население, встревоженное этим, «в ноябре 1905 года отправило в С.-Петербург особую депутацию из православного духовенства и мирян во главе с преосвященным Евлогием, епископом Холмским. Депутация предъявила Правительству скреплённое свыше 50 000 подписей ходатайство о выделении Холмской Руси из состава Царства Польского, с образованием из неё особой губернии, а в случае невозможности сего, о присоединении её к соседним Гродненской и Волынской губерниям» [32: 31].

2. Согласно данным переписи 1897 г., в г. Грубешове проживало 10 639 чел., в грубешовском уезде – 101 392. Малорусский язык в качестве родного в г. Грубешове признало 2 285 чел., великоросский – 1 024. В уезде 60 413 и 1 889 соответственно. Православных и единоверцев в городе было 3 167 и 46 058 в уезде. Римско-католиков: 2 063 и 29 666 соответственно [33: 1, 86, 88].

3. 6 декабря 1634 г. в храмовой праздник Роман Стабневич и Гаврила Конющик криками и пением воспрепятствовали хотецкому (очевидно хотешовскому из-под г. Владимира, митрополичьему посланцу) священнику, ревностному униату Григорию Гоцевичу произнести проповедь. После этого случая они не понесли никакого наказания [8: 254].

4. Как понимаем, П. Антонович данной статьёй намекает на ошибки, допущенные в своё время при воссоединении униатов Холмщины и Подляшья (1875). Об этом ранее писал И.П. Филевич. В частности, он подробно разобрал допущенные церковными и светскими властями ошибки при «русификации» и «воссоединении» церковей Холмщины и Подляшья, показал негативную, по его мнению, роль в этом приглашённых священников из Галичины в своей статье «Забытый угол», вышедшей в 1881 г. в «Историческом вестнике» [43: 83]. Об этом же см. у Е.М. Крыжановского [41: 109, 111–112].

5. Для более детального описания биографии Стефана Веремчука мы также использовали вышедшую в 1916 г. по повелению императора Николая II, впечатлённого самопожертвованием крестьянина, брошюру «Описание жизни и подвига героя-мученика крестьянина Стефана Веремчука» [30]. Эта история жизни простого крестьянина, сына слепой женщины-сироты, который смог вырваться из нищеты, выучиться грамоте и ремеслу, думал об образовании для своих детей, в то же время был истинно православным человеком и патриотом

своей родины, не может не тронуть. Подвиг простого крестьянина, спасшего русских солдат ценою своей жизни, мученически умершего за родину, широко освещался в своё время в прессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адреса священников Холмской епархии // Холмская церковная жизнь. 1915. № 13. 1 декабря. Часть офиц. С. 11–14.

2. Антонович П. Библиография. Величайшая из великих войн с австро-немецкими и турками за правду Божию, за свободу народов. Душевная красота и доблесть русского солдата. Петроград, 1916. 96 с. // Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 37. 8 сентября. Часть неофиц. С. 256.

3. Антонович П. Законоучительство в начальной народной школе. Доклад, читанный на Законоучительском съезде в г. Холме // Холмская церковная жизнь. 1914. № 21. 1 ноября. Часть неофиц. С. 777–794.

4. Антонович П. Из недавнего прошлого Волыни // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 7. 15 февраля. Часть неофиц. С. 146–149; № 8. 22 февраля. Часть неофиц. С. 174–178; № 9. 1 марта. Часть неофиц. С. 197–198; № 10. 8 марта. Часть неофиц. С. 204–209.

5. Антонович П. Из Холма (Корреспонденция «Вол. Еп. Вед.») // Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 13. 25 марта. Часть неофиц. С. 250–251.

6. Антонович П. Из церковной жизни епархии // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 28. 20 июля. Часть неофиц. С. 518–519.

7. Антонович П. К 70-летию воссоединения униатов // Холмская церковная жизнь. 1909. № 8. 15 апреля. Часть неофиц. С. 304–307.

8. Антонович П. Как грубешовские мещане противились введению унии // Холмская церковная жизнь. 1909. № 6. 15 марта. Часть неофиц. С. 228–235; № 7. 1 апреля. Часть неофиц. С. 253–260.

9. Антонович П. Крестьянин-герой (К годовщине мученической кончины Стефана Веремчука). † 9 сентября 1915 года // Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 38. 15 сентября. Часть неофиц. С. 263–268.

10. Антонович П. Некролог. Протоиерей Петр Феодоров Васенко (род. 25 янв. 1832 г. † 28 июня 1909 г.) // Холмская церковная жизнь. 1909. № 16. 15 августа. Часть неофиц. С. 635–636.

11. Антонович П. Около войны. К переживаемому моменту // Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 29/30. 14 июля. Оборот обл.

12. Антонович П. Около войны // Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 32. 4 августа. Оборот обл.

13. Антонович П. Памяти протоиерея о. Стефана Семеновича // Холмская церковная жизнь. 1910. № 17. 1 сентября. Часть неофиц. С. 754–756.

14. Антонович П. Посещение Преосвященным Анастасием гор. Ново-Алек-

сандрии // Холмская церковная жизнь. 1915. № 11. 1 июня. Часть неофиц. С. 382–383.

15. Антонович П. Современное состояние Православной Церкви и её задачи в будущем // Холмская церковная жизнь. 1912. № 9. 1 мая. Часть неофиц. С. 301–304; № 11. 1 июня. Часть неофиц. С. 395–399; № 13. 1 июля. Часть неофиц. С. 463–467.

16. Антонович П. Страшные цифры // Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 47. 17 ноября. Часть неофиц. С. 352–353.

17. Антонович П. Что пережила Холмская Русь. Популярный исторический очерк. Приложение к газете «Холмская Русь» за апрель – май 1912 г. Холм: типо-лит. Вайнштейнов, 1912. 55 с.

18. Архипастырское благословение // Холмская церковная жизнь. 1912. № 5. 1 марта. Часть офиц. С. 130.

19. Ганкевич Н., протоиерей. Посещение Высокопреосвященнейшим Евлогием, Архиепископом Холмским и Люблинским, Радочницкого женского монастыря и гор. Красностава Люблинской губ., 30 мая – 3 июня 1913 года // Холмская церковная жизнь. 1913. № 14. 15 июля. Часть неофиц. С. 408–412.

20. Епархиальная хроника // Холмская церковная жизнь. 1913. № 12. 15 июня. Часть неофиц. С. 364.

21. Епархиальные известия и распоряжения // Холмская церковная жизнь. 1915. № 4. 15 февраля. Часть офиц. С. 91–92.

22. Епархиальные распоряжения и известия. Перемены по службе // Волынские епархиальные ведомости. 1898. № 16. 1 июня. Часть офиц. С. 307–309.

23. Епархиальные распоряжения и известия. Преподание архипастырского благословения и награждение скуфьею и набедренником // Волынские епархиальные ведомости. 1903. № 35. 11 декабря. Часть офиц. С. 863–864.

24. Епархиальные распоряжения и известия. Награждение похвальными листами, преподания божьего благословения, награждения скуфьею и набедренником // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 13. 1 мая. Часть офиц. С. 214–215.

25. Епархиальные распоряжения и известия. О переменах по службе // Холмская церковная жизнь. 1913. № 4. 15 февраля. Часть офиц. С. 85–86.

26. Интернет-проект «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке». URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).

27. О переменах по службе // Холмская церковная жизнь. 1908. № 17. 1 сентября. Часть офиц. С. 634

28. О переменах по службе // Холмская церковная жизнь. 1909. № 12. 15 июня. Часть офиц. С. 442–443.

29. О переменах по службе // Холмская церковная жизнь. 1911. № 15. 1 августа. Часть офиц. С. 458

30. Описание жизни и подвига героя-мученика крестьянина Стефана Веремчука. Печатается по Высочайшему повелению. Петроград: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1916. 32 с.

31. О смерти священников и псаломщика // Волынские епархиальные ведомости. 1900. № 29. 11 октября. Часть офиц. С. 643–644.

32. Особые журналы Совета министров Российской империи 1909 год / отв. сост., авт. предисл. Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2000. 599, [1] с.

33. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. 55. Люблинская губерния. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. [4], XII, 262 с.

34. *Петрушко В.И.* Варшавская епархия // Православная энциклопедия. Т. VII. Варшавская епархия – веротерпимость. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2004. С. 8–13.

35. Протокол совещания для предварительного обсуждения вопросов программы Всероссийского съезда законоучителей церковно-приходских и земских школ, состоявшегося 10–11 апреля 1914 года в г.Холме // Холмская церковная жизнь. 1914. № 9. 1 мая. Часть офиц. С. 318–327.

36. Разрядный список воспитанников Волынской духовной семинарии всех классов и отделений, составленный после испытаний, бывших в конце 1896/97 учебного года (продолжение) // Волынские епархиальные ведомости. 1897. № 20. 11 июля. Часть офиц. С. 431–444.

37. Рапорт епископа Владимир-Волынского Арсения // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 31. 1 ноября. Часть офиц. С. 546–554.

38. Распоряжения епархиального начальства. Перемены по службе // Волынские епархиальные ведомости. 1916. № 16/17. 12 апреля. Часть офиц. С. 157–158.

39. Список лиц духовного звания Холмской епархии, кои Святейшим Синодом удостоены награждения ко дню рождения Его Императорского Величества за заслуги // Холмская церковная жизнь. 1913. № 11. 1 июня. Часть офиц. С. 314–316.

40. Суляк С.Г. Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108. doi: 10.17223/18572685/74/3

41. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. doi: 10.17223/18572685/70/7

42. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1. Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. doi: 10.17223/18572685/62/3

43. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2021. № 63. С. 81–137. doi: 10.17223/18572685/63/6

44. *Теодорович Н.И.* Волынская духовная семинария. История первоначального

чального устройства её и подведомственных ей духовных училищ. Списки воспитанников, окончивших в ней курс учения, а также начальников и наставников её в период времени с 1796 по 1900 г. С приложением портрета митрополита Антония Рафальского и его писем. Почаев: Тип. Почаевской Успенской лавры, 1901. [6], II, 1023 с., [1] л. портр.

REFERENCES

1. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1915) Adresa svyashchennikov Kholmskoy eparkhii [Addresses of the Priests of the Chełm Diocese]. 1st December. p. 11.

2. Antonovich, P. (1916a) Bibliografiya. Velichayshaya iz velikikh voyn s avstro-nemtsami i turkami za pravdu Bozhiyu, za svobodu narodov. Dushevnyaya krasota i doblest' russkogo soldata. Petrograd, 1916. 96 s. [Bibliography. The Greatest of the Great Wars with the Austro-Germans and Turks for God's Truth, for the Freedom of Nations. Spiritual Beauty and Valor of the Russian Soldier. Petrograd, 1916. 96 p.]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 37. 8th September. p. 256.

3. Antonovich, P. (1914) Zakonouchitel'stvo v nachal'noy narodnoy shkole. Doklad, chitanny na Zakonouchitel'skom s'ezde v g. Kholme [Law Teaching in Primary Public School. Report Read at the Law Teaching Congress in the City of Chełm]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 21. 1st November. pp. 777–794.

4. Antonovich, P. (1909a) Iz nedavnego proshlogo Volyni [From the Recent Past of Volhynia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th February, pp. 146–149; 22nd February, pp. 174–178; 1st March, pp. 197–198; 8th March, pp. 204–209.

5. Antonovich, P. (1910) Iz Kholma (Korrespondentsiya "Vol. Ep. Ved.") [From Chełm (Correspondence of the "Volynskie eparkhial'nye vedomosti")]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 25th March. pp. 250–251.

6. Antonovich, P. (1908) Iz tserkovnoy zhizni eparkhii [From the church life of the diocese]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 20th July. pp. 518–519.

7. Antonovich, P. (1909b) K 70-letiyu vossoedineniya uniato [On the 70th anniversary of the reunification of the Uniates]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 15th April. pp. 304–307.

8. Antonovich, P. (1909c) Kak grubeshovskie meshchane protivilis' vvedeniyu unii [How the Grubesh townspeople opposed the introduction of the union]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 15th March. pp. 228–235; 1st April, pp. 253–260.

9. Antonovich, P. (1916b) Krest'yanin-geroy (K godovshchine muchenicheskoy konchiny Stefana Veremchuka). † 9 sentyabrya 1915 goda [The Hero Peasant (On the Anniversary of the Martyrdom of Stefan Veremchuk). † September 9, 1915]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th September. pp. 263–268.

10. Antonovich, P. (1909d) Nekrolog. Protoierey Petr Feodorov Vasenko (rod. 25 yanv. 1832 g. † 28 iyunya 1909 g.) [Obituary. Archpriest Pyotr Feodorov Vasenko (born January 25, 1832, † June 28, 1909)]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 15th August. pp. 635–636.

11. Antonovich, P. (1916c) Okolo voyny. K perezhivaemomu momentu [About the War. On the Current Moment]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 14 iyulya. Oborot obl.

12. Antonovich, P. (1916d) Okolo voyny [About the war]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 4th August. Reverse.

13. Antonovich, P. (1910) Pamyati protoiereya o. Stefana Semenovicha [In memory of Archpriest Fr. Stefan Semenovich]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 1st September. pp. 754–756.

14. Antonovich, P. (1915) Poseshchenie Preosvyashchennym Anastasiem gor. Novo-Aleksandrii [Visit of His Grace Anastassy to the city of Novo-Alexandria]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 1st June. pp. 382–383.

15. Antonovich, P. (1912) Sovremennoe sostoyanie Pravoslavnoy Tserkvi i ee zadachi v budushchem [The current state of the Orthodox Church and its tasks in the future]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 1st May, pp. 301–304; 1st June, pp. 395–399; 1st July, pp. 463–467.

16. Antonovich, P. (1916e) Strashnye tsifry [Terrible Numbers]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 17th November, pp. 352–353.

17. Antonovich, P. (1912) *Chto perezhila Kholmskaya Rus'. Populyarnyy istoricheskii ocherk. Prilozhenie k gazete "Kholmskaya Rus'" za aprel' – may 1912 g.* [What Kholm Rus' Survived. A Popular Historical Essay. Supplement to "Kholmskaya Rus'" for April–May 1912]. Chełm: tipo-lit. Vaynshteynov.

18. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1912) Arkhipastyrskoe blagoslovenie [Archpastoral Blessing]. 1st March. p. 130.

19. Gankevich, N. (1913) Poseshchenie Vysokopreosvyashchenneyshim Evlogiem, Arkhiepiskopom Kholmskim i Lyublinskim, Radochnitskogo zhenskogo monastyrja i gor. Krasnostava Lyublinskoy gub., 30 maya – 3 iyunya 1913 goda [Visit of His Eminence Eulogy, Archbishop of Kholm and Lublin, to Radochnitsky Convent and the City of Krasnostav, Lublin Province, May 30 – June 3, 1913]. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. 15th July. pp. 408–412.

20. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1913) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 15th June. p. 364.

21. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1915) Eparkhial'nye izvestiya i rasporyazheniya [Diocesan News and Orders]. 15th February. pp. 91–92.

22. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1898) Eparkhial'nye rasporyazheniya i izvestiya. Peremeny po sluzhbe [Diocesan orders and news. Changes in service]. 1st June. pp. 307–309.

23. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1903) Eparkhial'nye rasporyazheniya i izvestiya. Prepodanie arhipastorskogo blagosloveniya i nagrazhdenie skufeyu i nabledrennikom [Diocesan orders and news. Giving the archpastoral blessing and awarding the skufia and nabledrennik]. 11st December. pp. 863–864.

24. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1906) Eparkhial'nye rasporyazheniya i izvestiya. Nagrazhdenie pokhval'nymi listami, prepodaniya bozh'ego blagoslo-

veniya, nagrazhdeniya skufeyu i nabadrennikom [Diocesan orders and news. Awarding letters of commendation, giving God's blessing, awarding the skufia and nabadrennik]. 1st May. pp. 214–215.

25. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1913) Eparkhial'nye rasporyazheniya i izvestiya. O peremenakh po sluzhbe [Diocesan orders and news. On changes in service]. 15th February. pp. 85–86.

26. Russian Orthodox Church. (n.d.) *Internet-proekt "Dukhovenstvo Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XX veke"* [Internet project "The clergy of the Russian Orthodox Church in the 20th century"]. [Online] Available from: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/> (Accessed: 10th March 2024).

27. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1908) O peremenakh po sluzhbe [On changes in service]. 1st September. p. 634

28. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1909) O peremenakh po sluzhbe [On changes in service]. 15th June. pp. 442–443.

29. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1911) O peremenakh po sluzhbe [On changes in service]. 1st August. p. 458

30. Anon. (1916) *Opisanie zhizni i podviga geroya-muchenika krest'yanina Stefana Veremchuka. Pechataetsya po Vysochayshemu poveleniyu* [Description of the life and feat of the hero-martyr peasant Stefan Veremchuk. Published by the Highest order]. Petrograd: Military Printing House of Empress Catherine the Great.

31. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1900) O smerti svyashchennikov i psalomshchika [On the death of priests and the psalm-reader]. 11th October. pp. 643–644

32. Galperin, B.D. (ed.) (2000) *Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii 1909 god* [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1909]. Moscow: ROSSPEN.

33. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

34. Petrushko, V.I. (2004) Varshavskaya eparkhiya [Warsaw Diocese]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. VII. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 8–13.

35. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1914) Protokol soveshchaniya dlya predvaritel'nogo obsuzhdeniya voprosov programmy vserossiyskogo s"ezda zakonouchiteley tserkovno-prikhodskikh i zemskikh shkol, sostoyavshegosya 10–11 aprelya 1914 goda v g. Kholme [Minutes of the meeting for preliminary discussion of issues of the program of the All-Russian congress of religious teachers of church-parish and zemstvo schools, held on April 10–11, 1914 in the city of Chelm]. 1st May. pp. 318–327.

36. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1897) Razryadnyy spisok vospitan-

nikov Volynskoy dukhovnoy seminarii vseh klassov i otdeleniy, sostavlenyny posle ispytaniy, byvshikh v kontse 1896/97 uchebnogo goda (prodolzhenie) [The rank list of pupils of the Volhynia Theological Seminary of all classes and departments, compiled after the tests that took place at the end of the 1896/97 academic year (continued)]. 11st July. pp. 431–444.

37. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905) Raport episkopa Vladimir-Volyenskogo Arseniya [Report of Bishop Arseniy of Vladimir-Volyen]. 1st November. pp. 546–554.

38. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1916) Rasporyazheniya eparkhial'nogo nachal'stva. Peremeny po sluzhbe [Orders of the diocesan authorities. Changes in service]. 12th April. pp. 157–158.

39. *Kholmskaya tserkovnaya zhizn'*. (1913) Spisok lits dukhovnogo zvaniya Kholmskoy eparkhii, koi Svyateyshim Sinodom udostoeny nagrazhdeniya ko dnyu rozhdeniya Ego Imperatorskogo Velichestva za zaslugi [List of persons of the clergy of the Chełm Diocese, who were awarded by the Holy Synod for their services on the birthday of His Imperial Majesty]. 1st June. pp. 314–316.

40. Sulyak, S.G. (2023) F.G. Lebedintsev's work in Chełm. *Rusin*. 74. pp. 35–108 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/74/3

41. Sulyak, S.G. (2022) E.M. Kryzhanovsky on the Uniate Rusins of the Russian Trans-Buzhye. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/7

42. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich i Karpatskaya Rus'. Chast' 1. Biografiya [I.P. Filevych and Carpathian Rus. Part 1. Biography]. *Rusin*. 62. pp. 32–49 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/3

43. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage. *Rusin*. 63. pp. 81–137 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/6

44. Teodorovich, N.I. (1901) *Volynskaya dukhovnaya seminariya. Istoriya pervonachal'nogo ustroystva ee i podvedomstvennykh ey dukhovnykh uchilishch. Spiski vospitannikov, okonchivshikh v ney kurs ucheniya, a takzhe nachal'nikov i nastavnikov ee v period vremeni s 1796 po 1900 g. S prilozheniem portreta mitropolita Antoniya Rafal'skogo i ego pisem* [Volhynia Theological Seminary. History of its initial structure and the theological schools subordinate to it. Lists of students who completed their studies there, as well as its heads and mentors in the period from 1796 to 1900. With the appendix of a portrait of Metropolitan Anthony Rafalsky and his letters]. Pochayiv: Pochaev Dormition Lavra.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47).082

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/6

«Галицко-русский вестник» как феномен российской журналистики*

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируется история возникновения и издания журнала «Галицко-русский вестник» (1894 г.). Выяснено, что в отношении круга авторов и затронутых тем он был близок к закрывшимся в том же году «Благовесту» и «Славянскому обозрению». Рассмотрены мотивы издателя и редактора В.С. Драгомирецкого, структура двух вышедших номеров журнала (август – октябрь 1894 г.), жанры опубликованных материалов. «Галицко-русский вестник» ожесточённо нападал на польскую, австрийскую и венгерскую администрации, угнетавшие русинов Галиции, Буковины и Закарпатья, давал негативные оценки экономической роли евреев в крае, критиковал католическую церковь и иезуитов, однако высоко оценивал роль униатской церкви в русинском движении и защите культурной самобытности народа. Журнал несколько раз демонстративно выражал лояльность австро-венгерской монархии Габсбургов, требуя от нее внимания к правам русинов, что позволяло российскому Министерству иностранных дел высоко оценить конструктивный тон периодического издания. Вместе с тем между строк в «Галицко-русском вестнике» читалось и желание объединения «зарубежной Руси» с Российской империей. В Главном управлении по делам печати журнал считался благонадёжным, хотя предварительная цензура с него не была снята. Благодаря этому он сначала был официально объединен с «Благовестом» в «Русскую беседу» (1895–1896 гг.), а затем разрешение на выход уже несуществующего журнала под другой редакцией продлевалось вплоть до конца 1899 г.

Ключевые слова: русский панславизм, Галиция, Буковина, Закарпатье, русинский вопрос, Василий Драгомирецкий, Александр Будилович, Афанасий Васильев, «Галицко-русский вестник», «Благовест», «Русская беседа»

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006>

The Galician-Russian Herald as a phenomenon of Russian Journalism*

Maxim V. Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

23 pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Abstract

The history of *Galitsko-russkiy vestnik* (*The Galician-Russian Herald*, 1894) shows that it was close to *Blagovest* and *Slavic Review* of the same year in terms of the range of authors and topics covered. The author analyses the motives of the publisher and editor Vasily Dragomiretsky, the structure and genres of the two published issues (August – October 1894). *The Galician-Russian Herald* fiercely attacked the Polish, Austrian, and Hungarian administrations, which oppressed the Rusins of Galicia, Bukovina, and Transcarpathia; negatively assessed the economic role of Jews in the region, criticized the Catholic Church and the Jesuits; however, it highly appreciated the role of the Uniate Church in the Rusin movement and protection of their cultural identity. The journal several times demonstratively expressed its loyalty to the Austro-Hungarian Habsburg monarchy, demanding that it should pay attention to the rights of the Rusins, which allowed the Russian Ministry of Foreign Affairs to highly appreciate the journal's constructive tone. Along with this, it could be read between the lines that *The Galician-Russian Herald* championed the joining of the “Foreign Rus” to the Russian Empire. The Main Directorate for Press Affairs considered the *The Galician-Russian Herald* reliable, though eligible for preliminary censorship, due to which it was officially merged with *Blagovest* into *Russkaya beseda* (*The Russian Colloquy*, 1895–1896). Later, the permission to publish the now defunct journal under a different editorship was extended until the late 1899.

Keywords: Russian Pan Slavism, Galicia, Bukovina, Transcarpathia, Rusin question, Vasily Dragomiretsky, Alexander Budilovich, Athanasiy Vasilyev, *The Galician-Russian Herald*, *Blagovest*, *Russkaya Beseda* (*The Russian Colloquy*)

Как неоднократно отмечалось исследователями, история знакомства российской общественности с русинским вопросом в Галиции и формирования определенного мнения о нем вплоть до конца XIX в. до сих пор изучена плохо и фрагментарно [8; 16: 75–78; 17: 78;

* The research was supported by the RSF, Project 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006>

18; 36]. В этой связи одним из очевидных белых пятен в русинских исследованиях до сих пор является история «Галицко-русского вестника» (издатель и редактор В.С. Драгомирецкий), обычно понимаемого как промежуточное звено между «Благовестом» и «Русской беседой». Возникает вопрос, находились ли все эти журналы в состоянии юридической преемственности друг от друга, т. е. происходило ли переименование изданий либо всякий раз одна и та же группа лиц оформляла в Главном управлении по делам печати разрешение на выпуск нового журнала. Применительно к «Галицко-русскому вестнику» в историографии этот вопрос даже не ставился. Обойдено вниманием историков и содержание двух выпусков журнала, интересное хотя бы тем, что это был первый и в конце XIX в. единственный пример периодического органа печати в Петербурге (и в целом в Российской империи), специально посвящённого русинскому вопросу в Австро-Венгрии.

В биографической статье Д.С. Парфирьева о В.С. Драгомирецеком факт издания им «Галицко-русского вестника» упомянут лишь в одном предложении [24: 285]. Обойден молчанием «Галицко-русский вестник» в статьях А.Э. Котова и А.Д. Степанова об Афанасии Васильеве [12; 35], в монографиях В.А. Малкина и М.Э. Клоповой [11; 14], статьях К.В. Шевченко и Д.В. Стогова [36; 41] о русинском движении и его восприятии российскими консервативными мыслителями. Труды А.И. Миллера по украинскому вопросу не охватывают 1890-е гг. хронологически [18; 19].

Из историков лишь Н.М. Пашаева охарактеризовала вышедшие номера «Галицко-русского вестника»: «На страницах этих двух номеров русский читатель нашёл статьи русских славистов А.С. Будиловича, И.П. Филевича, ряд неподписанных или подписанных псевдонимами работ о Ставропигийском институте, Народном доме во Львове, биографии Наумовича и Дедицкого, их портреты, два рассказа, рисующих быт галицких крестьян, автор одного из которых В.И. Хиляк, а другого И. Франко, статью “Скорбная летопись Галицкой Руси”, подписанную псевдонимом “Русский галичанин”, стихи И.Н. Гушалевича и т. д. Как и можно ожидать, изданию свойственна антипольская и антикатолическая направленность» [25: 110]. Таким образом, историк не поставила данный журнал в связь с «Благовестом» и «Русской беседой» и не сопоставила авторов и содержание статей в них; не было раскрыто, что «Русский галичанин» – псевдоним издателя журнала В.С. Драгомирецкого [11: 73].

Таким образом, задачей настоящей статьи является реконструкция цензурной и издательской истории «Галицко-русского вестника», а также представления на его страницах русинского вопроса, что

оказало влияние на формирование общественного мнения в Российской империи.

Хронологические рамки исследования определяются периодом от основания «Галицко-русского вестника» (1894 г.), позднее переименованного в «Русскую беседу», до формального закрытия журнала в 1899 г.

Основание журнала «Галицко-русский вестник». Журнал «Благовест» Г.И. Кульжинского с 1883 по 1890 г. выходил в Харькове, Петербурге, Нежине и был изданием православной направленности с приоритетным вниманием к нуждам малороссийской паствы. С августа 1890 г. издание «Благовеста» было возобновлено левыми панславистами во главе с Ф.В. Четыркиным и А.В. Васильевым при участии С.Ф. Шарапова и Н.П. Аксакова [17: 79–80]. На протяжении четырех лет журнал уделял приоритетное внимание русинскому вопросу в Галиции, Буковине, Закарпатье, а также в американской диаспоре, однако на 53-м номере (январь 1894 г.) издание журнала было прекращено без каких-либо объяснений или объявлений. Линию «Благовеста» продолжил в двух номерах за август – октябрь 1894 г. «Галицко-русский вестник», между прочим, в разделе объявлений продолжавший призывать читателей подписываться на уже несуществующий «Благовест». За новым изданием стоял всё тот же круг А.В. Васильева, однако, как удаётся установить из цензурного дела журнала, де-юре никакой связи между двумя журналами не существовало.

Сразу же после фактического прекращения «Благовеста» Афанасий Васильев, которому наверняка бы отказали в издании нового журнала, стал действовать через подставных лиц. 16 февраля 1894 г. Василий Степанович Драгомирецкий (1862–1943), коллежский секретарь МВД, подал прошение об издании нового журнала «Галицко-русский вестник» по цене подписки 4 руб. в год или 1 руб. в месяц (без учёта 1 руб. за пересылку). Драгомирецкий желал быть одновременно издателем и редактором, печататься журнал должен был в типографии А.И. Либермана (Вознесенский проспект, 38). К своему заявлению Драгомирецкий, согласно закону, приложил программу предполагаемого журнала. В её 12 пунктов входили абсолютно все жанры: публицистика, художественная литература и критика, экономика, история, церковный отдел, этнография, воспоминания, путешествия, правительственные распоряжения, хроника, новости, письма в редакцию, перепечатки из других газет и журналов, рекламные объявления, справки, иллюстрации. При этом оговаривалось, что статьи будут посвящены «выдающимся событиям в России и за границей, в особенности же в Прикарпатской Руси», а также будут

«знакомить читателей с важнейшими событиями церковной жизни русских галичан и других славянских народов» [27: 1]. Конкретное соотношение внимания к Галиции и к другим мировым темам в журнале не оговаривалось. Именно эта программа впоследствии будет печататься на задней обложке «Галицко-русского вестника».

25 января 1894 г. В.С. Драгомирецкий представил заверенный в департаменте общих дел МВД формуляр, который свидетельствовал о его благонадежности. Чиновник назвал свой возраст – 32 года (вопреки Д.С. Парфирьеву, который без ссылки на источник датировал его рождение 1865 г.), сообщил, что он холост, приехал из Галиции, в 1889 г. окончил Лазаревский институт, с 1890 г. стал служить в МВД сначала в департаменте духовных дел иностранных исповеданий, но уже через месяц перешел в департамент герольдии, а в 1891 г. сменил австрийское подданство на российское. За два года он выслужился с 12-го до 10-го чина в ходе «беспорочной службы» [27: 2–5].

Главное управление по делам печати МВД (далее – ГУДП), которым тогда руководил Е.М. Феоктистов, послало запросы в министерства внутренних и иностранных дел о том, нет ли препятствий к утверждению Драгомирецкого издателем журнала. Ответы пришли положительные [27: 6–10]. Товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин подчеркнул, что «журнал этот будет издаваться с дозволения предварительной цензуры и потому не может принять направления, нежелательного для наших международных отношений» [27: 9]. 5 апреля Е.М. Феоктистов утвердил в точности программу журнала, представленную Драгомирецким, и выдал ему свидетельства издателя и редактора нового журнала [7: 11–13].

На данном этапе имена иных лиц в архивном деле журнала не фигурировали, хотя нельзя не отметить, что вместо типографии А.И. Либермана журнал стал печататься у Е.В. Евдокимова. Редакция расположилась по адресу ул. Гороховая, 15. Цена подписки с пересылкой по России и Европе составила 4 руб. в год (без учёта 1 руб. за пересылку), внутри Петербурга – 2 руб. соответственно, отдельный номер стоил 50 коп. (вдвое дешевле изначально заявленной цены). Предполагалось выпускать по 12 номеров в год, начиная с августа. Фактически первый номер «Галицко-русского вестника» получил цензурное разрешение 1 августа 1894 г. и вышел в срок объемом 130 страниц (включая объявления). Второй номер объемом 77 страниц, датированный сентябрем – октябрем, вышел в начале ноября и содержал материалы, связанные с кончиной Александра III и вступлением на престол Николая II. Достаточно скудный объем и содержание обоих выпусков могли навести на вопросы, но редакция приглашала читателей подписываться на «Галицко-русский вестник»

и на близкие по тематике газеты и журналы, включая три венских, две львовских, по одной черновицкой и ужгородской газете, а также на газеты киевские (две), виленскую, рижскую, томскую и три петербургских издания. Среди последних были «Славянское обозрение» А.С. Будиловича (вышедшее в 1894 г. единственным выпуском и на этом закрывшееся) и «Благовест» (к тому времени также де-факто прекративший свое существование).

Оба номера «Галицко-русского вестника» не встретили никаких цензурных нареканий, причины чего будут рассмотрены ниже. Однако через полгода на сцене появился Афанасий Васильев. 13 ноября его супруга Александра Васильевна вместе с руководителями «Галицко-русского вестника» В.С. Драгомирецким и Е.В. Евдокимовым «вошли между собою в соглашение, по которому “Благовест” и “Галицко-русский вестник” составляют общую их собственность» [27: 14]. Их заявление в ГУДП гласило: «Желая продолжать эти издания по прежней программе и под прежней редакцией, нижеподписавшиеся имеют честь покорнейше просить Главное управление по делам печати о разрешении с будущего 1895 г.: 1) переименовать “Галицко-русский вестник” в “Русскую беседу” с приложением к ней “Благовеста” и 2) установить общую подписку на “Русскую беседу” и “Благовест” так, чтобы оба издания, дополняя одно другое, стоили вместе с доставкой и пересылкою 6 руб. в год» [27: 14–14 об]. 23 ноября ГУДП ответило, что «не встречает никаких препятствий к утверждению изложенного ходатайства» [27: 18], и в январе 1895 г. выдало Васильевой, Драгомирецкому и Евдокимову новые свидетельства на издание «Русской беседы» с приложением «Б» [27: 15–23 об.].

Действительно, на протяжении двух лет (1895 и 1896 гг.) «Русская беседа» издавалась почти ежемесячно (изредка номера были сдвоенными), а «Благовест» потерял облик журнала и превратился в простую обложку, под которой печатались по частям сочинения сугубо церковного характера. Такой формат издания позволял Афанасию Васильеву через свою супругу контролировать содержание журнала и заполнять его статьями тех же сотрудников, кто писал в прежнем «Благовесте» 1890–1894 гг. и «Галицко-русском вестнике» 1894 г.

Жанровая структура журнала. В первом номере журнала был напечатан 21 материал, во втором – 16, включая повторявшиеся в обоих выпусках «смесь» (новости), каталог книг о русинах для продажи (в основном принадлежащих или посвящённых наиболее известным русским деятелям Австро-Венгрии), платные объявления (в основном о подписке на другие газеты и журналы), а также царские манифесты. Более половины всех аналитических статей вышло либо анонимно (что объясняется заботой о безопасности корреспондентов из Ав-

стро-Венгрии от гонений), либо от имени редакции в целом, либо под псевдонимами («Русский галичанин» – сам В.С. Драгомирецкий; «во-во» – псевдоним не раскрыт).

Почти все авторские материалы журнала были посвящены русинам Австро-Венгрии. Исключениями были внушительные по объему и детализации статьи о ситуации в Болгарии в годы диктатуры Стамбулова и после ее падения [1] и об истории хорватского национального движения в XIX в. и его борьбы с мадьяризацией [20]. Целый ряд новостей из Сербии, Черногории, российской Польши, а также научной жизни России публиковался в разделе «Смесь» [31: 122–123; 32: 67–71]. Разместил «Галицко-русский вестник» также призыв к сбору средств на строительство православного собора в Варшаве. Можно говорить о том, что опыт других славянских народов использовался авторами как пример для галицких и закарпатских русинов.

В журнале было опубликовано два патриотических стихотворения, подчеркивающих единство австрийской Руси со всем русским народом. Их авторами были И.Н. Гушалевиц и С.А. Леонтьева-Левицкая (известная как «Русская солдатка» из Варшавы по публикациям в панславистских журналах и щедрым пожертвованиям на славянофильские мероприятия). Стихотворение Гушалевица с «язычия» было переведено на русский литературный язык известным переводчиком В.В. Умановым-Каплуновским. В стихах содержались намеки на то, что грядущее освобождение Галиции придет со стороны России [5; 13]. С.А. Леонтьева-Левицкая превозносила новый журнал в следующих словах: «Ты посланником небес к нам являешься теперь» [13: 98].

Раздел художественной прозы был представлен краткими биографическими сведениями о таких галицко-русских писателях, как Б.А. Дедицкий и В.И. Хиляк [3; 33], одним из рассказов самого Хиляка (Иеронима Анонима), а также, что удивительно, рассказом Ивана Франко «Грыць» о том, как мальчик не сумел ничего понять в школе и вернулся пасти гусей [39]. Оба произведения были переведены на русский литературный язык. Рассказ Хиляка примечателен тем, что в нем показан межкультурный и межэтнический конфликт как обыденное явление в Галиции [40]: вернувшийся с военной службы в австрийской армии парень изображает из себя сначала немца, потом поляка, сближается с евреями, но отторгается односельчанами до тех пор, пока не возвращается к «русской» идентичности своего детства и не перестает отличаться от окружающих.

Наибольшее значение имели научные и политические статьи, в т. ч. самого редактора журнала В.С. Драгомирецкого, И.П. Филевича, Ю.А. Яворского, А. Сидорова, а также именитого ученого-слависта и

редактора «Славянского обозрения» А.С. Будиловича. Более половины статей, впрочем, остались анонимными.

Русинский вопрос на страницах «Галицко-русского вестника». Общий подход журнала к русинскому вопросу был заявлен с первой же страницы первого номера в обращении редакции к читателям и последовательно выдерживался на протяжении обоих выпусков. Русины Галиции, Буковины и Закарпатья понимались как неотъемлемая часть русского народа в целом и малороссов в частности. «Это всеми заброшенное племя – потомки сынов древнего Галича, русский народ, коренные жители русской земли, захваченные и поработанные Польшей и иезуитами», – писал В.С. Драгомирецкий [22: 2]. «Русские, населяющие восточную Галичину, составляют издавна нераздельную часть великого русского народа, но, будучи отрезанными от остального русского мира, влачат весьма незавидное существование, изнемогая под гнетом иноплеменников и иноверцев», – вторил ему юный Ю.А. Яворский [42: 43], который ранее в 1892 г. под псевдонимом «Галичанин» сотрудничал в «Благовесте» [17: 82–83]. Говоря о причинах сложившейся ситуации, А.С. Будилович отмечал: «В социально-экономическом отношении, конечно, Русь западная – со включением подкарпатской – сильно обособилась от восточной, под влиянием польского панства, шляхетства и еврейско-немецкого бюргерства» [2: 13]. Вместе с тем Будилович полагал, что различие между галичанами и великорусами меньше, чем между верхними и нижними лужичанами, чехами и словаками, сербами и хорватами.

Польская элита и католическая церковь рассматривались журналом как главная угроза самому существованию австрийских русинов [4: 99–102], венгерское правительство – как угроза для подкарпатских русинов. «Галицко-русский вестник» считал реальной возможностью полную ассимиляцию русинского населения среди поляков, немцев и венгров в течение ближайших десятилетий: «Окатоличивание и ополячение Галицкой Руси повлечет за собою не только невознаградимую потерю для русского мира, но создаст в соседстве с Россией очаг беспрестанных козней и враждебных затей по отношению к русской империи. Борьба иезуитов и поляков с Галицкой Русью – это борьба римской церкви с православием, польской народности с русскою, Запада с Востоком» [7: 27]. «Захват и уничтожение всего, что носит русскую печать, ведется с изумительной быстротой. Наряду с этим русский народ подвергается духовной и экономической деморализации, а интеллигенция его разлагается», – тревожился Драгомирецкий [22: 7]. Один из обозревателей журнала повторял: «Это не политика, а насильственная деморализация русского народа. Всякий попавший под нее – безвозвратно потерянный член русской

семьи» [4: 102]. А.С. Будилович беспокоился, что австрийская армия, школа и католическая церковь принудительно интегрируют русинских детей в чужое общество [2: 14]. Один из львовских обозревателей возмущался: «Жизнь Галицкой Руси в опасности. Поляки исковеркали нашу веру, наш язык, направили на ложный путь наше историческое развитие, придавили нас и даже лишили нас возможности жаловаться на нашу горькую судьбу» [29: 52]. «Гибель 500 000 угро-руссов была бы непростительным грехом для всего русского народа, на глазах которого она совершалась», – восклицал закарпатский корреспондент [21: 62].

Тон высказываний «Галицко-русского вестника» об австрийском правительстве был в основном критичным, но достаточно сдержанным, на императора Франца-Иосифа прямых нападок не допускалось. Подчеркивалось, что галицко-русское движение выступает «за народные права, гарантированными основными законами государства» [4: 101]. Зато провинциальные власти Галиции, Буковины и Закарпатья в «Галицко-русском вестнике» не щадились. Неоднократно звучали сетования на то, что поляки после 1848 г. и особенно с 1860-х гг. подчинили себе политику Вены: «Воспользовавшись политическими переменами, они насели на австрийское правительство, которое в своей беспомощности покорилося пред своим врагом, польской революционной шляхтой, и отдало им в полное распоряжение верных Габсбургам русских галичан. Благодаря этому поляки вторично сделались полновластными хозяевами Галицкой Руси» [22: 3]. «Австрийское правительство, прижатое к стене разными народностями монархии Габсбургов, нашло себе опору в поляках. Отдав им за то почти в бесконтрольное распоряжение Галичину, правительство радуется ослаблению русского элемента, придерживаясь того мнения, что чем меньше в Галичине русских, тем это лучше для Австрии», – отмечал В.С. Драгомирецкий [7: 28]. Другой обозреватель заявлял, что «в Австрии поляки... успели приобрести первенствующее политическое значение не только в Галиции, но и во всем государстве» [4: 100]. В анонимной статье утверждалось: «Нельзя отрицать, что центральное венское правительство или, лучше сказать, австрийский император от души желают согласного и дружного труда обеих народностей Галиции и успешного развития австрийских русских, но всякое благое намерение верховной власти в применении к русским скоро видоизменяется в целях польской политики» [26: 42]. «Галицко-русский вестник» цитировал статью из польской краковской газеты, содержащую призыв к распаду Австро-Венгрии и возрождению независимой Польши [34: 66], отмечал неудовольствие Франца-Иосифа по поводу бойкота польскими панамы во Львове обеда, который он дал в честь именин Александра III [32: 68].

Варшавский корреспондент А. Сидоров сообщал, что в Кракове и Львове он повсюду сталкивался с поляками, убеждёнными, что у русинов не может быть своей интеллигенции и литературы и что они обречены на полонизацию [30: 21–22]. Придя в ужас от одобренных австрийским министерством просвещения кровавых песен к столетию восстания Костюшко, которые поляки в 1894 г. пели в Галиции и заставляли петь их русинских крестьян, А. Сидоров отмечал: «Поляки усердно стараются затереть следы русской старины во Львове и стремятся во что бы то ни стало придать городу польский характер» [30: 23]. В новостной «Смеси» журнал неоднократно обращал внимание на новости из жизни сторонников полонизации и католического прозелитизма [31: 123], критиковал готовность русских композиторов, писателей и художников перенимать польскую культуру при полном отсутствии взаимности со стороны поляков [34: 64].

В «Галицко-русском вестнике» не было выраженной антисемитской риторики, но вскользь отмечалась исключительная роль евреев в экономике Галиции и их ускоренный прирост населения за XIX в. [2: 14; 6; 30: 27]. В статье «Порабощение Галичины евреями», подписанной буквой Д. (возможно, ее автором опять-таки был Драгомирецкий), приводилось множество статических данных за период с 1867 по 1890 г. о скупке евреями земли у крестьян-русинов и у польских помещиков, так что речь шла о сосредоточении в их собственности 1/6 всех земель Галиции и сгоне 120 тыс. крестьян на улицу. Отмечая долю еврейского населения до 30 до 50 % в ряде городов и уездов, Д. был обеспокоен опережающими темпами его прироста в целом (за 60 лет христианское население Галиции выросло на 35 %, а еврейское – на 160 %, достигнув 11 % от общей численности) [6: 30]. Спустя два года В.С. Драгомирецкий в «Русской беседе» продолжит развивать тему усиления галицийских евреев [17: 89].

Прямых призывов присоединить «зарубежную Русь» к Российской империи в журнале не содержалось, но намеки на такой исход неоднократно проскальзывали в статьях о необходимости создания единого научного, культурного, литературного, языкового пространства между малорусами двух империй. «Галицко-русский вестник» опубликовал полный текст проекта устава нового Карпато-Русского литературного благотворительного союза, который должен был действовать в Петербурге [10]. А.С. Будилович называл Карпаты «естественным бастионом русского племени на Западе и вместе наступательным базисом его в культурной борьбе с грандиозными силами Запада» [2: 16]. И.П. Филевич призывал к совместной этнографической экспедиции в Карпаты академий наук России, Румынии, Австрии и Венгрии [38] – проект, который во многом будет реализован

уже в 60–70-е гг. XX в. В.С. Драгомирецкий также выражал надежду на усиление нравственной связи и информационного общения малороссов по обе стороны государственной границы: «Непобедимее и мощнее почувствует себя русская народность в Прикарпатской Руси, когда духовное единство с великой Россией волею в нее сознание, что она не одинока, что здесь о ней думают, заботятся и непритворно сочувствуют. <...> Нам нужно только отзывчивое сердце великого русского народа. Оно само почувствует и поймет нужды родных братьев» [1]. А.С. Будилович выражал надежду на подъем политической роли «старорусской» партии в Австро-Венгрии: «Это обстоятельство, наряду с постепенным ростом национального сознания и политического смысла в нашем образованном обществе, служит порукою, что тонкие нити, связывающие еще ныне Русь срединную с запредельной, могут со временем укрепиться на благо обеих» [2: 17–18].

Униатская церковь в «Галицко-русском вестнике» положительно оценивалась как опора народной самобытности и православной (восточной) обрядности и богослужения, кириллической азбуки и этимологической орфографии (в противовес фонетической украинской орфографии, введенной с 1892 г.). Журнал знакомил российских читателей с подробнейшей статистикой по епархиям и приходам униатской церкви в Галиции, численностью священников, монахов обоего пола, паствы [7: 28]. Одобрялась борьба галицийских священников с попытками властей внедрить латинский обряд и подчинить монастыри и приходы Галиции католическому епископату и ордену иезуитов [2: 15; 7]. Эту линию продолжит затем и «Русская беседа» [17: 88]. В то же время журнал нападал на антирусскую политику латинизации церковного обряда, проводимую тогдашним униатским митрополитом Сильвестром Сембратовичем, и не жалел в его адрес ругательств и компромата насчет его любовниц, возмущаясь его политикой: захватом монастырей иезуитами, канонизацией одиозных западных святых, попытками ввести целибат, запретом священникам выписывать галицко-русскую прессу, закрытием столетней русской униатской семинарии в Вене, рассылкой антирусских политических миссионеров по деревням и проч. [7: 30–34].

Положительными были оценки «Галицко-русским вестником» деятельности униатской церкви в Закарпатье (Ужгородская уния) до 1870-х гг., когда при епископе Стефане Панковиче начались точно такие же репрессии против русского движения, выразившиеся в закрытии процветавших до этого газет и школ [21: 50–61]. Обозреватель констатировал: «Всё создававшееся годами уничтожалось одним взмахом варварского насилия. Русский язык был изгнан из школы и церкви и заменён мадьярским. Русская интеллигенция, за малыми

исключениями, преобразилась в мадьярских патриотов. Осталось одно русское имя – поруганное, брошенное и лишённое всех прав» [21: 61]. Применительно к Буковине православная церковь защищалась журналом в противостоянии с попытками польских и немецких иезуитов навязать в крае унию [4: 103]. Высокую оценку на этом фоне получил в журнале столетний юбилей воссоединения униатов юго-западных губерний с православной церковью, случившегося в 1794 г. [37: 115–117].

Немало материалов «Галицко-русский вестник» посвятил истории русинского движения XIX в. в Галиции, на Буковине и в Угорской Руси, предпочитая жанр популярных очерков о его деятелях, рассчитанный на российскую читательскую аудиторию. Ю.А. Яворский рассказывал о корнях движения в 30–40-е гг., когда «русский язык у нас ютился только в жалких хижинах крепостных рабов польского панства», и выражал благодарность Австрии за реформы 1848 г. [42: 44]. Тогда, по его оценке, «русско-национальное сознание пробудилось в галичанах неожиданно и при обстоятельствах весьма неблагоприятных для его дальнейшего развития. Будучи рабами, они вдруг получили право на самостоятельное развитие, а вдобавок политически неразвитые, были ввергнуты в конституционный омут, с которым, как известно, даже более сильным и развитым народам, чем галицко-русский, не очень-то легко справиться» [42: 44]. Данный тезис свидетельствует о принадлежности Юлиана Яворского к консервативным теоретикам, отрицавшим парламентаризм. Мыслитель объяснял причины, по которым в Галиции 50-60-х гг. пришлось изобретать гибридный литературный язык («язычие») ввиду неподготовленности народа к восприятию русского литературного языка [42: 46]. «Галицко-русский вестник» рассказывал читателям о деятельности Б.А. Дедицкого [33], В.И. Хиляка [3], об истории и современном состоянии оплотов галицко-русского движения: Ставропигийском институте и Народном доме во Львове [28; 29].

Следуя примеру «Благовеста» 1891 г. [17: 82], особенно большое внимание «Галицко-русский вестник» уделил биографии священника И.Г. Наумовича, сбору средств на установку ему надгробного памятника и проведению пышной церемонии у его могилы в сентябре 1894 г. [9; 23; 31: 121–122]. На ней присутствовали делегаты из Галиции, Киева, Варшавы, представители Славянского благотворительного общества; многие известные лица, включая люблинского губернатора В.Ф. Тхоржевского, прислали свои венки. Журнал дословно опубликовал речи об о. Наумовиче священника И.И. Мельниковского, говорившего о «деле спасения русской национальности в Галиции» [23: 13], киевского панслависта И.А. Баже-

нова, знаменитого редактора львовских периодических изданий О.А. Мончаловского, сказавшего о «залоге духовного общения нашей родины с великим русским миром». Галицкий крестьянин Григорий Мурин сказал об о. Наумовиче: «Ты видкрыв нам очи от темноты и мы узнали православную Русь и свой русский народ, который для наших батькив чужим выдавався» [23: 20] (орфография оригинала сохранена; это единственный материал во всем «Галицко-русском вестнике», напечатанный по-малорусски).

Крайне отрицательно «Галицко-русский вестник» отзывался об «рутенистах» и «украинофилах», особенно о «новоэристах» (сторонниках неудачной попытки депутата Романчука с 1890 г. пойти на союз с поляками ценой отречения «от сознательной принадлежности к великому русскому народу») [26; 42: 45–48]. Рассматривалась попытка наместника Галиции графа Бадени сформировать украинско-польский блок и причины выхода Романчука из этой затеи; отмечался внутренний раскол польских депутатов разных партий на тех, кто был согласен поддержать украинофильский проект, и непримиримых сторонников полонизации края. Цель политики Бадени определялась в журнале так: «Прививать к русским галичанам сознание малорусского национального сепаратизма, укреплять в них католическое понятие и вместе с тем задерживать их экономическое и умственное развитие, чтобы они, чувствуя свое слабосилие, тем охотнее поддавались польскому влиянию» [26: 42]. Ю.А. Яворский указывал на финансирование австрийскими властями 15 украинофильских органов печати, на открытие кафедры украинской истории для М.С. Грушевского, и признавал: «Благодаря деятельной и горячей поддержке не только правительства, но и всего польского общества, теория малорусского сепаратизма чрезвычайно быстро распространилась и ныне охватывает широкие круги галицко-русской интеллигенции» [42: 48].

Корни украинского сепаратизма журнал усматривал в польских кругах 20–60-х гг. XIX в., в частности, в проекте Ф. Духинского. В то же время в «Галицко-русском вестнике» критиковались «младорусины» и «радикал-социалисты» [2: 17], хотя рассказ ведущего представителя последних И.Я. Франко неожиданно появился в «Галицко-русском вестнике». Несколько раз журнал возвращался к теме массового бегства обнищавших галицких крестьян в Россию в 1892 г., когда из-за этого был сорван ожидавшийся визит императора Франца-Иосифа во Львов [26: 37–39]. Экономические и политические причины обезземеливания и эмиграции крестьян в надежде на лучшую жизнь, проблемы их обустройства в России детально рассматривались в «Галицко-русском вестнике»: «Это бегство мирных граждан в соседнее государство нельзя было объяснить ничем иным, как только своео-

бразным выражением народного протеста против экономических и политических порядков страны» [26: 38].

В журнале неизменно подчеркивался контраст между образом желаемого национального возрождения и жалобами на невыносимое положение русинов в реальности: «Русскому крестьянину в России живется хорошо, а русском в Галиции – плохо!» [1: 5]. «Галицко-русский вестник» рисовал картину вечно угнетаемого народа, попытки которого добиться чего-либо от австрийских властей всякий раз заканчивались неудачей и установлением полновластия польской и мадьярской элиты. По мнению А.С. Будиловича, «глубокий экономический упадок всего почти населения Галичины, Буковины и Угрии, вызванный фискальным гнѐтом, плохой администрацией и еврейской эксплуатацией, наполнил эти области множеством безземельных и даже бездомных бобылей, придав этим стране – хоть и бедной капиталами и неразвитой в фабричном отношении – характер фабрично-пролетарствующих стран Запада с их аграрными и вообще экономическими затруднениями и опасностями» [2: 14–15]. Таким образом, экономическая программа журнала также носила аграрный и консервативный характер.

Дальнейшая цензурная история журнала. После объединения «Галицко-русского вестника» с «Благовестом» под обложкой «Русской беседы» журнал в 1895–1896 гг. стал уделять лишь эпизодическое внимание русинскому вопросу [17: 83–89, 98–102]. Заслуживает внимания вопрос о том, удовлетворяла ли правительство направленность этих изданий. В январе 1895 г. А.В. Васильева и В.С. Драгомирецкий осмелились попросить ГУДП освободить журнал от предварительной цензуры, внеся залог 2 500 руб. [27: 24]. Однако в июне им было отказано с формулировкой: «Принимая в соображение, что просители по их литературной деятельности не представляют достаточных гарантий в том, что они будут вести бесцензурное издание в направлении безупречном и желательном для правительства, ГУДП полагало бы вышеизложенное ходатайство отклонить» [27: 25–26].

20 ноября 1895 г. редакционная троица выступила с новой комбинацией: В.С. Драгомирецкий, оставаясь редактором «Русской беседы», продал свою долю как издателя в обоих журналах Васильевой и Евдокимову [27: 27–27 об.]. Истинный вдохновитель такой перестановки ясен из заявления Васильевой, в которой поручителем указан её муж Афанасий, работавший тогда в числе других панславистов и консерваторов в Государственном контроле под руководством Т.И. Филиппова. На этот раз в ГУДП были озадачены и 24 ноября потребовали от В.С. Драгомирецкого приехать в тот же день для устных объяснений. Судя по всему, аргументы удовлетворили

Е.М. Феоктистова, поскольку он удовлетворил ходатайство и 30 декабря выдал А.В. Васильевой и Е.В. Евдокимову новые свидетельства на право издания «Русской беседы» с «Благовестом» [27: 28–34].

По прошествии девяти месяцев, за которые журнал не вызывал нареканий, 1 октября 1896 г. Васильева и Евдокимов попросили ГУДП дозволить им расширить своё издание за счёт еженедельного приложения – добавочного «номера с известиями и обзором текущих дел и событий», иначе говоря, сопроводить журнальный формат газетным. И снова ГУДП (возглавленное теперь М.П. Соловьевым) дало отличную характеристику журналу и 2 ноября удовлетворило прошение [27: 35–38]. Как известно, однако, никакого приложения не вышло, а декабрьский номер 1896 г. для журнала оказался последним. Это объясняется прежде всего переходом Афанасия Васильева и его соратников с января 1897 г. в новую еженедельную газету С.Ф. Шарапова «Русский труд».

Александра Васильева и Евгений Евдокимов, впрочем, не желали терять потенциальную возможность возобновить свой журнал в любой момент. Поэтому 8 декабря 1897 г. они обратились в ГУДП со следующим заявлением, умолчав о своей связи с «Русским трудом»: «Приостановив с начала 1897 г. по соображениям совершенно частного свойства выпуск издаваемых нами ежемесячников “Русская беседа” и “Благовест” и имея намерение возобновить их в течение будущего года, имеем честь просить Главное управление о сохранении за нами права на упомянутые издания на весь 1898 год» [27: 39]. В очередной раз ГУДП пошло навстречу «ввиду полезности и специального духовно-нравственного характера издания» [27: 40]. Срок издания журнала был продлён сначала на 1898 г. [27: 41], а по его прошествии Васильева и Евдокимов подали новое ходатайство. Они не только просили продлить право издания на 1899 г., но и освободить «Русскую беседу» от предварительной цензуры (в этом им вновь было отказано), а вторым редактором назначить В.А. Тернавцева. По требованию М.П. Соловьева был предоставлен диплом Тернавцева об окончании Харьковского университета и запрошены в полиции сведения о его благонадёжности [27: 42–48]. Доброжелательность и осторожность М.П. Соловьева проявились в его резолюции о продлении права на издание на 1899 г. «ввиду вполне благонамеренного направления журнала “Русская беседа”, образовательного ценза г. Тернавцева и благоприятного отзыва департамента полиции» [27: 49]. Вопрос об освобождении не выходившего уже два года журнала от предварительной цензуры был отложен «впредь до выяснения направления издания по возобновлении его под новою редакцией» [27: 50–51].

По прошествии ещё одного года, 19 ноября 1899 г., Александра Васильева отказалась от участия в «Русской беседе», но журнал вновь не был закрыт де-юре. Свидетельство о правах на его издание было выдано Е.В. Евдокимову, причем речь шла о ежемесячном журнале с еженедельным приложением, но без «Благовеста», название которого было вычеркнуто в последний момент [27: 52–55]. Наконец, М.П. Соловьев вызвал В.А. Тернавцева в ГУДП для устных объяснений 8 декабря 1899 г. [27: 56–57]. Вероятно, В.С. Драгомирецкий к этому времени устранился от дел: как установлено Д.С. Парфирьевым, в ноябре 1895 г. он собирался издавать «Славянский вестник», но получил отказ ГУДП как «не имеющий денежных средств издавать какой-либо журнал», а с 1897 г. работал редактором газеты «Русь» и одновременно цензором [24: 286].

То, что фактически не существующий журнал теоретически продолжал существование целых три года (1897–1899 гг.), не должно вызывать удивление, если вспомнить судьбу журналов «Русское обозрение» и «Искусство строительное и декоративное» в тот же исторический период [15: 150–380]. Формального решения о закрытии журналов во всех трех случаях не было вынесено.

Заключение. Два номера «Галицко-русского вестника» общим объемом около 200 страниц с количественной стороны не могут идти в сравнение с десятками выпусков «Благовеста» и «Русской беседы», затрагивавшими русинский вопрос в Австро-Венгрии. Однако там данному вопросу была уделена лишь небольшая часть страниц, в то время как «Галицко-русский вестник» остался недолговечным, но уникальным опытом издания в России, почти целиком посвященного русинам. Круг авторов и редакторов этого журнала, а также лиц, кому были посвящены публикуемые материалы, включал представителей Славянского благотворительного общества и связанных с ними лидеров русинского движения в Галиции, Буковине и Закарпатье (как живых на тот момент, так и скончавшихся ранее). Не отказываясь от материалов о других славянских народах, своё внимание журнал сосредоточил именно на австро-венгерских частях Руси.

Не будучи изначально связан с «Благовестом» формально, фактически «Галицко-русский вестник» при содействии супругов Васильевых и в связи с изменившейся обстановкой (прекращение издания «Славянского обозрения», восшествие на престол нового императора) был его продолжением. Редакция не выполнила свои обязательства по ежемесячному выпуску издания, но после официального слияния с «Благовестом» в новый орган – «Русскую беседу» – этой цели удалось достичь на целых два года за счет расширения тематики. Таким образом, «Галицко-русский вестник» был недолговечным

промежуточным звеном в серии издававшихся панславистскими кругами (Афанасием Васильевым, Сергеем Шараповым, Славянским благотворительным обществом) периодических изданий. Достаточно осторожная позиция журнала в плане критики австро-венгерских властей наряду с резкими нападками на поляков и католическую церковь получили одобрение министерств иностранных и внутренних дел России. «Галицко-русский вестник», преобразованный затем в «Русскую беседу», не был освобождён от предварительной цензуры, несмотря на все просьбы, но это не мешало властям оказывать содействие редакции, высоко оценивать ее деятельность и вплоть до 1899 г. сохранять надежды на возобновление журнала. За три месяца существования «Галицко-русский вестник» успел внести заметный вклад в повышение информированности российской публики о ситуации не только в австрийской Галиции, но и на Буковине и в Закарпатье, об истории и перспективах национально-освободительной борьбы русинов. Тем самым была подготовлена почва для дальнейшего роста вовлечённости российского общества и государства в русинский вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болгария // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 104–114.
2. Будилович А.С. О необходимости укрепления духовных связей России с Червонной Русью // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 10–18.
3. Владимир Иванович Хилиак (Иероним-Аноним) // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 68–69.
4. *во-во*. Политическое положение Прикарпатской Руси // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 99–104.
5. Гушалевиц И.Н. Галицко-русские поэты. В Карпаты! / пер. В. Уманова-Каплуновского // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 8–9.
6. Д. Порабощение Галичины евреями // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 29–30.
7. [Драгомирецкий В.С.] Русский Галичанин. Скорбная летопись Галицкой Руси. I. Положение галицко-русской церкви // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 25–34.
8. Ивашкин М.Л. Этнополитическая ситуация в Австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX в.: польский и русинский вопросы // История в подробностях. 2011. № 4 (10). С. 62–73.
9. Иоанн Григорьевич Наумович (1826–1891) // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 1–9.
10. Карпато-русский литературный благотворительный союз // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 118–120.

11. *Клопова М.В.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 279 с.

12. *Котов А.Э.* Васильев Афанасий Васильевич // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 88–90.

13. *Леонтьева-Левицкая С.А. (Русская Солдатка)* Привет «Галицко-русскому вестнику» // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 98.

14. *Малкин В.А.* Русская литература в Галиции. Львов: Изд-во Львовского ун-та. 1957. 164 с.

15. *Медоваров М.В.* Национал-монархист, национал-демократ, национал-большевик Алексей Фролович Филиппов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 673 с.

16. *Медоваров М.В.* Русинский вопрос в зеркале русских консервативных журналов (1890–1894 гг.) // Русин. 2022. Т. 69. С. 73–96. DOI: 10.17223/18572685/69/5/

17. *Медоваров М.В.* Панславистские журналы «Благовест» и «Русская беседа» о русинском вопросе (1890–1896 гг.) // Русин. 2023. Т. 71. С. 76–112. DOI: 10.17223/18572685/71/4

18. *Миллер А.И.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 63–70.

19. *Миллер А.И.* Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. 416 с.

20. Национальное возрождение в Хорватии // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 31–50.

21. Национальное движение в Угорской Руси // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 49–62.

22. Обращение к читателям // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 1–7.

23. Открытие памятника Наумовичу // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 11–20.

24. *Парфирьев Д.С.* Василий Драгомирецкий: из русских в украинцы и обратно // Диалог со временем. 2023. Вып. 82. С. 285–295.

25. *Пашаева Н.М.* Очерки русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001. 201 с.

26. Письма из Галиции. I. Галичина как поприще польско-иезуитской пропаганды // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 35–42.

27. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 8. Д. 830. 57 л.

28. Русские народные учреждения в Прикарпатской Руси. I. Ставропигийский институт во Львове // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 63–65.

29. Русские народные учреждения в Прикарпатской Руси. II. «Народный дом» во Львове // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 51–52.

30. Сидоров А. Из путевых заметок // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 21–28.
31. Смесь // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 121–123.
32. Смесь // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 67–71.
33. Современные галицко-русские писатели. 1. Богдан Андреевич Дедицкий // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 53–54.
34. Среди газет и журналов // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 63–67.
35. Степанов А.Д. Васильев Афанасий Васильевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 86.
36. Стогов Д.И. Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // Русин. 2022. Т. 67. С. 174–187. DOI: 10.17223/18572685/67/10
37. Столетие воссоединения униатов юго-западного края России // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 115–117.
38. Филевич И.П. Несколько слов о значении Карпат для русской науки // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 19–24.
39. Франко И.Я. Грыць в школе. Рассказ из галицко-русского народного быта // Галицко-русский вестник. 1894. № 2. С. 56–62.
40. Хиляк В.И. Гаврилко. Рассказ из галицко-русской жизни // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 70–96.
41. Шевченко К.В. От Галицкой Руси к Западной Украине. Галицко-русские деятели об украинском движении в Галиции в XIX в. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX – XXI веков: сборник статей / науч. ред. А.Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2017. С. 117–131.
42. Яворский Ю.А. Очерки развития галицко-русской литературы // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 43–48.

REFERENCES

1. Anon. (1894) Bolgariya [Bulgaria]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 104–114.
2. Budilovich, A.S. (1894) O neobkhodimosti ukrepleniya dukhovnykh svyazey Rossii s Chervonnoy Rus'yu [On the Need to Strengthen Spiritual Ties between Russia and Red Rus']. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 10–18.
3. Anon. (1894) Vladimir Ivanovich Khilyak (Ieronim-Anonim). *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 68–69.
4. -vo-vo. (1894) Politicheskoe polozhenie Prikarpat'skoy Rusi [The Political Situation of Carpathian Rus']. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 99–104.
5. Gushalevich, I.N. (1894) Galitsko-russkie poety. V Karpaty! [Galician-Russian poets. To the Carpathians!]. Translated by V. Umanov-Kaplunovsky. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 8–9.

6. D. (1894) Poraboshchenie Galichiny evreyami [The Enslavement of Galicia by Jews]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 29–30.
7. Dragomiretskiy, V.S. (Russkiy Galichanin). (1894) Skorbnaya letopis' Galitskoy Rusi. I. Polozhenie galitsko-russkoy tserkvi [The Mournful Chronicle of Galician Rus. I. The Situation of the Galician-Russian Church]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 25–34.
8. Ivashkin, M.L. (2011) Etnopoliticheskaya situatsiya v Avstriyskoy Galitsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: pol'skiy i rusinskiy voprosy [The Ethnopolitical Situation in Austrian Galicia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Polish and Rusinian Questions]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 4(10). pp. 62–73.
9. Anon. (1894) Ioann Grigorievich Naumovich (1826–1891). *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 1–9.
10. Anon. (1894) Karpato-russkiy literaturnyy blagotvoritel'nyy soyuz [The Carpathian-Russian Literary Charity Union]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 118–120.
11. Klopova, M.V. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavyanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th century]. Moscow: Indrik.
12. Kotov, A.V. (2010) Vasiliev Afanasiy Vasilievich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian Conservatism of the Mid-18th – early 20th Century: Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 88–90.
13. Leontieva-Levitskaya, S.A. (Russkaya Soldatka). (1894) Privet “Galitsko-russkomu vestniku” [Hail to the “Galitsko-russkiy vestnik”]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. p. 98.
14. Malkin, V.A. (1957) *Russkaya literatura v Galitsii* [Russian Literature in Galicia]. Lvov: Lvov University.
15. Medovarov, M.V. (2021) *Natsional-monarkhist, natsional-demokrat, natsional-bol'shevik Aleksey Frolovich Filippov* [National-Monarchist, National-Democrat, National-Bolshevik Aleksey Frolovich Filippov]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Medovarov, M.V. (2022) The Rusin Question in Russian Conservative Journals. *Rusin*. 69. pp. 73–96 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/5/
17. Medovarov, M.V. (2023) Pan-Slavist Journals *Blagovest* and *Russkaya Beseda* on the Rusin Question (1890–1896). *Rusin*. 71. pp. 76–112 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/4
18. Miller, A.I. (1995) Galitsiya v sisteme avstro-vengerskogo dualizma [Galicia in the System of Austro-Hungarian Dualism]. In: Islamov, T.M. & Miller, A.I. (eds) *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: Experience of a Multinational State]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences. pp. 63–70.

19. Miller, A.I. (2013) *Ukrainskiy vopros v Rossiyskoy imperii* [The Ukrainian Question in the Russian Empire]. Kyiv: Laurus.
20. Anon. (1894) *Natsional'noe vozrozhdenie v Khorvatii* [The national revival in Croatia]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 31–50.
21. Anon. (1894) *Natsional'noe dvizhenie v Ugorskoy Rusi* [National movement in Ugic Rus']. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 49–62.
22. Anon. (1894) *Obrashchenie k chitatel'nyam* [Appeal to the Readers]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 1–7.
23. Anon. (1894) *Otkrytie pamyatnika Naumovichu* [Unveiling of the monument to Naumovich]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 11–20.
24. Parfiriev, D.S. (2023) *Vasilii Dragomiretskiy: iz russkikh v ukrainsy i obratno* [Vasily Dragomiretsky: From Russians to Ukrainians and Back Again]. *Dialog so vremenem*. 82. pp. 285–295.
25. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays of Russian Movement in Galicia in the 19th – 20th Century]. Moscow: State Public Historical Library.
26. Anon. (1894) *Pis'ma iz Galitsii. I. Galichina kak poprishche pol'sko-iezuitskoy propagandy* [Letters from Galicia. I. Galicia as a Field of Polish-Jesuit Propaganda]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 35–42.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 776. List 8. File 830.
28. Anon. (1894) *Russkie narodnye uchrezhdeniya v Prikarpat'skoy Rusi. I. Stavropigiyskiy institut vo L'vove* [Russian People Institutions in Carpathian Rus. I. The Stavropegian Institute in Lvov]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 63–65.
29. Anon. (1894) *Russkie narodnye uchrezhdeniya v Prikarpat'skoy Rusi. II. "Narodnyy dom" vo L'vove* [Russian People Institutions in Carpathian Rus. II. The People's House in Lvov]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 51–52.
30. Sidorov, A. (1894) *Iz putevykh zametok* [From Travel Notes]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 21–28.
31. Anon. (1894) *Smes'* [Miscellany]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 121–123.
32. Anon. (1894) *Smes'* [Miscellany]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 67–71.
33. Anon. (1894) *Sovremennye galitsko-russkie pisateli. 1. Bogdan Andreevich Deditskiy* [Contemporary Galician-Russian Writers. 1. Bogdan Andreevich Deditsky]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 53–54.
34. Anon. (1894) *Sredi gazet i zhurnalov* [Among Newspapers and Magazines]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 63–67.
35. Stepanov, A.D. (2008) *Vasiliev Afanasiy Vasilievich*. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundreds. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
36. Stogov, D.I. (2022) *The Rusin Agenda in the Works of Russian Conservatives of the late 19th – early 20th Century*. *Rusin*. 67. pp. 174–187 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/10
37. Anon. (1894) *Stoletie vossoedineniya uniatov yugo-zapadnogo kraya Rossii*

[The Centenary of the reunification of the Uniates of the southwestern region of Russia]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 115–117.

38. Filevich, I.P. (1894) Neskol'ko slov o znachenii Karpat dlya russkoy nauki [A Few Words on the Importance of the Carpathians for Russian Science]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 19–24.

39. Franko, I.Ya. (1894) Gryts' v shkole. Rasskaz iz galitsko-russkogo narodnogo byta [Gryts at School. A Story from Galician-Russian Folk Life]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 2. pp. 56–62.

40. Khilyak, V.I. (1894) Gavrilko. Rasskaz iz galitsko-russkoy zhizni [Gavrilko. A story from Galician-Russian life]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 70–96.

41. Shevchenko, K.V. (2017) Ot Galitskoy Rusi k Zapadnoy Ukraine. Galitsko-russkie deyateli ob ukrainskom dvizhenii v Galitsii v XIX v. [From Galician Rus to Western Ukraine. Galician-Russian Figures about the Ukrainian Movement in Galicia in the Nineteenth Century]. In: Polunov, A.Yu. (ed.) *Rossiya i slavyanskiy mir v voynakh i konfliktakh XIX – XXI vekov* [Russia and the Slavic World in the Wars and Conflicts of the 19th – 21st Century]. Moscow: Modest Kolerov. pp. 117–131.

42. Yavorskiy, Yu.A. (1894) Ocherki razvitiya galitsko-russkoy literatury [Essays on the Development of Galician-Russian Literature]. *Galitsko-russkiy vestnik*. 1. pp. 43–48.

Медоваров Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Maxim V. Medovarov – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

УДК 94(47+477)"19/21"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/7

Межэтническое разделение труда в Подольской губернии по данным переписи 1897 г.*

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк², Ю.В. Семенов³

^{1,3} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

¹ E-mail: vpz@tsu.ru

² E-mail: s.sulyak@spbu.ru

³ E-mail: semen_sb@rambler.ru

Авторское резюме.

Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена межэтнического разделения труда в Подольской губернии. Авторы на основе данных переписи 1897 г. доказывают, что межэтническое разделение труда, основанное на разных укладах жизнеобеспечения этносов и существенное для восточных регионов империи, для Подольской губернии было явлением несущественным. В Подольской губернии перепись 1897 г. учла всего 3 018 299 чел. населения, в том числе 750 915 самостоятельных лиц и 2 267 384 лиц, живущих за счёт их средств. Главным занятием населения губернии являлось земледелие, оно и обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы: 466 006 (62,0 % от всех занятых в народном хозяйстве) самостоятельных земледельцев обеспечивали себя и 1 799 715 членов семей (иждивенцев) или другими словами – один кормил ещё 3,9 чел. Жители Подольской губернии, кроме земледелия, занимались промышленностью – 61 775 (8,2 %), услугами – 75 766 (10,1 %), торговлей – 47 338 (6,3 %), транспортом – 7 575 (1,1 %). В управлении регионом были заняты 5 164 чел., или 0,7 % всех работников, в учреждениях культуры, образования, науки, медицинского обслуживания – 3 595 чел., или 0,5 %, в исправлении религиозных культов – 6 397 чел., или около 0,9 %, в вооружённых силах –

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

33 684 чел., или 4,5 % всех занятых. К концу XIX в. межэтническое разделение труда населения в Подольской губернии формировалось вследствие политических и экономических факторов. Разрушение сословного строя в губернии проявилось прежде всего в том, что крестьяне (38 231 чел.) переместились в город. Другой поток местных миграций – перемещение мещан в сельскую местность. Число мещан в Подольской губернии в 3 раза превышало число мещан в городах: 492 995 против 164 582. Прежде всего это евреи, малороссы, поляки. Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции. Относительное большинство самостоятельного великорусского населения составляли военнотруженики. Малороссы, составлявшие вместе 2 542 637 чел., т. е. большинство населения губернии, в городах также имели относительное большинство – насчитывали 105 757 чел., или 47,7 % горожан (табл. 2). Евреи, сосредоточенные в городах и в местечках, играли важную роль в торгово-промышленной жизни, в управлении и культурной сфере региона.

Ключевые слова: Подольская губерния, межэтническое разделение труда, хозяйственное развитие, русские, великороссы, малороссы, евреи, поляки

Labor interethnic division in Podolsk province according to the 1897 census*

Vasiliy P. Zinoviev¹, Sergey G. Sulyak²,
Juriy V. Semenov³

^{1,3} Tomsk State University

Russia, 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36; Russia, 625003

² St. Petersburg State University

Russia, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7/9

¹ E-mail: vpz@tsu.ru

² E-mail: s.sulyak@spbu.ru

³ E-mail: semen_sbp@rambler.ru

Author's resume

The article aims at identifying the phenomenon of labor interethnic division in Podolsk province. Based on the 1897 census data, the authors prove that labor intereth-

* The research is supported by the Tomsk State University Development Program (Priority 2030).

nic division, based on different ways of life support for ethnic groups and essential for the eastern regions of the Empire, was an insignificant phenomenon for Podolsk province. The 1897 census of Podolsk province recorded a total of 3,018,299 people, including 750,915 economically active persons and 2,267,384 of their dependants. The main occupation of the population in the province was agriculture, which ensured the expanded reproduction of the workforce: 466,006 (62.0% of all employed in the national economy) independent farmers provided for themselves and 1,799,715 family members (dependants), or in other words, one fed another 3.9 people. In addition to agriculture, residents of Podolsk province were engaged in industry – 61,775 (8.2%), service sector – 75,766 (10.1%), trade – 47,338 (6.3%), transport – 7,575 (1.1%). 5,164 people or 0.7% of all workers were employed in regional administration; 3,595 or 0.5 % – in institutions of culture, education, science, and medical care; 6,397 or about 0.9 % – in religious institutions; 33,684 or 4.5% – in the armed forces. By the late 19th century, labor interethnic division in Podolsk province was dependant on political and economic factors. The destruction of the estate system in the province was manifested primarily in the fact that 38,231 peasants moved to the city. Another stream of local migrations was the movement of burghers to rural areas. The number of burghers in Podolsk province was 3 times higher than the number of burghers in cities: 492,995 against 164,582. These were primarily Jews, Little Russians, and Poles. The Great Russian population performed the main connecting economic, cultural, and administrative functions. The relative majority of the independent Great Russian population were military personnel. The Little Russians, who totally made up 2,542,637, that is, the majority of the population in the province, also held a relative majority in the cities – they numbered 105,757 or 47.7% of the townspeople (Table 2). Jews, concentrated in cities and towns, played an important role in commercial and industrial life, administration and culture.

Keywords: Podolsk province, labor interethnic division, economic development, Russians, Great Russians, Little Russians, Jews, Poles

Настоящая статья продолжает анализ межэтнического разделения труда на западе России в конце XIX в. Начат он статьёй авторов по Бессарабской губернии [1].

Анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской губерниям, Забайкальской области выявили деление населения на скотоводов-тюрков на юге губерний, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней их полосе, охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [2: 137–141; 3: 40–48; 4: 149–154; 5; 6]. Выявлена также тенденция разрушения традиционных систем

жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных районах края в направлении перехода охоты и скотоводства к земледелию как к более эффективному способу получения средств существования. Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена межэтнического разделения труда в западной многонациональной Подольской губернии.

Данные анализируемых таблиц XXII, XXIII, XXIV переписи 1897 г. опубликованы только в погубернских томах, не сведены в общим-перские итоги, поэтому редко используются исследователями.

Сведения таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Подольской губернии в обобщенном виде представлены в табл. 1 настоящей статьи. В таблице также выделены наиболее крупные по численности народы: славянские – русские (великороссы, малороссы и белорусы), поляки, чехи, другие индоевропейские народы – немцы, молдаване, французы, итальянцы, литовцы и латыши, тюркские народы – татары, башкиры, финские народы, семитский народ – евреи.

Данные в табл. 1 сгруппированы по той же форме, что и по областям и губерниям России для того, чтобы получить сравнимый материал по всей территории империи. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Анализ данных табл. 1 показывает, что в Подольской губернии перепись 1897 г. учла всего 3 018 299 чел. населения, в т. ч. 750 915 самодеятельных лиц и 2 267 384 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в губернии в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы, т. к. один занятый содержал себя и в среднем 3,02 члена семьи.

Города губернии, судя по данным переписи, не обеспечивали воспроизводства населения (221 870 чел., или 9,8 % всего губернского населения), т. к. самодеятельное население городов губернии насчитывало 85 992 чел., которые обеспечивали 135 878 иждивенцев. На одного работающего приходилось 1,6 члена семьи. В сельской местности насчитывалось 2 796 429 чел., в т. ч. самодеятельного – 664 923 чел. и 2 131 506 чел. неработающих членов семей. На одного самодеятельного жителя сел и деревень приходилось 3,2 члена семей [8: 156]. Если же учесть только население губернии, занятое сельским хозяйством, рыболовством и охотой, то соотношение самодеятельного населения и иждивенцев вырастет до 1 к 3,8 [8: 240].

Таблица 1
Распределение населения Подольской губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Население губернии		Население городов		Великороссы		Малороссы	
		Самое- ятельное	Ижди- венцы	Самое- ятельное	Ижди- венцы	Самое- ятельное	Ижди- венцы	Самое- ятельное	Ижди- венцы
1-3	Управление	5 164	10 350	2 439	4 381	2 073	3 524	2 395	4 706
4	Военнослужащие	33 684	2 172	17 097	1 228	16 384	1 500	10 286	417
5-8	Служители культа	6 397	16 288	970	2 147	2 143	4 700	2 285	4 634
9-12	Образование, наука, культура, медицина	3 595	12 450	2 301	5 114	1 700	1 530	2 102	1 575
13	Прислуга	75 766	74 650	13 650	6 125	4 751	4 217	52 531	45 761
14-15	Рантье	15 236	16 600	6 214	6 239	2 964	2 168	5 362	3 179
16	Арестанты	1 506	0	1 492	0	222	0	1 110	0
17-18	Земледелие и пчело-водство	466 006	1 799 715	6 677	23 790	5 581	19 393	447 112	1 737 117
19	Животноводство	3 413	1 887	83	56	34	21	3 067	1 575
20	Лесные промыслы	930	1 762	126	338	54	106	706	1 275
21	Рыболовство, охота	276	935	81	311	30	84	109	306
22-40	Промышленность	61 775	157 389	17 513	39 735	5 058	10 078	28 836	87 772
41-45	Транспорт и связь	7 575	17 682	1 768	4 413	1 560	2 886	3 115	5 041
46-62	Торговля	47 338	146 685	13 608	37 783	1 850	3 004	4 825	8 607
63	Неопределенные занятия	4 729	5 194	987	1 463	430	381	2 734	2 010
64	Проституция	121	20	80	12	7	0	46	7
65	Занятия не указаны	4 418	3 605	806	871	339	212	2 584	1 052
Итого		750 915	2 267 384	85 992	135 878	45 180	53 804	568 205	1 874 614

Продолжение табл. 1

№	Белорусы		Поляки		Чехи и п р о ч и е славяне		Молдаване		Немцы	
	Самодетальное	Иждивенцы	Самодетальное	Иждивенцы	Самодетальное	Иждивенцы	Самодетальное	Иждивенцы	Самодетальное	Иждивенцы
1–3	15	14	317	697	3	5	7	13	8	23
4	159	9	663	137	23	0	60	2	154	20
5–8	24	6	683	751	11	7	2	1	3	4
9–12	44	27	6 596	9 617	51	75	13	23	85	79
13	17	6	2 498	2 866	10	21	121	86	251	234
14–15	0	0	05	0	1	0	30	94	74	64
16	26	23	6 486	17 481	87	139	12	0	2	0
17–18	0	0	210	128	1	0	5 140	19 884	172	504
19	0	0	55	57	0	0	37	28	10	14
20	0	0	55	57	0	0	2	1	13	24
21	0	0	18	78	0	0	0	0	0	0
22–40	196	152	5 220	9817	189	265	368	763	692	1 368
41–45	39	34	383	913	3	2	10	16	17	48
46–62	20	10	710	1 000	35	21	9	32	58	103
63	5	3	198	179	9	10	27	27	1	4
64	0	0	6	1	0	0	0	0	0	0
65	2	0	412	228	4	1	22	11	7	1
Итого	546	288	24 751	44 405	427	546	5 880	20 884	1 579	2 490

Продолжение табл. 1

№	Французы и итальянцы		Литовцы и латыши		Прочие индоевропейцы		Финские народы		Татары	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1–3	2	9	0	1	6	3	1	0	0	0
4	0	2	60	2	19	7	471	0	2 203	1
5–8	0	0	3	5	0	1	1	0	0	0
9–12	48	11	1	0	3	3	3	2	0	0
13	46	22	20	4	24	14	5	6	10	0
14–15	20	9	2	1	9	3	2	0	12	1
16	0	0	0	0	3	0	0	0	5	0
17–18	4	7	8	2	14	32	7	14	12	8
19	0	0	0	0	0	0	4	4	0	0
20	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
21	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
22–40	26	27	45	7	100	248	17	14	8	0
41–45	0	4	3	3	14	4	0	0	1	0
46–62	7	8	6	9	23	33	0	1	22	13
63	1	2	0	0	34	32	0	2	0	0
64	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
65	4	0	0	0	11	5	0	0	0	0
Итого	159	105	148	34	269	405	511	44	2 274	22

№	Башкиры		Прочие тюрки		Евреи	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1–3	0	0	0	0	337	1 355
4	1 104	0	165	0	1 906	75
5–8	0	0	0	0	1 710	6 478
9–12	0	0	1	0	3 295	8 460
13	0	0	1	0	11 310	14 682
14–15	0	0	0	0	4 226	8 272
16	0	0	1	0	199	0
17–18	0	0	0	0	1 335	5 097
19	0	0	0	0	50	113
20	0	0	0	0	98	298
21	0	0	0	0	119	467
22–40	0	0	41	8	29 378	75 578
41–45	0	0	4	0	2 532	8 730
46–62	3	6	0	0	40 055	135 437
63	0	0	0	0	1 286	2 545
64	0	0	0	0	62	12
65	0	0	0	0	2 018	2 091
Итого	1 107	6	213	8	99 616	269 690

Источник подсчёта: [8: 166–167, 174–177].

В сельской местности губернии осуществлялось расширенное воспроизводство рабочей силы, а в городах был её дефицит, что характерно для России раннеиндустриального времени, когда отхожие промыслы осуществлялись перемещением рабочей силы преимущественно без семей, а условия жизни городских низов были хуже, чем у крестьян в сельской местности.

Главным занятием населения губернии являлось земледелие, оно и обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы: 466 006 (62,0 % от всех занятых в народном хозяйстве) самостоятельных земледельцев обеспечивали себя и 1 799 715 членов семей (иждивенцев), другими словами, один кормил еще 3,9 чел. Для простого воспроизводства достаточно 3 чел., поэтому почти треть населения деревни была лишней. Земледельцы покрывали дефицит кадров в других отраслях производства и в сельской местности, и в городах.

Жители Подольской губернии, судя по данным табл. 1, кроме земледелия, занимались промышленностью – 61 775 (8,2 %), услугами – 75 766 (10,1 %), торговлей – 47 338 (6,3 %), транспортом – 7 575 (1,1 %). В управлении регионом были заняты 5 164 чел., или 0,7 % всех работников, в учреждениях культуры, образования, науки, медицинского обслуживания – 3 595 чел., или 0,5 %, в исправлении религиозных культов – 6 397 чел., или около 0,9 %, в вооружённых силах – 33 684 чел., или 4,5 % всех занятых. Кроме того, учтены как лица неопределённых занятий 4 729 чел. (0,63 %), не указали род занятий 4 418 чел. (или 0,59 % всех занятых). Отдельно зафиксированы 15 236 чел., живущих за счет Казны и частных лиц (2,0%), и 1 506 чел., находящихся под арестом (0,2 % всех занятых). Животноводство (3 413 чел., или 0,45 %), рыболовство и охоту (276 чел., или 0,04 % занятых) в Подольской губернии ни один из народов не назвал основным видом деятельности (табл. 1). Выделяется высокий показатель занятости в услужении, что, видимо, связано с большим числом помещичьих усадеб с прислугой. Косвенно это подтверждается значительным числом западноевропейцев (французов, итальянцев, немцев) в услужении и образовании и размещением прислуги в основном в сельской местности (табл. 1).

В губернии преобладали славяне. Малороссы – наиболее крупный коренной этнос – были заняты в основном земледелием: 447 122 чел., или 78,9 % из 568 205, услугами – 52 531 чел. (9,2 %), промышленностью – 28 836 чел. (5,1 %), животноводством – 3 067 чел. (0,9 %), жили на попечении Казны и родственников – 5 362 чел. (1,0 %), занимались торговлей – 4 825 чел. (0,8 %), обслуживанием транспорта и средств связи – 3 115 (0,5 %), управлением – 2 395 (0,4 %), были служителями религиозного культа – 2 285 чел. (0,4 % самостоятельного населения),

заняты в образовательных, медицинских, культурных учреждениях и организациях – 2 102 (0,4 %). Военнослужащими были 10 286 (1,8 %) малороссов губернии.

Великороссы (45 180 чел., или 6,0 % самодеятельного населения губернии) по сферам деятельности были распределены так: в земледелии – 5 581 (12,4%), в услужении – 4 751 (10,5 %), в промышленности – 5 958 (11,2 %), на военной службе – 16 384 (35,8 %), в торговле – 1 850 (4,1 %), в управлении – 3 786 (4,6 %), на транспорте и связи – 1 560 (3,6 %), в сфере образования, науки, медицины – 1 700 (3,8%) и т.д. Таким образом, 40,4 % великороссов губернии были заняты в сфере управления и на военной службе.

Белорусы (546 самодеятельных лиц) были заняты преимущественно на военной службе – 293 (29,1 %), в промышленности – 196 (35,9 %).

В целом русские составляли 613 931 чел., или 81,8 % самодеятельных лиц в губернии. Основными их занятиями было земледелие – 452 719 (73,7 %), военная служба – 26 829 (4,4 %), услужение – 57 326 (9,3%) и промышленность – 34 090 (5,6%).

Поляки были заняты преимущественно в услужении (6 596 чел. – 26,6 % всех самодеятельных представителей этноса), в земледелии (6 486 – 26,2 %), в промышленности (5 220 – 21,1 %), в торговле (710 – 2,9%), на транспорте (710 – 2,9 %), в управлении (317 – 1,3 %), на военной службе (663 – 2,7 %) из 24 751 самодеятельного представителя этноса в губернии. Другие славянские этносы были представлены небольшим числом чехов. Германские народы были также представлены небольшим (1 579 самодеятельных лиц) количеством занятых в основном в промышленности, в услужении, на военной службе и в земледелии (табл. 1).

Из других европейских народов отмечены молдаване 5 880 самодеятельных лиц, занятых в основном в земледелии – 5 140 чел. и промышленности – 368 чел., французы и итальянцы – 159 чел. преимущественно в услужении и образовании, видимо, гувернеры, латыши и литовцы составили 148 чел., из них занятых на военной службе – 60 чел., в промышленности – 45 чел.

Из тюркских народов отмечены татары – 2 274 чел., башкиры – 1 107 чел., прочие турки – 213 чел. в основном на военной службе. Точно так же были заняты представители финских народов – 511 самодеятельных лиц (табл. 1).

Значительную часть населения губернии составляли евреи, вторые по численности после малороссов – 369 306, среди них 99 616 чел. считались самодеятельными. Евреи в основном сосредоточились в промышленности (ремесле) (29 378 чел.), в торговле (40 055 чел.),

услугах (11 310), образовании, науке, медицине (3 295), транспорте и связи (2 532), на военной службе (1 906), в земледелии (1 335). У евреев было относительно большое число лиц неопределенных занятий или их не указавших – 3 304 чел., более других этносов они занимались проституцией – 62 из 121 лица по губернии (табл. 1). Очевидно, что евреи, как и в других губерниях, не имея возможности заниматься земледелием, стремились в другие сферы народного хозяйства и услуги и переживали жесткую конкуренцию.

Евреи жили преимущественно в городах, поскольку занимались торговлей, ремёслами, услужением. Евреи официально числились жителями городов – 102 204 из 369 306, или 27,7 % (подсчет по данным табл. 2). Однако мещанское еврейское население Подолии (352 578 чел.) в 3,4 раза превышало число городских евреев и в 1,6 раза все городское население губернии. Как и в других губерниях, евреи жили в местечках – торгово-промышленных поселениях с особым статусом [7. С. 314–321]. Местечки редко добивались городского статуса, и составители переписи 1897 г. не включили местечки в число городов, а их жителей в число горожан.

Евреи составляли большую часть горожан Подолии – 46,1 %, или 102 204 из 221 870 чел. городского населения, великороссы соответственно составляли 15,0 %, или 33 353 чел., малороссы – 32,5 %, или 72 188 чел., поляки – 4,9 %, или 10 866 чел. Таким образом население городов Подольской губернии было на 52,6 % славянским, на 46,1 % – еврейским, на 0,8 % – тюркским и на 0,5 % из прочих этносов. Славяне, кроме главного для себя земледелия, занимались торгово-промышленной деятельностью, управлением, образованием, военной службой.

Подольская губерния, пограничная с враждебной Австрийской империей, была одна из наиболее милитаризованных в Российской империи. По уездам войска распределялись следующим образом: Каменец-Подольский – 4 309 чел., Балтский – 1 578, Брацлавский – 2 328, Винницкий – 10 020, Гайсинский – 1 816, Летичевский – 3 749, Могилевский – 1 898, Ольгопольский – 577, Проскуровский – 5 869, Ушицкий – 686, Ямпольский – 98. Наиболее крупные воинские контингенты располагались близ границы с Австрийской империей – в Каменец-Подольском, Летичевском, Проскуровском и Винницком уездах. Войска были распределены по этническому признаку с преобладанием русских почти в каждом уезде [8: С. 167–173, 187–239].

Каков был сословный статус представителей основных этносов Подольской губернии, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [8: 256–257]. На основании данных таблицы XXIV были

выделены сведения о распределении наиболее крупных народов губернии по сословиям (табл. 2). Анализ сведений таблицы показывает, что сословная идентичность населения Подольской губернии не была прямо связана с этнической принадлежностью, как, например, у инородцев Сибири, только у евреев этнос на 96,4 % совпадал с городскими сословиями мещан (352 528 чел.), купцов (3 008 чел.) и почетных граждан (226 чел.) из 369 306 лиц еврейского этноса (табл. 2). Великороссы, малороссы, немцы, чехи, белорусы, турки, финны числились в значительной части крестьянами.

Таблица 2

**Распределение населения Подольской губернии по сословиям
и по родному языку по данным переписи 1897 г. (душ обоего пола)**

Народы	Сословия						
	Дворяне	Лица духовного звания	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне	Войсковые казаки
Все народы, в т. ч.:	40 513	14 018	9 650	3 637	492 995	2 437 736	2 894
Русские	24 007	13 929	9 083	398	124 218	2 362 139	2 876
В т. ч.: великороссы	12 513	7 371	3 514	324	32 205	39 166	2 806
малороссы	11 449	6 550	3 514	74	91 875	2 322 349	69
белорусы	45	8	11	0	140	624	1
Поляки	15 998	78	201	65	14 573	31 332	2
Чехи и прочие славяне	16	0	4	0	106	202	4
Молдаване и другие романские народы	84	6	51	1	516	26 142	1
Германские народы	197	3	78	81	731	919	4
Евреи	121	0	226	3 080	352 578	12 491	2
Финны	6	0	1	0	17	516	0
Татары	35	0	0	7	44	2 168	9
Башкиры		0	0	0	0	1 099	0
В городах	11 130	1 648	1 520	1 788	164 582	38 231	1 031

Продолжение табл. 2

Народы	Сословия					
	Ино-родцы	Лица, не входящие в названные сословия	Прочие	Ино-странцы	Итого в губернии	В городах
Все народы, в т. ч.:	49	2 438	1 024	13 345	3 018 299	221 870
Русские	0	2 154	773	3 060	2 542 637	105 757
Великороссы	0	293	366	426	98 984	33 353
Малороссы	0	1 858	406	2 633	2 442 819	72 188
Белорусы		3	1	1	834	216
Поляки	0	134	62	6 711	69 156	10 866
Чехи и другие славянские народы	0	0	12	643	976	177
Молдаване и прочие романские народы	0	28	2	193	27 028	148
Германские народы	0	3	25	2 044	4 069	464
Евреи	0	118	138	532	369 306	102 204
Финны	0	0	0	15	555	187
Тюрки	39	1	0	55	2 296	1 336
В городах	46	475	252	1 039		221 870

Источник: [8: 256–257].

Деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако население губернии, кроме основных занятий, занималось сотнями различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслов сельского населения (табл. 3). Данные о промысловых занятиях сгруппированы по отраслям производства и родам деятельности для удобства анализа.

В губернии 2 272 232 чел. жили за счет аграрных производств, из них 128 429 (5,7 %) обращались к подсобным промыслам. Преимущественно они были связаны с кустарными промыслами (79 444), транспортом (14 008), строительством (16 719 чел.) и торговлей (6 670 чел.), кроме того, черными и подёнными работами – 46 659 чел. Подсобные занятия земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством не были значимыми.

Таблица 3

**Распределение сельского населения Подольской губернии
по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.**

Побочные промыслы	Самодельные	Члены семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	469 695	1 802 537	2 272 232
В том числе занимающихся побочными промыслами	81 226	47 203	128 429
Из них: земледелием и пчеловодством	3 735	1 513	5 248
скотоводством	556	1 155	1 711
лесными промыслами и лесоводством	2 161	631	2 792
рыболовством и промысловой охотой	705	82	787
горными промыслами	544	99	643
обрабатывающей промышленностью	41 743	37 702	79 444
строительством	15 128	1 591	16 719
транспортом	11 612	2 396	14 008
торговлей	4 625	2 045	6 670
Итого*	80 808	47 214	128 022
Кроме того, черной и поденной работой	17 347	29 312	46 659

Составлено по: [8: 240–254]. Наш подсчет не совпадает с официальным итогом.

Можно сделать вывод, что к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Подольской губернии было заметным только в отношении евреев по политической причине. Славянское, тюркское, немецкое население имело схожие структуры занятости, с преобладанием земледелия. Слабо интегрировались в городское сообщество немцы, чехи, белорусы.

Разрушение сословного строя в губернии проявилось прежде всего в том, что крестьяне – 38 231 чел. – переместились в город. С этим явлением историки хорошо знакомы. Другой поток местных миграций менее известен – перемещение мещан в сельскую местность. Число мещан в Подольской губернии в 3 раза превышало число мещан в городах: 492 995 против 164 582. Прежде всего, это евреи – 352 578 мещан в губернии и 102 204 чел. горожан, малороссы – 91 875 мещан и 72 188 горожан, немцы – 731 чел. мещан и всего 464 чел. горожан, поляки – 14 573 чел. мещан и 10 866 горожан. Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие для сельского населения. Великороссов среди мещан учтено 32 205, а среди горожан их 33 353 чел. Относительное большинство самодельного великорусского населения составляли военнослужащие. Малороссы, составлявшие вместе 2 542 637 чел., т. е. большинство населения губернии, в городах также имели относительное большинство – насчитывали 105 757 чел., или 47,7 % горожан

(см. табл. 2). Евреи, сосредоточенные в городах и в местечках, играли важную роль в торгово-промышленной жизни, в управлении и культурной сфере региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Межэтническое разделение труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г. // Русин. 2023. № 74. С. 133–147. DOI: 10.17223/18572685/74/6
2. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16
3. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 40–48. doi: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
4. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19
5. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
6. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
7. Местечко // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Иерусалим, 1990. 457 с.; Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/new-age-16-18-centuries/12737/> (дата посещения: 18.07.2023).
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXXII: Подольская губерния. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1904. 285 с.

REFERENCE

1. Zinoviev, V.P. & Sulyak, S.G. (2023) Interethnic division of labor in Bessarabia according to the 1897 census. *Rusin*. 74. pp. 133–146 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/6
2. Zinoviev, V.P. (2022a) Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141 (in Russian). doi: 10.17223/19988613/76/16

3. Zinoviev, V.P. (2022b) *Mezhetnocheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya*. 40. pp. 40–48. doi: 10.26516/2222-9124.2022.40.40

4. Zinoviev, V.P. (2022c) Interethnic division of labor in the Transbaikalia region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154 (in Russian). doi: 10.17223/19988613/78/19

5. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v prozesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.

6. Karikh, E.V. (2007) Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v konze XIX veka [The ethnic structure of the population of Yakutia in the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.

7. Zand, M. & Oren, I. (eds) (1990) *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya* [A Brief Jewish Encyclopedia]. Vol. 5. Ierusalim: Keter. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jewish-history/new-age-16-18-centuries/12737/> (Accessed: 18th July 2023).

8. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. Vol. 32. St. Petersburg: Slovo.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Vasiliy P. Zinoviev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Семенов Юрий Владимирович – соискатель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Juriy V. Semenov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: semen_sbp@rambler.ru

УДК 94(477.83/.86)“1914/1918”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/8

Правоохоронні органи на Буковині в роки Великої війни (1914–1918)

М.К. Чучко

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича

Україна, 58012, м. Чернівці, вул. Коцюбинського, 2

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Авторське резюме

Стаття присвячена проблемі діяльності правоохоронних органів на території Буковини в роки Першої світової війни (1914–1918). У цей період австрійська правоохоронна система в краї була репрезентована 13-тою командою австрійської жандармерії на чолі з Е. Фішером, а в Чернівцях – дирекцією державної поліції під керівництвом К. Тарангула фон Валеуца. Ці органи, ще перед початком війни з Росією арештували й інтернували вглиб Габсбурзької імперії неблагонадійних буковинців. Багато з них потрапили в табір Талергоф у Штирії. З початком бойових дій на теренах Буковини ц.к. жандармерія була задіяна на фронті, але основна функція австрійських правоохоронних органів була зосереджена на підтриманні режиму воєнного стану, недопущенні диверсій, непокорі австрійській владі та боротьбі зі шпигунством. У періоди, коли російські війська займали більшу частину терену Буковини там діяли органи російської поліції і жандармерії. В окремих містах краю тимчасово діяла громадська варта (Burgerwehr). Після остаточного очищення теренів Буковини від російських військ в 1917 р. на звільнену територію повернулися австрійські жандармерія і поліція. Вони займалися боротьбою з противниками влади, підтриманням громадського порядку та розслідуванням кримінальних злочинів. У листопаді 1918 р., коли розпад Австро-Угорщини став очевидним, представники українського і румунського національних комітетів перебрали владу в краї та поділили між собою управління жандармерією і поліцією. Після вступу 11 листопада 1918 р. до Чернівців румунської армії, Буковину було прилучено до Румунії і там почалося поступове запровадження правоохоронної системи Старого королівства. Частина австрійських правоохоронців продовжили служити новій владі в румунській поліції і жандармерії.

Ключові слова: Австро-Угорщина, Буковина, Чернівці, Росія, Румунія, Перша світова війна, поліція, жандармерія, злочини, шпигунство, громадянська варта

Правоохранительные органы на Буковине в годы Великой войны (1914–1918)

М.К. Чучко

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича

Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Авторское резюме

Рассматривается проблема деятельности правоохранительных органов на территории Буковины в годы Первой мировой войны (1914–1918). В данный период австрийская правоохранительная система в крае была представлена 13-й командой австрийской жандармерии во главе с Э. Фишером, а в Черновцах – дирекцией государственной полиции под руководством К. Тарангула фон Валеуцей. Эти органы еще до войны с Россией арестовали и интернировали вглубь Габсбургской империи неблагонадежных буковинцев. Многие из них попали в лагерь Талергоф в Штирии. С началом боевых действий в Буковине жандармерия была задействована на фронте, но основная функция австрийских правоохранительных органов была сосредоточена на поддержании режима военного положения, недопущении диверсий, неповиновения австрийским властям и борьбе со шпионажем. В периоды, когда русские войска занимали большую часть территории Буковины, там действовали органы российской полиции и жандармерии. В отдельных городах края временно создавали гражданскую милицию (Bürgerwehr). После окончательного очищения Буковины от русских войск в 1917 г. на эту территорию вернулись австрийские жандармерия и полиция. Они занимались борьбой с противниками власти, поддержанием общественного порядка и расследованием уголовных преступлений. В ноябре 1918 г., когда распад Австро-Венгрии стал очевидным, представители украинского и румынского национальных комитетов взяли власть в крае и поделили между собой управление жандармерией и полицией. После вступления 11 ноября 1918 г. в Черновцы румынской армии Буковина была присоединена к Румынии, и там началось постепенное введение правоохранительной системы Старого королевства. Часть австрийских правоохранителей продолжили служить новой власти в румынской полиции и жандармерии.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Буковина, Черновцы, Россия, Румыния, Первая мировая война, полиция, жандармерия, преступления, шпионаж, гражданская милиция

Law enforcement agencies in Bukovina during the Great War (1914–1918)

Mykhailo K. Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsyubynskiy Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine
E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Abstract

The article focuses on the law enforcement activities in Bukovina during the First World War (1914–1918). During this period, the Austrian law enforcement system in the region was represented by the 13th Unit of the Austrian gendarmerie headed by E. Fischer and by the State Police Directorate headed by K. Tarangul von Valeuts in Chernivtsi. Even before the war with Russia, these law enforcement bodies arrested and interned unreliable Bukovinians deep in the Habsburg Empire. Many of the internees ended up in the Thalerhof camp in Styria. With the outbreak of hostilities in Bukovina, the gendarmerie was deployed at the front, yet the Austrian law enforcement agencies were mainly to maintain martial law, prevent sabotage and disobedience to the Austrian authorities, and combat espionage. When Russian troops occupied most of Bukovina, Russian police and gendarmerie operated there. Some cities organized a temporary civil militia (Burgerwehr). When Russian troops finally left Bukovina in 1917, the Austrian gendarmerie and police returned to fight against the opponents of the government, maintain public order, and investigate criminal offenses. In November 1918, after the collapse of Austria-Hungary, representatives of the Ukrainian and Romanian national committees took power and divided the administration of the Gendarmerie and police between themselves. When the Romanian army entered Chernivtsi on November 11, 1918, Bukovina was annexed to Romania, which started the gradual introduction of the law enforcement system of the Old Kingdom. Some Austrian law enforcement officers continued to serve the new government in the Romanian police and gendarmerie.

Keywords: Austria-Hungary, Bukovina, Chernivtsi, Russia, Romania, World War I, police, gendarmerie, crimes, espionage, civil militia – Burgerweh

Перша світова війна (1914–1918 рр.), що стала першим великим міжнародним конфліктом ХХ століття, вплинула на всі сфери життя Австро-Угорщини, зокрема й на правоохоронні органи прикордонного з Російською імперією герцогства Буковина. З перших днів війни ц.к. жандармерія Буковини та чернівецька дирекція поліції розпочали

боротьбу з агентурою Росії й різного роду неблагонадійними з точки зору влади елементами, а підрозділи крайової жандармерії вели бої з царською армією як на кордоні, так і в глибині краю, по мірі просування фронту у західному, південному й потім знову східному напрямках. У періоди, коли російські війська займали більшу частину терену Буковини і там встановлювалася цивільна окупаційна адміністрація, правоохоронні функції переходили до російської поліції і жандармерії. В окремих містах краю тимчасово діяла сформована з місцевих жителів громадська варта – *Bürgerwehr*.

Варто відзначити, що спеціального комплексного дослідження про діяльність правоохоронних органів на території Буковини в роки Великої війни досі немає. У працях вітчизняних та зарубіжних дослідників, присвячених окремим аспектам історії Першої світової війни на теренах Буковинського герцогства, чи загальних роботах австрійських авторів про поліцію і жандармерію Австрійської держави, зустрічаються лише окремі, оказіональні, згадки щодо діяльності поліцейських і жандармських відомств Австро-Угорщини і Росії на Буковині у воєнний час, зокрема, у контексті їхньої службової діяльності, в тому числі по їх залученню до репресій стосовно певних категорій місцевого населення [2–6; 11; 12; 14; 18; 20–23; 26–29; 31; 33; 42; 44; 45; 47; 49; 50; 66; 68; 69]. Окремі публікації, що приміром стосуються організації громадської варти (*Bürgerwehr*) для захисту міських обивателів у кризові періоди ротації влад, носять публіцистичний характер [9]. Також цілком недослідженим питанням залишається боротьба ц.к. жандармерії та поліції з кримінальними злочинами в роки війни. Виходячи з цього, автор пропонованого дослідження ставить за мету більш глибоко розкрити окреслене коло питань, що стосуються різних аспектів діяльності правоохоронних органів на Буковині в 1914–1918 рр., коли край став ареною збройного протистояння імперії Габсбургів з царською Росією.

На час початку воєнного конфлікту правоохоронна система австрійської Буковини була представлена ц.к. жандармерією та чернівецькою дирекцією державної поліції.

Буковинську жандармську команду №13 з квітня 1914 р. очолював майор Е. Фішер (1862–1935). Він був уродженцем с. Карапчів над Черемошем, нащадком німецьких колоністів зі Швабії. Крім служби, захоплювався краєзнавством. Його авторству належить кілька історичних праць [25: 9–16; 30: 347; 43: 1037; 63: 7; 68: 318–322].

Штаб і казарма жандармерії Буковини знаходилася в Чернівцях на вул. Семигородській, 9. Там же було помешкання її командира. Ад'ютантом очільника крайової жандармерії був ротмістр Йозеф Єжек (1884 – 1969). Відділ комплектування очолював жандармсь-

кий ротмістер Фрідріх Лакінгер. Бухгалтером служив гауптман 1 кл. А. Гулей. Командирами відділків жандармерії були: №1 в Чернівцях – ротмістр Ладіслав Журковський. Його помічником – обер-лейтенант Альфонс Шваб; №2 в Редеуць – ротмістр Якоб Яскевич; №3 у Сучаві – обер-лейтенант Ладіслав Кучінські; №4 в Кимпулунзі – ротмістр М. Тодт; №5 у Вижниці – лейтенант Фрідріх Прейшер.

У цілому, станом на 1914 р. жандармерія Буковини складалася з 5 жандармських відділків, 13 повітових жандармських команд та 135 жандармських постів [30: 347; 43: 1037, 1042; 63: 7].

Головний офіс дирекції державної поліції також знаходився в м. Чернівці, але на площі Фердинанда, 2. Там було бюро і помешкання директора поліції, розміщувалися інспекторат поліції та команда поліцейської охорони. У різних районах міста діяли окремі поліційні відділки, а саме: дільниця охорони на вокзалі по вул. Бангофштрассе, 60, дільниця на Горечі по вул. Руській, 192, дільниця на Клокучці за адресою Клокучка, 297, дільниця на площі Ринок – Рінгплац, 10, дільниця Народний сад по вулиці Шутценгассе, дільниця на Роші, розміщена за адресою дім Гьорінга, дільниця на Калічанці – Калічанка, 397, дільниця Манастериська – за адресою дім Шенкера та дільниця охорони на вул. Корнгассе, 6 [63: 8]. Поза м. Чернівці діяли прикордонні поліцейські комісаріати, розташовані на станціях Іцкань та австрійська Новоселиця.

Державну поліцію в Чернівцях з 1906 р. очолював її директор, урядовий радник Костянтин Тарангул фон Валеуца [43: 1045], румун за етнічною приналежністю, уродженець с. Черепківці (народ. 2.12.1857 р.), син протоієрея Костянтина Тарангула (1823–1910), який після переведення на парафію в с. Волівець, прослужив там упродовж 42 років настоятелем церкви і отримав у 1908 р. за сумлінну службу від цісаря орден Франца-Йосифа та австрійське шляхетство з правом титулуватися «рицар фон Валеуца». Всі його сини, у тому числі й директор поліції К. Тарангул, отримали право користуватися цим шляхетським титулом [13: 49–50 зв.; 71: 25–26; 73: 2; 74: 3; 75: 3].

Станом на 1914 р. в чернівецькій дирекції поліції під керівництвом К Тарангула фон Валеуци служили поліцейський радник Ф. Лунц, старші поліцейські комісари Ф. Недвед, П. Нойбек, поліцейські комісари Й. Яворський, К. Сейдман, А. Ганіцький, Н. Літвінюк, Б. Беккер, К. Гутхерц, С. Хаммер, в ц.к. поліції охорони – старший інспектор О. Фаульхабер. Прикордонний поліцейський комісаріат на вокзалі в Іцкань очолював І. Рейнххард, а у Новоселиці прикордонним поліцейським комісаром був д-р Ф. Штрауб [43: 1045–1046].

Після початку Першої світової війни, 5 серпня 1914 р. крайовий президент Буковини граф Р. фон Меран видав оголошення про ство-

рення в краї воєнно-польових судів, де також наводився перелік злочинів, вчинених цивільними особами, які підпадають під воєнну судову юрисдикцію, а саме: несанкціонована реклама, порушення обов'язків військової служби, дії проти військової влади, державна зрада, образа величності та ін. [51; 68: 323].

Ще до того, як було оголошено війну Росії й східні терени Буковини перетворилися на театр бойових дій, австрійська влада вдалася до репресій щодо неблагонадійних буковинців. Поліція й жандармерія, згідно складених наперед списків, арештовувала такого роду осіб, серед яких було також чимало православних священників з проросійськими та прорумунськими поглядами. Разом зі світськими арештантами багато представників духовенства також були інтерновані. Деяких відправили вглиб країни (до прикладу, професор теологічного факультету, протоієрей д-р Є. Козак з родиною був висланий до Зальцбурга), а 17 кліриків опинилися в концентраційному таборі Талергоф у Штирії. Відтак туди також доправили й декотрих, пізніше заарештованих, дружин священників. Деяких арештантів ув'язнили в табір Терезин [12: 55–57; 17: 57; 24: 49–51; 27: 108]. Збиранням необхідних «доказів» на підозрюваних займалися комендант жандармерії Буковини Е. Фішер та старший комісар поліції Ф. Недвед [1: 627; 24: 49].

Ув'язнений за поданням коменданта буковинської жандармерії Е. Фішера й відправлений до Талергофа, священник містечка Садогура, що тепер в межах Чернівців, екзарх Д. Кисель-Киселевський згодом так згадував обставини свого арешту та інтернування разом з іншими арештантами до цього табору, де він будучи в'язнем служив також настоятелем, влаштованого там, імпровізованого табірному православного храму до весни 1917 р.: «Дня 2 августа н. ст. 1914 года въ 6 часовъ утра, въ воскресенье (праздникъ св. пророка Иліи) арестовали меня здѣшніе жандармы по приказу коменданта краевой жандармеріи полк. Фишера и отвели въ тюрьму при Садыгорскомъ уѣздномъ судѣ. Дома осталось трое дѣтей въ возрастѣ 9 и 10 лѣтъ и 70-лѣтняя теща.

7 августа перевезли меня въ черновицкую тюрьму при уголовномъ судѣ, гдѣ меня примѣстили въ камерѣ вмѣстѣ съ бродягами и конокрадами. Вечеромъ того же дня два тюремныхъ надзирателя пытались “вънчать меня арестантскою шапкою”.

Вечеромъ 13 го августа отправлено меня вмѣстѣ съ правосл. священникомъ Дим. Дроботомъ, Симеономъ Волощукомъ, Антоніємъ Тофаномъ, Иллариономъ Преличемъ и Ник. Журомією, греко уніат. священниками Юльяномъ Гумецкимъ, Зиновіємъ Романовскимъ, Ракомъ и Кирилломъ Дольницкимъ, так-же русскими священниками

изъ Бессарабіи Тимушемъ, Сорочаномъ и Попискомъ и слуш. богосл. Гавріиломъ Василовичемъ въ закрытыхъ повозкахъ на чернов. вокзалъ и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Станиславовъ, куда мы прибыли 14-го августа.

Подъ сильною эскортою повели насъ пѣшкомъ черезъ цѣлый городъ раньше въ гарнизонную тюрьму, а потомъ въ окружный судъ, при чемъ разношерстная публика насъ ругала, на насъ плевала и обкидала камнями. Въ окружномъ судѣ примѣстили насъ въ двухъ камерахъ. Пришедши сюда, отслужили мы всѣ вмѣстѣ акафистъ Спасителю.

Въ продолженіи 29, 30 и 31-го августа продержали насъ цѣлыми днями на подворье, безустанно сортируя на какія-то группы А, В и С. Послѣдняго дня пригнали сюда 500 сострадальцевъ, переведенныхъ изъ тюремъ въ “Дубровъ”, наконецъ перевели насъ почти всѣхъ въ гарнизонный арестъ и впахнули въ комнату, гдѣ уже было около 120 человѣкъ. На слѣдующій день повторилась снова та самая сортировка. Подъ вечеръ, когда подоспѣли плохія вѣсти изъ-подъ Галича, гдѣ состоялась битва, насъ отправили наскоро на желѣзнодорожный вокзалъ. По пути туда нашъ транспортъ подвергся напастямъ толпы и солдатъ. Недалеко отъ вокзала встрѣтили мы венгерскій трень, убѣгающій изъ Галича. На самомъ вокзалѣ напало на насъ нѣсколько сотенъ улановъ съ саблями и палками, бьючи направо и налево, чѣмъ попало. И въ самомъ дѣлѣ побили сильно многихъ изъ нашихъ, между иными свящ. Дим. Дробота и монаха Кирилла Козаркевича. Одинъ уланъ поднялъ кирпичъ, чтобы имъ разсѣчь мнѣ голову. Но въ самый критическій моментъ ударилъ его по рукѣ шедшій возлѣ меня Ілія Шелепюкъ изъ Серета, чѣмъ спасъ мою жизнь.

Насъ погрузили по 80 – 120 человѣкъ въ грязные товарные вагоны, которые прицѣпили къ поѣзду, везшему улановъ на Венгрію. Около 9 часовъ вечера отбылъ нашъ поѣздъ по направленію Стрия, но уже по 1/4 часовой ѣздѣ былъ задержанъ сигналомъ и возвращень въ Станиславовъ, такъ какъ русскія войска оказались недалеко. Отсюда отправлено насъ черезъ Делятинъ въ Венгрію. Во время ѣзды насъ безустанно беспокоили вѣдущіе съ нами уланы, польскія и укр. желѣзнодорожная прислуга, встрѣчающіеся съ нами эшелоны войскъ, не меньше и толпа, заблаговременно извѣщенные о нашемъ проѣздѣ. Въ Сегединѣ, когда насъ вели на объѣздъ въ одинъ желѣзнодорожный магазинъ, присутствующіе венгерскіе офицеры били старшихъ священниковъ кулаками по лицу. А въ Винеръ-Найштадтѣ нѣмецкая толпа пыталась сдѣлать штурмъ на наши вагоны. Во время всей четырехдневной ѣзды насъ плохо питали, ибо комендантъ конвоя спряталъ деньги, для этой цѣли полученныя, въ свой карманъ.

Наконець прибыли мы 4-го сентября на станцію Абтиссендорфъ, отдаленную на 2 километра отъ Талергофа. Здѣсь началась наша Голгофа» [1: 624–626; 17: 58–59].

Варто відзначити, що в табір Талергоф у наступні роки війни відпарвили доволі значне число арештованих буковинців – священників, учителів, службовців, селян і, навіть, колишніх жандармів. Станом на 4 листопада 1915 р. до Талергофу з Буковини інтернували 13 священників та інших духовних осіб (2 померло), 8 – учителів. 17 лютого 1917 р. там перебувало 18 чоловік, з них 10 залізничних службовців, 4 вчителів та 4 інших особи. Станом на 29 березня 1917 р. у таборі знаходилося 75 чол. з Буковини, з них – 41 залізничний службовець, 25 фінансових службовців, та 11 спенсіонованих жандармів. Інтерновані в Талергофі буковинські священники П. Мойсюк та С. Тока у 1917 р. подали скарги владі про те, що їх запроторили туди безвинно, на підставі наклепу [8: 244–245].

Загалом, табір Талергоф у Штирії здобув під час війни сумну славу через смертність ув'язнених. Там за день помирало 30–40 чоловік. Всього з Буковини було вивезено до концентраційних таборів Австро-Угорщини понад 30 тис. осіб [1: 639; 20: 207].

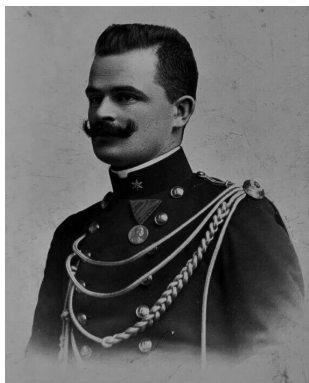

Рис. 2. Лейтенант ц.к. жандармерії з Чернівців

Рис. 1. Начальник жандармерії Буковини Е. Фішер (за Е. Фішером)

Деякі з арештованих тоді на Буковині священників й інтелігентів стали фігурантами організованих проти них політичних процесів про державну зраду. Так, арештований за наказом директора чернівецької поліції К. Тарангула фон Валеуци священник з Веренчанки д-р К. Богатирець спочатку був вивезений до концтабору Санкт Марьям (Верхня Австрія), а пізніше відправлений до гарнізонної в'язниці у Відні для слідства у справі про державну зраду. Слідство тривало до квітня 1916 р. Другий віденський політичний процес, на якому він разом ще з одним буковинцем редактором І. Цуркановичем та 20-ма галицькими ру-

Рис. 3. Вахмістр
чернівецької поліції
К. Велеш

софілами проходив як обвинувачений у злочині проти Австрійської держави, тривав без перерви з 14 вересня 1916 р. по 17 лютого 1917 р. К. Богатирця разом з 16 іншими звинуваченими засудили до страти через повішання. Але обвинувачені подали апеляцію, і справа набула затяжного характеру. Незабаром за амністією цісаря Карла I д-ра К. Богатирця звільнили із в'язниці та відправили до Грацу [17: 57; 28: 148; 66: 82].

З перших днів війни чернівецька дирекція поліції оприлюднювала оголошення про дотримання порядку в умовах дії правового режиму військового стану та контролювала їх виконання, погрожуючи за непокору покаранням. Зокрема, 12 серпня 1914 р. за підписом директора поліції К. Тарангула фон Валеуци вийшло оголошення до населення щодо запобігання поширення чуток про знецінення через війну паперових австрійських

грошей. У оголошенні зазначалося, що останнім часом торговці стали збирати на фоні поширення чуток про знецінення паперових купюр дрібні металеві монети, відмовляючись здавати ними решту при оплаті. З цієї причини став відчутним брак твердих грошей, що породжує неспокій серед жителів. У кінці оповістки населенню вказувалося, що такі чутки не відповідають дійсності, а відмова здавати дрібні гроші каратиметься [52].

Крім оприлюднення оголошень, пов'язаних з підтриманням порядку в умовах війни і виконання вимог влади, державна поліція продовжувала займатися розслідуванням злочинів чисто кримінального змісту. До прикладу, газета «Czernowitzer Tagblatt» від 21 серпня 1914 р. повідомляла про факт виявлення тіла дитини у вигрібній ямі будинку на вулиці Вайденгассе, 10 в Чернівцях, що мав місце напередодні виходу номера згаданого часопису. За твердженням кореспондента газети, «поліцейська комісія встановила, що труп належить восьмимісячній дитині чоловічої статі, яка померла. На тілі були серйозні травми. Рештки мали бути вже давно у вигрібній ямі, бо вже знаходилися у стадії розкладання. Поліція з'ясувала, що загибла дитина була під опікою Домніки Гуцуляк. Згідно свідчень Гуцуляк, малюк помер після тривалої хвороби і щоб заощадити на похованні, вона викинула

дитину у вигрібну яму. Ця інформація виявилася неправдивою, оскільки було безперечно встановлено, що дитину вбили. Гуцуляк взяли під варту. Опитування тривають» [48: 5].

Тим часом, між Прутом і Дністром упродовж 24–31 серпня точилися бойові дії, в ході яких фронт від бессарабського кордону поступово наближався до Чернівців. Військове командування у Львові дало розпорядження про залишення військовими установами Чернівців. Майор Е. Фішер перевів штаб жандармерії до Сторожинця, відправивши туди ротмістра Лакінгера, а сам з ад'ютантом Єжеком продовжував залишатися в Чернівцях [25: 87].

Окремі учасники згаданих боїв, які велися з австрійського боку переважно силами жандармерії та ландштурму, як то вахмістри жандармерії Є. Клаппа, І. Вопола, П. Вольф та В. Рогозевич, були відзначені срібними медалями «За хоробрість» – перші два великими, а два останні малими. Перед цим за бойові заслуги в боях 14 серпня на бессарабському кордоні в районі Новоселиці такою медаллю 1-го класу був нагороджений також жандармський вахмістр Є. Гадза [72].

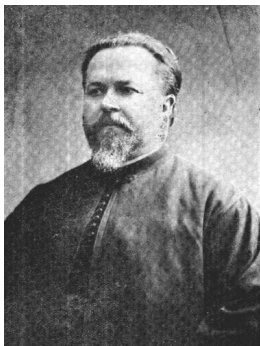

Рис. 5. Священник з Беренчанки К. Богатирець, відданий під суд у Відні за державну зраду (за О. Добржанським)

Рис. 4. Священник Д. Кисель-Киселівський у вівтарі православної каплиці табору Талергоф (Талергофський альманах. Вип. 4)

У цей час посилилася боротьба зі шпигунством, на яке списували невдачі на фронті. Було закрито кордон з Румунією, а прикордонні пости поліції в Іцкань та Новоселиці передані під військове командування. Їхню подальшу діяльність, насамперед відділку на станції в Іцкань, було трансформовано у напрямку оборонного шпигунства [32: 14].

23 серпня 1914 р. австрійське військове командування у Львові звернулося до влади Буковини з розпорядженням проінформувати місцеве населення про кримінальну відповідальність за шпи-

гунство, розбій і підпал. Через п'ять днів крайовий президент граф Р. фон Меран розіслав з цього приводу звернення до всіх повітових властей [68: 323]. 26 серпня Міністерство внутрішніх справ так само розіслало на місця розпорядження щодо гострих і нещадних дій проти небезпечних для держави тенденцій.

Практичне втілення цих вказівок на місцях не забарилося. 27 серпня «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» повідомляла читачів про застріленого в Раранче селянина-шпигуна. За словами кореспондента, коли виникла потреба його поховати, то «наші солдати, які відносили з повагою до місця поховань росіян на нашому кладовищі, віднести туди шпигуна відмовились. Громада Раранче також відмовилася його хоронити. Труп загиблого так і лежав, поки не забродив» [46: 5]. Таке ставлення до тіла розстріляного через обвинувачення в шпигунстві

Рис. 6. Громадська варта у Чернівцях, 1914 р. (за К. Валявською)

Рис. 7. Російські городові під час військового параду 9-ї армії на площі Австрії в Чернівцях у 1916 р.

з боку односельчан можна пояснити прагненням жителів села дистанціюватися від «зрадника», щоб самим не зазнати репресій з боку жандармерії.

Після відходу з теренів краю в кінці серпня 1914 р. регулярних австрійських військ, вночі 31 серпня крайова адміністрація та дирекція поліції теж покинули Чернівці, перебравшись до м. Ватра Дорней, що на півдні Буковини [10: 76; 25: 92]. Спротив російському воєнному наступу на заході центральної частини краю взявся організовувати начальник 13-го крайового управління жандармерії підполковник Е. Фішер, який 1 вересня отримав від австрійського воєнного керівництва наказ очолити командування над усіма нерегулярними збройними формуваннями на Буковині та розгорнути проти російських військ на фронті та в запіллі т. з. «малу війну» [9; 14: 8–9; 25: 92; 50; 68: 322; 77: 9]. При цьому, комендант жандармерії зі своєю т. з. «групою Фішера» так встиг нашкодити російським військам в краї, що новопризначений чернівецький цивільний губернатор С. Євреїнов 17 вересня 1914 р. оголосив про призначення за нього винагороди: 50 000 крб. – за вбитого Фішера, 100 000 – за впійманого живим [78: 9].

3 вересня 1914 р. крайовий президент Буковини Р. фон Меран підписав у м. Ватра Дорней видане верховним ц.к. командуванням з м. Гура-Гуморулуй оголошення, яке доводило до відома населення краю, що всякий «винний у державній зраді чи підривній діяльності буде страчений на місці» [1: 638; 8: 36; 53].

За цим звинуваченням було отримано низку доносів. Наприклад, священник Георгій Ланівський з с. Молдова, біля Шепота (повіт Вижниця), був арештований жандармами Т. Гроссаром і Беером за доносом власника корчми Ейзігам Іванієра, який почув як панотець виявляв свій песимізм щодо перемоги Австрії над Росією 26 серпня 1914 р. Після принизливого утримання упродовж двох тижнів у Редеуць, Ватра Дорней, Гура-Гуморулуй та Сучаві, отець Ланівський був звільнений. Так само через безпідставні звинувачення поліцією в Чернівцях був затриманий священник Дімітріє Цопа (причиною арешту стала розмова з селянкою із с. Раранче, де окремих селян звинуватили в зраді та наявності у панотця фотоапарата). Так само за наклепами донощиків безпідставно було звинувачено та заарештовано й інших православних священиків – І. Галіпа з Бергомету над Прутом, Ігнатіє Караджу зі Старих Мамаївців, Георгія Драчинського з Товтрів, в повіті Заставна, Адріана Андроніка з Луковиці, Христофора Іліуца з с. Фунду-Молдова. Затримано також кількох вчителів. Врешті, всіх їх згодом звільнили, бо доноси були безпідставними і носили наклепницький характер. Але жандарми Фішера жоден донос не залишали без уваги [32: 13; 45: 56–57; 66: 71–72, 83, 88, 290].

Рис. 8. Австрійський патруль опитує підозрюваних у шпигунстві.
Село Бояни, Буковина (ONB. № 00485593)

Рис. 9. Відвідини Чернівців Карлом І. Поряд з цісарем директор поліції К. Тарангул, президент Й. Ецдорф та мер священник Г. Шандру (ONB. № 00486626)

Тим часом, 2 вересня 1914 р. близько 18-ї години, Чернівці зайняли російські частини 8-ї армії. На час прибуття туди російського цивільного губернатора камер-юнкера С. Євреїнова порядок в місті підтримувала громадська варта (*Burgerwehr*), організована ще при австрійській владі – за погодженням з крайовою управою та дирекцією поліції [9; 10: 59; 34: 5; 67: 3]. Проте очільник російської цивільної адміністрації новоствореної Чернівецької губернії був не задоволений її складом, зауважуючи, що ця міліція «суцільно складається з євреїв», а тому, він зазначав у своєму звіті, що замінив її «небагатьма

місцевими жителями із християн», які мали допомагати наявному в його розпорядженні загону російських стражників у 50 осіб [19: 3].

Докладніше про склад та діяльність чернівецької міської варти в ті дні розповідає житель міста Юліус Вебер. Він засвідчує, що бюргервер складався з 136 осіб, яким щодня виплачувалося 1 крону щоденно, тоді як командир варти отримував гонорар в сумі 200 крон, а його заступник – 120 крон щомісячно. Спочатку варту очолював депутат міської ради Вегнер, а потім депутат міської ради Якоб Готліб. До своїх обов'язків ця громадська охорона ставилася дуже серйозно і була незручною для росіян, які займалися в місті мародерством, тому губернатор С. Євреїнов її розпустив, замінивши її російською поліцією [10: 59–60]. За словами Е. Фішера, коли в Чернівцях почала урядувати російська міська управа, багатьох з міської варти заарештували [25: 97].

Значну допомогу губернатору С. Євреїнову в організації адміністративного управління та охорони правопорядку в Чернівцях надав русофіл Олексій Геровський, який ще перед війною разом з братом Георгієм втік з чернівецької в'язниці до Бессарабії після судового процесу над ними у справі про шпигунство на користь Росії, а тепер повернувся до міста і виконував при губернаторові обов'язки секретаря та чиновника з особливих доручень [10: 46–48]. Газета «Adevărul» від 10 вересня 1914 р. повідомляла, що він, «ставши заступником губернатора, помстився, відправивши 8 вересня до Росії шістьох заручників, чернівчан, на чолі з колишнім бургомістром Вайссельбергом. Новим мером, якого призначили росіяни, став румунський юрист Дімітріє Боканча (Призначили його за поданням О. Геровського. Перед війною він був адвокатом братів Геровських на судовому процесі, влаштованому проти них в Чернівцях. – М.Ч.). За російської окупації адвоката Ончула призначили префектом чернівецької поліції після того, як службовець поліції Євгеній Преліч відмовився від цієї посади, мотивуючи свою відмову присягою, данною на вірність імператору Францу Йосифу, яку не в змозі порушити. Згодом Преліч втік із Чернівців до Герци і, потім, через Предял дістався Відня» [41: 2].

Як стверджував губернатор С. Євреїнов, у часи його першого урядування головну небезпеку для спокою в Чернівецькій губернії і, особливо, в Чернівцях становили євреї та жандарми. Причому особливо дошкуляли російській владі службовці ц.к. жандармерії, які за твердженням губернатора, проникаючи «завдяки малочисленності наших військ і відсутності наявних сил поліції, досить глибоко в зайняті нами місцевості та чинили розправу над тими, хто сприяв російським військам чи відмовлявся йти за жандармами для вступу в лави австрійської армії» [19: 3].

Справді, переодягнені жандарми Фішера досить часто проникали вглиб зайнятої росіянами території, бо першопочатково в розпорядженні С. Євреїнова було недостатньо поліцейських сил для контролю над нею. Після прибуття в Чернівці губернатор мав у своєму розпорядженні 4 околоточних наглядача та 50 стражників, що належали до Першого ескадрону Бессарабської кінно-поліційної сторожі на чолі з ротмістром Н. Лейденом. 30 серпня йому додатково відрядили з Бессарабської губернії 6 приставів та 4 околоточних наглядачів. А 12 вересня він просив прислати з Бессарабії в Чернівці ще 10 класних чинів поліції та 50 кінних стражників.

25 вересня 1914 р. С. Євреїнов оприлюднив розпорядження про запровадження в Чернівцях російської поліції. Очолив її поліцмейстер Лазарєв [8: 36; 19: 3; 25: 127].

Рис. 10. Командний склад ц.к. жандармерії на Буковині в 1918 р.
(за Ф. Ягером)

Тим часом, на фронті почався наступ австрійських військ. На Буковині у напрямку Чернівців успішно просувалися підрозділи жандармерії Е. Фішера. Зокрема, через річку Сірет на містечко Глибоку наступали зі своїми відділами обер-лейтенанти жандармерії Прайссера і Тробе. У нижній течії Черемошу на м.Вашківці просувався ротмістр Лакінгер. Через наступ австрійських підрозділів 19 жовтня 1914 р. російські війська й урядовці змушені були залишити Чернівці та відійти на Новоселицю [8: 36; 79: 8]. Головну роль в операції по звільненню Чернівців відіграли жандарми Е.Фішера. Першими до міста вступили 20–21 жовтня патрулі батальйону Тробе під проводом віце-вахмістра жандармерії Беера.

Представник чернівецького магістрату урядовий радник А. Норст (Нюсбаум), відзначаючи у жовтні 1914 р. роль бойової групи Е. Фішера в обороні краю та його столиці, зазначав: «Наша буковинська жандармерія завжди була нашою гордістю. Тепер вона з презирством до смерті стала нашою славою в обороні вітчизни. І наші пізніші нащадки, якщо читатимуть історію великої битви народів, свідками якої ми є, будуть з подивом наслідувати майже неймовірний героїзм, який виявила жандармерія в обороні Буковини» [25: 128].

Паралельно з веденням бойових дій Е. Фішер курував роботу чернівецького відділку «*Evidenzbüro*» (розвідувального бюро імператорського і королівського генерального штабу), т.з. – «Нахріхтенштеле Фішера в Чернівцях» (яке він як кадровий офіцер жандармерії очолював ще з 1906 р.) [23: 77; 25: 20–36, 39–46, 65–71; 68: 320–322; 76: 9].

Російський генерал генштабу В.М. Клембовський у своєму дослідженні про організацію воєнного шпигунства Австрії під час Великої війни, перелічуючи австрійські інформаційні бюро, які заслуговують на особливу увагу, у першу чергу відзначив «1) Чернівецьке, під керівництвом полковника Фішера, на якого було покладено головне керівництво шпигунством у Росії. Воно мало у своєму розпорядженні значні грошові суми. Крім звичайного збору відомостей з військової розвідки, Чернівецьке бюро займалося політичною пропагандою на користь Німеччини та Австрії проти Росії, ставило собі завдання пошкодження російських магістральних залізничних ліній (напр., велася підготовка вибуху залізничного мосту біля Жмеринки) і шияло російських солдатів до дезертирства в Румунію. З відомих агентів бюро п'ятеро жили до війни у Росії; Адам Хаскалович і Станіслав Кубик – у Варшаві, Бурдін-купець в Одесі, Гольдштейн – теж купець у Кишеневі, Цукерман – палітурник в Одесі». Генерал також зауважив, що «до деяких бюро, наприклад, Чернівецького, відряджалися жандармські вахмістри» [18: 95].

Глава австрійської розвідки полковник Макс Ронге у своїй книзі «Військове та промислове шпигунство. Дванадцять років служби у розвідці» так загадував про розвідувальну й контрозвідувальну діяльність Фішера: «У ті напружені дні кінця жовтня (1914 р. – М.Ч.) я машиною вирушив до Чернівців (...). Через кілька днів практично безупинної їзди лейтенант доктор Бенедикт доставив мене до Чернівців, де командир жандармерії полковник Фішер дуже сильно допоміг мені у вирішенні завдань, що стояли переді мною, надавши в моє розпорядження фотографії спустошених міст і описи звірств, скоєних росіянами в областях, де проживали румуни. Адже шляхом опублікування цього багатого прикладами матеріалу через наше

представництво у Румунії можна було серйозно підірвати позиції тих кіл, які прагнули приєднатися до наших супротивників. І слід сказати, що пізніше я виявив ці фотографії на сторінках багатьох зарубіжних видань. По суті це стало нашим першим кроком у відповідь протидії тій пропаганді, яку противники Австро-Угорщини у великому обсязі вже вели з перших днів війни.

На той час у Буковині також було відзначено численні випадки зради. Тому крайовому президентові графу Мерану і полковнику Фішеру довелося рішуче втрутитися, щоб не дати поширитися думці про те, що Чернівці при такому мінливому стані на фронті неминуче знову опиняться під росіянами, які в цьому випадку зганятимуть свою злість на лояльних Австро-Угорщині, саме на німцях та євреях. Щоб не розбухувати громадську думку, каральні заходи застосовувалися лише у виняткових випадках, таких як розбій, крадіжка, диверсія чи державна зрада. Проте після першого відвоювання цих земель кількість заарештованих досягла 250 осіб, а кількість виправданих з початку війни склала 42.

У зв'язку з цим великою прикрістю слід зауважити, що глава буковинського земельного уряду, депутат рейхсрату барон доктор Олександр Хормузакі в той час, коли Буковина перебувала в українському становищі, надав їй самій собі і під приводом хвороби поспішив відбути у Відень. Слід сказати і про те, що митрополит де Репта, підкоряючись розпорядженню російського губернатора Євреїнова, відслужив молебень за царя, його сім'ю та «славну російську армію» [22: 40].

Як видно зі слів М. Ронге, Генштаб, а услід за ним контррозвідка та жандармерія, схильні були списувати воєнні невдачі цісарсько-королівських військ в Буковині на чисельних «зрадників» з-поміж місцевих жителів: русинів/ українців і румунів – православного духовенства, учителів, службовців, селян, робітників. Не уникла підозри австрійських компетентних органів у праці на користь Румунії й румунська аристократія краю.

Шпигунські пристрасі в містах і селах Буковини розпалювали, як правило, донощики-євреї, які виставляли своїх співгромадян русинської/ української та румунської національності посібниками росіян. Уряд нейтрального в цей час Румунського королівства заявляв численні протести проти репресій австрійських правоохоронних органів щодо буковинських румунів, але австрійська влада відповідала, що ц.к. жандарми тут борються зі звичайними злочинцями. А тим часом керівник жандармерії Буковини полковник Е. Фішер не обмежував своїх підлеглих у засобах боротьби з реальними і удаваними зрадниками. Як згодом з'ясувалося, більшість підданих

жандармським репресіям обвинувачених в зраді осіб, були невинно звинуваченими, через елементарні наклепи з боку донощиків. Тим не менше, після повернення австрійської влади в жовтні 1914 р. на Буковині зазнали арештів 250 осіб [68: 317–332, 320–323]. Очевидець подій, адвокат Е. Тарангул (син законоучителя гімназії в Сучаві священника д-ра О. Тарангула та племінник директора чернівецької поліції К. Тарангула і старости Сучавського повіту Е. Тарангула) небезпідставно звинувачував у розгортанні масштабних репресій проти підозрюваних у зраді жителів Буковини коменданта жандармерії Фішера, який, за його словами, з початком війни «розпочав жорстоку акцію проти румунських та українських «зрадників» (Verräter). Євреї, які стали великими австрійськими патріотами, засуджували румунів як зрадників, а жандарми Фішера заарештували їх у селах, особливо священників, і возили їх від поста до поста до міста Мункач (Мукачево. – М.Ч.) в Угорщині, де вони були інтерновані в таборі. У селах, через які вони проходили повз під конвоем, цих зрадників іноді освистували і плювали на них, зазнавали навіть поганого ставлення з боку «патріотів» у селах, особливо євреїв. Дядько моєї матері, священник Василе Магіор з громади Гореча під Чернівцями також зазнав цього випробування. П'ятеро селян було повішано як зрадників жандармами Фішера на пероні станції Аданката, потім було оголошено в Глибоці, нехай повисять кілька днів перед пасажирами, які проїжджають повз потягом через залізничний вокзал» [71: 25, 32]. Випадок з виконанням смертного вироку за зраду на станції Глибока, про який йдеться у спогадах Е. Тарангула, мав місце у жовтні 1914 р. Тоді, після відступу росіян, австрійські жандарми заарештували в Глибоці 150 місцевих жителів, які нібито співчували росіянам. Чотирьох із обвинувачених (за фальшивим доносом Шміля Ціммермана), за наказом обер-лейтенанта жандармерії Ф. Тробея, повісили на ліхтарних стовпах залізничної станції, а ще одного в лісі села Купка. Решту заарештованих відправили до Австрії.

Жандарм Й. Дрешер у кінці жовтня 1914 р. протягом кількох днів наказав катувати п'ятнадцятилітнього хлопця в с. Великий Кучурів К. Сторошука, якого потім привселюдно повісили, нібито за допомогу російським солдатам в с. Йорданешти. У 1915 р. суд в м. Редець довів невинуватість хлопця, проте Дрешера до відповідальності не притягнули, оскільки його офіційно визнали психічно хворим.

В січні 1915 р. у Вижниці австрійські жандарми вбили двох селян. В одного з них залишилися сиротами шестеро дітей [1: 639–641, 644–645, 646; 20: 207; 45: 60].

На підставі розпорядження від 13 вересня 1914 р., виданого в Гура-Гуморулуй президентом краю Р. Мераном, польові суди і жан-

дармерія чинили тоді розправи над звинуваченими у співчутті та допомозі російським військовим також у багатьох інших населених пунктах Буковини. Зокрема, багато таких «зрадників» було розстріляно й повішено у містах Сторожинець, Вижниця, у селах Лужани, Біла Криниця та інших [50: 38; 68: 323].

26 листопада 1914 р. австрійські підрозділи вдруге покинули Чернівці та відійшли на південь краю. Президент краю граф Р. Меран виїхав автомобілем до Ватра Дорней і дав також вказівку митрополиту Буковини і Далмації Володимиру (Репті), який не хотів напризволяще покидати свою паству в Чернівцях, прибути туди ж з консисторією. Наказ так само було продубльовано з Відня. Але старий архієрей не погоджувався на переїзд. Зрештою, крайовий президент змусив митрополита Володимира з консисторією прибути у Ватра Дорней, лише вдавшись до хитрощів, а саме викликавши туди владику з консисторією у службових справах. Прибувши до Ватра Дорней 8 листопада, митрополит дізнався, що до Чернівців йому повертатися заборонено. У Ватра Дорней митрополит оселився в «Curgarkhotel». Біля воріт готелю, де також влаштував своє бюро крайовий президент, чатувала варта з солдатів [1: 79; 26: 178–179; 37: 7; 40: 2; 42: 1–2; 70: 15].

За твердженням К. Костецького, з Дорни митрополит їздив до Відня, де «просив у цісаря о аудієнцію, аби свій циркуляр оправдати, але цісар єго не хотів приймати» [1: 79]. Костецький також констатує, що після повернення зі столиці, владику постійно перебуває у Ватра Дорней, «бо єму не вільно до Черновець вернути. Там же знаходять ся всі члени консисторії і звідтам управляють дієцезієв. Поголоска ходит, що уже по війні ні митрополит, і члени консисторії не повернут на свої давні посади» [1: 79].

На початку 1915 р. крайовий президент граф Р. Меран та полковник жандармерії Е. Фішер рекомендували владі у Відні вислати митрополита Володимира (Репту) до Бистриці, побоюючись, що в разі війни з Румунським королівством він може виступити за Румунію [6]. Відтак, через декілька місяців уряд перевів керівництво Буковинської митрополії з Ватра Дорней через Клуж до Відня, а потім до Праги, де місцем перебування митрополита Володимира було визначено готель «Blauen Stern» («Синя зірка», знаходився на вул. Грабен, 34) [5: 196; 26: 182; 62: 190; 64: 4; 66: 74], звідки архієрей управляв своєю єпархією через делегата, отця д-ра К. Бриндзана, майже до кінця війни [33: 246].

Загалом, як вже зазначалося вище, полковник Е. Фішер не мав довіри до політичних лідерів румунської спільноти краю, представників румунської аристократії. Підозрюючи їх у симпатії до Румунії, яка була поки що нейтральною, але могла виступити на боці Антанти (як

і сталося в 1916 році), начальник жандармерії Буковини інформував 3 квітня 1915 р. до Відня, що румунські аристократи Янку Флондор та Євдоксіу Хурмузакі надихнулися антиавстрійською пропагандою в Румунії. За інформацією Фішера, під час нещодавнього візиту до Бухаресту Я. Флондор був прийнятий на аудієнції «одним із міністрів Румунії», а пізніше зустрічався з королем Фердинандом [68: 328].

Сам Фішер мав в Румунії агентуру і через неї, за вказівками керівництва з Відня, навіть домігся організації делегації з Румунського королівства для відвідин Буковини з метою ознайомлення із наслідками спустошень краю росіянами. Він також здійснював супровід уповноважених з Румунії в різні місцевості Буковини, показуючи наслідки російської інвазії та надаючи їм фотознімки з місць.

Відтак, за розпорядженням Міністерства внутрішніх справ, керівник жандармерії краю займався також закупівлею худоби в Румунії для забезпечення ц.к. армії Пфлянцер-Бальтіна м'ясом, якого забракло в Буковині. При підтримці відрядженого йому на допомогу унтерінтенданта Скутті та радника воєнної економіки Б. Штоффера, Фішер, через організоване ним навесні 1915 р. «Закупівельне бюро» на станції Іцкань, що на кордоні з румунським містечком Бурдюжень, зумів доправити протягом року через закритий кордон з Румунією на Буковину 68 835 голів живої рогатої худоби, забезпечивши, таким чином, м'ясом армію Пфлянцер-Бальтіна упродовж понад одного року [25: 160–161; 45: 52]. А 10 червня 1916 р., через наступ армій О. Брусилова, він отримав від штабу 7-ї армії Пфлянцер-Бальтіна телеграфом наказ відігнати із районів, які можуть потрапити в окупацію, всю худобу на південь Буковини, щоб вона не дісталася противнику. Жандармерія під керівництвом Е. Фішера забезпечувала супровід цієї акції, здійснюваної цивільними погоничами. Пізніше, вціліле поголів'я було доправлено в Нижню Австрію, звідки лише незначну частину повернули на Буковину [25: 161–162].

17 листопада 1914 р., під час другого зайняття Чернівців та великої частини Буковини російськими військами, у крайовій столиці та в інших населених пунктах краю знову з'явилися російські поліцейські стражники та жандарми, які були на послугах російської цивільної адміністрації. Камер-юнкер С. Євреїнов знову зайняв пост губернатора. На початку другого урядування він, насамперед, спрямував наявні в нього силові структури на боротьбу проти єврейського населення Чернівців, яке вважав потенційними агентами Австро-Угорщини, наклавши на найбільш заможних городян-євреїв контрибуцію та взявши заручників до її виплати [19: 4]. Після цього, за словами губернатора, «євреї, хоча зовні й затихли, але таємно всяко продовжували свою роботу шпигунства і нехтування постанов влади тим чи іншим шля-

хом. Тривала відсутність в мене органів міської поліції не дала мені можливості провести точну реєстрацію населення, без якої неможливо було вжити заходів проти постійного відбуття і прибуття євреїв через румунський кордон, що значно подовшав і цілком з нашого боку відкритий» [19: 4–5]. У цей час, російська поліція і жандармерія стала практикувати різні корупційні схеми здирства коштів з євреїв. Найчастіше, застосовувалися арешти задля отримання викупу під приводом виявлення різноманітних правопорушень. До прикладу, царськими жандармами були заарештовані євреї Е. Бухбіндер та М. Вайнер через відсутність перепустки для проїзду зі Сторожинця до Садогури. Звільнення вартувало порушникам три карбованці хабаря [3: 53].

Водночас, російська влада намагалася загравати з румунським населенням Буковини, зокрема на півдні краю. Робилося це в надії, що Румунське королівство вступить у війну на боці Росії. Певним кроком в цьому напрямі стала пропозиція, висловлена віце-директором Дипломатичної канцелярії при Ставці верховного головнокомандувача В.М. Муравйовим чернівецькому губернатору С. Євреїнову під час відвідин краю восени 1914 р. Стосувалася вона створення румунської міліції в зайнятій російськими військами південній, населеній румунами, частині Буковини, що перебувала поза межами тієї частини краю, яку хотіли приєднати до Росії. Проте, цей план так і не був реалізований як по причині виникнення геополітичних протиріч між Росією та Румунією, так і через вірогідність того, що загони цієї міліції будуть роззброєні й арештовані австрійцями у разі відходу російської армії з окупованих теренів. А це, як писав С. Євреїнов у листі до Г. Бобринського, неминуче викличе антиросійські настрої в румунів. Тому, чернівецький губернатор категорично не підтримував цієї ідеї віце-директора канцелярії при Ставці. Водночас, з'ясувавши обстановку в південній Буковині під час її відвідин, В. Муравйов телеграфував до Ставки стосовно потреби негайного створення у в цій частині краю для її ефективного управління п'яти нових повітів, а також термінового командировання туди потрібної кількості нижніх чинів поліції [2: 120–121].

У лютому 1915 р. підрозділи австрійської армії в черговий раз витіснили російські війська з Буковини. Загони ц.к. жандармерії знову відіграли важливу роль у звільненні Чернівців. Відзначаючи роль їхнього командувача Чернівецька міська рада 20 жовтня 1915 року подарувала полковнику Е. Фішеру шаблю, виготовлену у відомій віденській майстерні, а філософський факультет Чернівецького університету на засіданні 18 червня 1916 р. надав йому звання почесного доктора (*honoris causa*) [68: 327].

17 серпня 1915 року в Чернівцях було введено воєнний стан [69: 26]. Після цього почалася нова хвиля арештів підозрюваних у співпраці з росіянами. Запідозрених у зраді буковинців жандарми і поліцейські передавали воєнно-польовим судам. Проведених арештів було так багато, що, як зазначає дослідник В. Гайсенюк, дирекція чернівецької поліції просила чітко зазначати причини арешту порушників, яких відправляли до Чернівців, бо для такої кількості арештантів не вистачало ні в'язниць, ні коштів утримувати в них ув'язнених [11: 222].

Український письменник Іларій Карбулицький зібрав дані про 23 справи розстріляних у справі зради за наказом командувача жандармерії Е. Фішера [1: 648]. А румунський публіцист Аурел Мораріу зумів ідентифікувати 21 буковинця, страченого за звинуваченням у шпигунстві та державній зраді [68: 324].

Як вказують дослідники, масштаби репресій, які провадили австрійські силові структури, значно перевершували обсяг реальних фактів співпраці місцевих жителів з російськими військами. Свідчення про окремі такі випадки говорять, що вони дійсно мали місце. Так, у Глибоці, під час бесіди з російськими воєнними, селянин О. Гайдюк почувши від російського офіцера, що Буковина по Серет буде навечно приєднана до Росії, відповів: «Слава Богу, що ми дожили до такого, ми давно чекали цього...». Житель з с. Великий Кучурів С. Крамар висловив своє задоволення тим, що «ми більше не австрійці, а російські громадяни». Так само деякі жителі північної частини краю, побоюючись австрійських репресій, під час відступу російських підрозділів з Буковини 17 лютого 1915 р. евакуювалися разом з ними [20: 209–210]. В числі останніх було й декілька буковинських православних священиків проросійської орієнтації. Наприклад, добровільно відправилися в Росію священики Влад з Неполоківців та В. Велигорський з Валяви [8: 160–162, 164, 165].

На півдні Буковини, за повідомленням директора поліції К. Тарангула фон Валеуци, факти співробітництва місцевих жителів з російськими військами мали місце головним чином у містечку Кимпулунг Молдовенеск. У Сучаві, за винятком двох або трьох випадків, ніяких ознак зради виявлено не було. Більшість жителів після відступу росіян залишилися в місті. А священики, за його словами, з гордістю розповідали як вони відмовлялися молитися за російського царя і продовжували відправляти молебні за імператора Франца Йосифа навіть у присутності російських солдатів [29: 40–41; 38: 329].

Цивільний чернівецький губернатор С. Євреїнов, нарікаючи у своєму звіті на відсутність активної підтримки російської влади з боку місцевого населення при зайнятті Буковини російською армією з середини листопада 1914 до початку лютого 1915 р., змушений був

констатувати, що, «умови діяльності і сама обстановка, в якій довелося працювати значно змінилися (...). З перших кроків довелося рахуватися з тим, що саме ставлення до нас носило вже інший характер і якщо не було ворожим, то різко виявлялася певна недовіра і побоювання нового залишення нами Буковини, при якому всіх прихильних до нас людей очікували нові репресії з боку австрійців.

Ці останні, під час тимчасового свого володарювання зібрали і вивезли всіх придатних до військової служби, що не встигли куди небудь схватися, реквізували худобу, припаси і фураж, а стосовно населення, підозрюваного у співчутті до росіян застосовували рішучі та круті засоби покарання – аж до страти без жодного суду, а лише за доносами євреїв і жандармів. Залякані цими репресіями жителі дуже неохоче і вкрай обережно ставилися до російської влади та війська і намагалися якомога менше входити з ними в контакт.

У цьому плані ми втратили підтримку й багатьох православних священників, вивезених та арештованих австрійською владою, а тому і впливати на настрої населення стало дуже важко» [19: 3–4].

Варто зауважити, що на початку 1916 р. дирекція державної поліції, яка повернулася до Чернівців з австрійськими військами у 1915 році, продовжувала працювати у напруженому режимі. Відчувалась нестача співробітників, оскільки частина поліцейських службовців пішли на службу до австрійської армії. Окремі з них були відзначені за участь у війні державними нагородами. Часопис «Czernowitzer Tagblatt» від 21 березня 1916 р. повідомляв про них так: «На відмінно служив військовій справі старший комісар поліції Пауль Нойбек, лише нещодавно призваний до Петрикан. На службу до 7-ї армійської команди пішов довголітній концепіст Лерхенфельд. Там він дуже добре зарекомендував себе. Тепер двоє службовців, які були відзначені також належить до дирекції поліції Чернівців. Це старший комісар Франц Харват, який працює вже багато років в Львівській дирекції поліції та комісар Бруно Беккер, який з кінця війни проходив військову службу.

Пан старший комісар Франц Харват отримав кавалерський хрест ордена Франца Йосифа на військовій стрічці. Заслуги пана комісара Бруно Беккера відзначено Золотим Хрестом Заслуги з короною на стрічці Корони. Нагороди двох останніх згаданих чиновників є найвищими. Вшанування їх видатної та самовідданої служби були виключними. Це доказ того, що Дирекція поліції Чернівців себе відмінно зарекомендувала» [35: 3].

3 червня 1915 командування 7-ї ц.к. армії Пфлянцер-Бальтіна, що оперувала в Галичині та на Буковині, з огляду на факти зради, що мали місце серед жителів с. Погорилівка, яке знаходилося в зоні бойових дій, видало розпорядження про взяття заручників з числа

мешканців прифронтових сіл Буковини. Підставою стало: «1) Дуже частого знищення телефонних ліній, особливо в критичний момент, коли припиняється зв'язок відразу після їх з'єднання; 2) Боротьба з російським шпигунством» [68: 326]. 14 серпня 1915 р. розпорядження командування 7-ї армії про взяття заручників задля запобігання злочинів проти ц.к. армії оприлюднив в Чернівцях директор поліції К. Тарангул фон Валеуца. У кінці оголошенні зазначалося, що із заручниками поводитимуться згідно з правами самооборони під час війни [8: 173; 54]. Це означало, що у разі виявлення ворожих дій щодо ц.к. збройних сил – затриманих передавали до військового суду, а за необхідності до них могли застосовуватися закони воєнного часу, що не виключало застосування смертної кари.

У Чернівцях керівник дирекції поліції К. Тарангул фон Валеуца також видав низку оголошень, що стосувалися підтримки порядку, правил листування, контролю за мобілізацією, порядку перебування цивільних осіб у зоні бойових дій та запобігання втечі полонених. Так, у оповіщенні, виданому 9 жовтня 1915 р. директором чернівецької поліції К. Тарангулом фон Валеуца, вказувалося, що для перетину вужчої зони бойових дій потрібен паспорт та дозвіл військового командування. Зазначалося, що у разі відсутності таких документів мандрівників зупинятимуть і відправлятимуть назад [55]. 20 березня 1916 р. дирекція поліції оприлюднила вказівку власникам і управителям будинків, що вони зобов'язані наліпили на своїх домах, видане ц. і к. командуванням армії від 16 лютого 1916 р. ч. 8928 застереження про надання допомоги військовополоненим до втечі. Вказувалося, що такі оповістки видаватимуться на всіх постерунках ц.к. поліції охорони безоплатно. Жителі мають наліпити ці оголошення протягом 48 годин. Невиконання буде строго покарано [56].

Ряд оповісток дирекції поліції стосувалися знищення поштових голубів з метою запобігання передачі шпигунської інформації та обмеження перебування в нічний час на вулицях міста молоді. Зокрема, вказівку про знищення усіх голубів у зоні воєнних дій було видано чернівецькою дирекцією 16 травня 1916 р. У ній також містилася вказівка про покарання осіб, у яких такі голуби будуть виявлені: віддання під суд, ув'язнення за невиконання розпорядження та підозра в шпигунстві й пособництві ворогу [57]. 6 червня 1916 р. урядовим радником і директором поліції К. Тарангул фон Валеуцею було оприлюднено оголошення про заборону молоді до 16 років перебувати на вулицях і площах міста з 8 години вечора до 5 години ранку. У кінці оповістки зазначалося, що невиконання цього розпорядження каратиметься [58].

Після Брусилівського прориву 18 червня 1916 р. міста Чернівці, Су-

чава й більша частина Буковини знову опинилися в руках російських військ [69: 24]. Чернівецьким цивільним губернатором у липні 1916 р. став В.В. Лігін. Для підтримання порядку в його розпорядженні була російська поліція на чолі з чернівецьким поліцмейстером. 14 серпня 1916 р. заступник В. Лігіна граф С.К. Ламсдорф-Галаган оприлюднив розпорядження, щоби російська поліція боролася проти спекуляції продуктами на площах м. Чернівці.

У цей період особливих переслідувань з боку російської жандармерії й поліції знову зазнали буковинські євреї, до яких новий чернівецький губернатор В. Лігін, як і його попередник С. Євреїнов, ставився з особливим упередженням. Він поголовно вважав євреїв австрійськими агентами, які шпигують проти Росії. Причому робили вони це не одні, а у змові з колишніми австрійськими жандармами, які пішли на службу до російської адміністрації. Крім того, російська влада звинувачувала євреїв у наданні допомоги в організації втечі з російського полону австрійських офіцерів [4: 85].

Також додавали клопоту російській адміністрації та воєнній комендатурі в Чернівцях «жриці кохання». Причому, як місцеві, так і прибулі з сусідньої Галичини. Останні, до речі, стали джерелом поширення серед російських воєнних з дислокованих тут частин венеричних хвороб. Про це, зокрема, йдеться у секретному листі від 5 листопада 1916 р. за № 1660, адресованому чернівецькому губернаторові та начальникові поліції від в.о. начальника штабу військової частини № 45 полковника Синіцина, який повідомляв: «Як мені стало відомо, у нашому місті з'явилося безліч повій з Галичини, хворих сифілісом, які спеціально заражають наших солдатів. Тому прошу Ваше Високопревосходительство негайно тих повій заарештувати та відправити за Дністер у Галичину». А комендант, полковник Сорокін у листі за № 17 від 1 січня 1917 р. просив губернатора «відправити повій, які працюють у готелях “Бель-Вю”, “Чорний Орел”, “Бристоль”, “Митрополь”, “Національ”, “Готліб”, на копання окопів під Лужанами, тому що вдень вони, як правило, вільні, не вистачає робочої сили, а австрійське військо нападає». Як зауважує краєзнавець С. Карачко, відправлені на окопні роботи повії, а саме Сабіна Русу, Марія Хорезма, Єлена Кравчук, Гута Авсленберг, Параска Остапчук, попрацювали там фізично недовго. Вони майже одразу звернулися до губернатора з клопотанням звільнити їх від незвичної важкої фізичної праці, висловивши у листах прохання і обіцянки такого змісту: «Ваше високоблагородіє! Просимо вас відіслати нас з окопних робіт, тому що ми перебуваємо у плачевному стані. Ми не можемо працювати цілодобово, бо до такої фізичної роботи ми не звичні, у нас робота дуже делікатна. Будемо лояльні до російських вояків». З подальшого листування стало зро-

зумілим, що повій таки відкликали з робіт по копанню окопів і вони продовжили займатися своєю звичною справою [16].

На зайнятих за правом війни територіях активно діяла російська таємна поліція – охранка, яка займалася виявленням серед місцевого населення лояльних Габсбургам осіб. Причому у цей період до числа євреїв і німців – які традиційно були налаштовані в проавстрійському дусі, додалися представники інших етнічних спільнот, зокрема, й деякі лояльні до Австрії румуни, серед яких були також православні священники. Про методи роботи царської таємної поліції по переслідуванню таких осіб, на прикладі свого батька – православного законоучителя Сучавської гімназії д-ра О.Тарангула фон Валеуца (брата директора ц.к. поліції), розповідає у свої спогадах його син адвокат Е. Тарангул. За його словами, коли «у середині червня 1916 року росіяни вдруге зайняли місто Сучава, то вони знову просунулися до перевалу Местеканіш. Цього разу, змінилося їхнє ставлення до населення, воно стало жорсткішим. У місті з'явилася «Охранка», страшна царська таємна поліція, яка почала робити вночі обшуки в будинках городян і забирати людей. А колишній учень мого батька, вступивши на службу до «Охранки», попередив батька через третю особу, що він також є в списку тих, кого потрібно взяти і депортувати.

Після цього попередження мій батько негайно пішов з дому і сховався у дружній родині, на горищі з сіном, де ночував та приймав їжу. Я з мамою, сестрою залишилися вдома, але вночі спали в сусіди, кожен в іншому місці. Вдома залишилися тільки бабусі, мати мого батька та мати моєї матері разом із служницею. Якось уночі, близько півночі, прокинулися бабуся від гуркоту російських офіцерів і солдатів у кімнатах. Покоївка, ймовірно, теж завербована «Охранкою», відчинила їм двері. Будинок був оточений з вулиці, двору і саду солдатами із запаленими факелами. Обшуки тривали приблизно до 5 години ранку. Весь цей час покоївка водила по кімнатах солдатів. Через кілька днів вона покинула нас. Повернувшись вранці додому, я застав обох бабусь наляканих і заплаканих, всі шафи, ящики, ліжка перевернені і все інше кинуте на долівку. У всіх кімнатах на підлогу покидали недопалки спалених сірників і стояв сильний запах сигарет, помадки та поту.

Виїжджаючи, агенти «Охранки» забрали частину знайденої кореспонденції та більшість фотографій.

Наступного дня близько полудня мама пішла до кабінету «Охранки», де й залишилася поговорити з полковником Дюстербергом, главою «Охранки», запитуючи його, що означає вчорашній обшук. Полковник відповів ласкаво, але іронічно, що він дивується, чому

сім'я не спить вночі вдома, і запевнив матір у тому, що родина під захистом «Охранки» та може спокійно спати вдома.

Через кілька днів батька вивезли на возі, захованого в сіні. А контрабандист, найнятий другом сім'ї в громаді Лізаура, розташованій на відстані 3 км від міста Сучава, прямо на березі річки Сучава, вночі переправив його разом з селянами через річку, яка утворювала старий природний кордон між Румунським королівством та Австрійською монархією. На станції Бурдюжень він був тепло прийнятий «братами зі Старого королівства» і знайшов притулок у родині Горішку, службовця на станції» [71: 37].

Коли в Росії сталася лютнева революція 1917 року, Тимчасовий уряд наприкінці квітня призначив обласним комісаром Галичини й Буковини відомого українського діяча Д. Дорошенка, губернським комісаром Буковини і Покуття став О. Лотоцький. Комісари Тимчасового уряду змушені були залучити до поліційної служби на окупованих територіях колишніх царських поліцейських, стражників та жандармів, але відбирали з-поміж них службовців, прихильних до українства [7: 152].

За інформацію директора чернівецької поліції К. Тарангула фон Валеуци від 20 листопада 1917 р. під час третьої російської окупації Буковини при урядуванні Д. Дорошенка, чиновник з особливих доручень при губернаторі русофіл О. Геровський змушений був залишити Чернівці. А російську поліцію і жандармерію після революції було відправлено до Росії. При допомозі міських чиновників спершу було створено громадську варту, але в ній виявилось багато австро-угорських шпигунів і її було розпущено. Натомість створили міліцію. Сільське населення в цілому під час російської окупації залишалося лояльним і до росіян особливої симпатії не виявляло. Дещо активніше спілкувалося міське населення. Місцеві українці навіть мали представництво у магістраті Чернівців [8: 257–258, 260].

Після невдалого наступу у червні 1917 р., війська Росії на початку серпня змушені були залишити Чернівці та Буковину [36: 2; 69: 27; 73: 2]. Лінія фронту була встановлена по кордону з російською Бессарабією. До Чернівців та інших звільнених населених пунктів повернулися австрійська державна поліція та ц.к. жандармерія [7: 152].

6 серпня 1917 р. відбувся візит цісаря Карла I в Чернівці. Тут він зустрівся з представниками влади краю та міста, громадськістю. Зокрема, на зустрічі з цісарем були президент краю граф Й. Ецдорф, директор поліції К. Тарангул фон Валеуца, полковник жандармерії Е. Фішер.

До речі, у березні 1918 р. полковника Фішера було підвищено до генерал-майора і призначено командувачем жандармерії Галичини

та Буковини. Він також став кавалером ордену Марії-Терезії [68: 325, 329; 71: 32].

Після звільнення Чернівців в місті активізувала свою роботу дирекція державної поліції. Її керівник К. Тарангул фон Валеуца, в рамках дотримання громадського порядку в умовах війни, видав низку розпоряджень, які стосувалися обов'язкової реєстрації мешканців будинків, заборони на використання бланків документів в якості обгорткового паперу в місцях торгівлі, запровадження комендантської години в нічний час для молодих людей до 14 років. Так, 1 вересня 1917 р. вийшло розпорядження про те, що все населення Чернівців, включаючи жителів передмість, повинно бути зареєстроване. Реєстрація здійснюється власниками будинків, управителями чи доглядачами. Реєструватися мають всі мешканці в будинку, включаючи наступних орендарів і слуг. До 10 вересня 1917 р. слід було негайно оголосити про зміни в житлових умовах, а списки мешканців з поіменним переліком вивісити на видному місці на житлових будинках [59]. 2 вересня 1917 р. вийшло оголошення про заборону використовувати документи та реєстрові аркуші як обгортковий папір. Вказувалося, що запаси бланків слід передати до головного управління поліції. Якщо такий обгортковий папір надалі буде використаний або прийнятий, винні в його використанні будуть притягнуті до відповідальності [60]. 12 жовтня 1917 р. вийшла також оповістка чернівецької дирекції поліції щодо пересування містом в нічний час. Вказувалося, що рух з 8 (9) години вечора до 5 (4) години ранку дозволяється лише за спеціальним дозволом (перепусткою). Молодим людям віком до 14 років пересування на дорогах після настання темряви суворо заборонено. Невиконання розпорядження буде покарано [61].

У 1917 р. на Буковину разом з австрійськими військами вступили частини союзної німецької армії, які допомогли австрійцям очистити край від росіян. Перебуваючи на теренах краю, німецькі союзники часто вдавалися до незаконних реквізицій у місцевого населення. У серпні 1917 р. пост австрійської жандармерії в с. Шубранець доносив крайовому командуванню жандармерії щодо реквізицій солдатами німецьких частин у шубранецьких селян продовольства та фуражу, крадіжок майна та його псування, попереджаючи, що це може викликати конфлікати [8: 250–251].

У деяких випадках таки доходило до відкритих конфліктів з союзниками, свавілля яких доводилося гамувати силами австрійської жандармерії. Наприклад, у жовтні 1917 р. жандарми посту в с. Гадікфальва (Дорнешть) допомагали місцевій владі вгамувати солдатів з 2-го батальйону 5-го німецького гренадерського полку, які руйнували

будинки місцевих жителів – угорців, грабували їх, зокрема забрали коней [31: 70].

Крім того, жандармські пости та повітова влада фіксували й доносили крайовому керівництву про факти вбивства цивільних жителів Буковини солдатами австрійської армії. Так, жандармський пост в Шипоті-Камеральному доповідав крайовій жандармерії про те, що солдати австро-угорської армії застрелили 29 жовтня 1917 р. жителя с. Тораки В. Торака [8: 255]. Чернівецьке повітове управління інформувало крайове управління про отримання від жандармського поста повідомлення від 15 жовтня 1917 р. про виявлення 11 жовтня у лісі біля с. Великий Кучурів застреленого місцевого жителя К. Пантю. Вони допускали, що селянин став жертвою дислокованого там військового персоналу [8: 255]. Так само, за повідомленням Вашківецького повітового управління, жертвою пострілу австрійського солдата стала жителька с. Драчинці З. Прокопець, яку 27 вересня було поранено, після чого у важкому стані її доправили до Чернівців [8: 253].

Відстежуючи настрої населення у столиці Буковини, директор чернівецької поліції К. Тарангул фон Валеуца та поліцейський агент Ріхард рапортували крайовому управлінню про факт прочитання 18 січня 1918 р. в приміщенні ратуші протестантським пастором д-ром В. Глондіусом публічної лекції про світову війну і російську революцію, яка носила антиавстрійське забарвлення, оскільки лектор, перейшовши до ситуації в Австро-Угорщині і Німеччині, також стверджував, що і в «нашому краї народ все рішучіше вимагає права самому вирішувати свою долю». Правда, в кінці рапорту керівник поліції зробив примітку, що пастор «лише констатував настрої трудящих, а сам він лояльний до австрійського режиму» [8: 270].

Поряд з пильнуванням за політичними настроями городян, що в умовах наближення кінця війни, як видно із донесень правоохоронців, значно радикалізувалися, чернівецькі поліцейські, як і буковинська жандармерія, з притаманною їм скуппульозністю, розслідували чисто кримінальні злочини, зокрема вбивства, окремі з яких відзначалися невмотивованою жорстокістю, набувши розголосу в місцевій пресі. Так, за повідомленням газети «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» від 31 січня 1918 р. поліція Чернівців вела розслідування обставин жорстокого вбивства в місті дівчини Марії Магдалини Шозди. За даними часопису, злочин стався вночі 29 січня. Вбивця завдав жертві кілька ножових ран, але вона продовжувала опиратися, про що свідчив порваний одяг потерпілої та наявні травми від побиття. Смерть дівчини спричинив удар, який нападник наніс їй в серце. Після цього злочинець пограбував вбиту, прихопивши з собою її туфлі, срібного годинника та перстень. Вранці тіло дівчини було доставлене в шпи-

таль по вул. Семигородській. Батько, який був стурбований через відсутність вдома доньки у пізній час, дізнався про її насильницьку смерть лише наступного дня від поліції. Газета повідомляла, що це небачене за жорстокістю вбивство, через не зовсім зрозумілі мотиви нападника – заради пограбування, чи задля задоволення, дуже схвилювало містян, а поліція збирає докази [39: 3].

Тим часом восени 1918 р. монархія Габсбургів стала стрімко рухатися до свого кінця. Виданий цісарем Карлом I 18 жовтня 1918 р. маніфест до народів імперії вже не міг зупинити відцентрові сили на місцях, де почали діяти національні політичні комітети представників народів Австрії, що прагнули самовизначення [21: 28–29]. У Чернівцях теж було створено Крайовий комітет Української національної ради. Раніше такий національний комітет, створили представники румунського політикуму Буковини.

25 жовтня 1918 р. на засіданні українського крайового комітету було обрано голову – О. Поповича, заступника, секретаря, а також голів комісій. Комісію народної оборони очолив вчитель О. Безпалко. Ця комісія мала відповідати за створення добровольчих підрозділів у Чернівцях та по селах Буковини. На момент початку розпаду імперії в Чернівцях і повітах, в ніч з 3 на 4-те листопада, почався безлад. У столиці краю лунала стрілянина. Солдатська маса, італійські військовополонені і злочинний елемент займалися грабунками, зокрема на станції Чернівці-центральна. Звернення до дирекції поліції результатів не дали, бо вона була безсила проти натовпів грабіжників [15: 237]. Тепер до грізних оголошень директора Тарангула фон Валеуце ніхто не дослухався. Тим не менше, станом на 5 листопада безлад поступово вдалося вгамувати, як через заклики чернівецького магістрату, так і завдяки численно переважаючим злочинні групи, вирядженим на патрулювання вулиць міста, підрозділам добре озброєної жандармерії.

6 листопада 1918 р., після передачі влади крайовим президентом графом Й. Ецдорфом українському і румунському комісарам О. Поповичу та А. Ончулу, представники Крайового комітету Української національної ради в Чернівцях при підтримці озброєних загонів зайняли будівлі команди цісарської крайової жандармерії та дирекцію поліції. У присутності маршалка крайового сойму отця Т. Драчинського генерал-майор Е. Фішер передав керівництво жандармерії краю майору Я. Яскевичу. Так само професор К. Білінський був присутнім при передачі керування дирекцією поліції поліцейському надкомісару Й. Яворському від надвірного радника К. Тарангула фон Валеуци, який, правда, зробив це під примусом, про що заявив формальний протест і пішов у кількатижневу відпустку [15: 247–248,

249–250, 255, 260; 68: 330]. Того ж дня в населені пункти південної частини Буковини, зокрема до Ватра Дорней, Сучави, Редеуць вступили передові підрозділи румунського війська – загоны гранічерів під командуванням майора А. Іонеску, який пояснював свій вступ на австрійську територію запрошенням Румунської національної ради Буковини, очолюваної Я. Флондором та керівництва окремих громад (зокрема Сучави, Іцкань, Гура-Гуморулуй) для захисту від грабіжників та охорони життя і майна мешканців. Відомо, що, приміром, жандармерія м. Сучава просила допомоги у жандармерії Румунського королівства проти мародерів. З таким проханням надходили також звернення з Іцкань і Гура-Гуморулуй. У Сучаві на охорону обивателів від грабунків ліворадикально налаштованих солдат, що поверталися додому, виступила міська варта – бюргервер [1: 903–904; 15: 256–258, 262; 32: 27–28].

У Чернівцях упродовж 4-7 листопада теж йшов набір до організованого міською владою задля забезпечення спокою й порядку бюргерверу – інтернаціональної міської варті, яка мала підпорядковуватися жандармерії і разом з нею здійснювати патрулювання вулиць [15: 238]. 8 листопада чернівецький бюргервер отримав зброю й посвідчення. Поступово безпека в Чернівцях стала посилюватися, але порядок не був стабільним [15: 258–259, 262]. У нічний час лунала стрілянина, траплялися грабунки. Біля складів була виставлена охорона, щоби запобігти їхньому розграбуванню. Тієї ж днини комісар української ради майор Я. Яскевич звернувся до офіцерів та жандармів Буковини щодо створення української та румунської жандармерії з метою захисту краю «від анархії та нових нещасть». Українську жандармерію мав очолити він сам, а румунську – ротмістр жандармерії В. Май [15: 267]. Тим часом підрозділи румунської королівської армії зайняли майже всю південну частину Буковини. 9 листопада 1918 р. в Чернівцях на площі Ринок біля румунського народного дому зібралися у великому числі представники місцевої румунської спільноти, які очікували приходу до міста королівського війська на чолі з генералом Я. Задіком, частина якого досягла с. Глибока. Український патруль наказав зібраним на площі румунським обивателям розійтися, але вони не підкорилися цьому наказу. Коли дійшло до сутички, патруль зробив кілька залпів у повітря. Після цього площа спорожніла. Інцидент мав трагічний наслідок – одна жінка померла з переляку.

Наступного дня, коли 8-ма румунська дивізія генерала Я. Задіка була вже в с. Чагор під Чернівцями і знову почав збиратися натовп представників румунської спільноти для урочистої зустрічі королівської армії, українські військовики та очільники крайової адміністрації

покинули Чернівці. Представники Румунської національної ради перебрали владу в ратуші від українського комісара міста О. Безпалка, який ще залишився на місці [15: 273–275, 277–278, 281].

На чолі установ краю Румунська національна рада залишила майже всіх службовців австрійського часу. Не стала винятком і чернівецька дирекція поліції: її керівником знову став надвірний радник К. Тарангул фон Валеуца (який керував поліцією аж до 1921 р.). Жандармерію Буковини було віддано під керівництво обер-лейтенанта жандармерії Радугу Дана [15: 283; 65: 1].

11 листопада 1918 р. до Чернівців вступили румунські війська. За кілька днів вони опанували всю північну частину Буковини і край став провінцією Румунського королівства. Після цього, колишнього керівника крайової жандармерії генерал-майора Е. Фішера було взято під варту в його помешканні, яке він у 1917–1918 рр. винаймав в Чернівцях у будинку на розі вулиць Семигородської та Новий Світ. 17 листопада його разом з дружиною Жозефіною відправили до Ясс. Там він був інтернований і мешкав в готелі «Continental», очікуючи початку судового процесу через обвинувачення в репресіях проти румунського населення на Буковині в роки Першої світової війни. Проте під суд Е. Фішер так і не потрапив. Завдяки втручання впливових австрійських політиків восени 1920 р. йому вдалося виїхати до Австрії [15: 905; 68: 329–331; 69: 27–28; 80: 8].

Таким чином, в період Першої світової війни (1914–1918 рр.) австрійська правоохоронна система на Буковині була репрезентована 13-тою командою австрійської жандармерії на чолі з Е. Фішером, а в столиці краю Чернівцях – дирекцією державної поліції під керівництвом К. Тарангула фон Валеуца. Ще перед початком війни з Росією ці органи займалися арештами й інтернуванням вглиб Габсбурзької імперії неблагонадійних жителів краю з числа православних священників, вчителів, службовців, селян, що були помічені чи запідозрені у виявленні проросійських чи прорумунських симпатій. Багато з них потрапили в табір Талергоф у Штирії.

З початком бойових дій на теренах Буковини ц.к. жандармерія була задіяна на фронті проти російської армії, спершу на буковинсько-бессарабському кордоні і при обороні підступів до Чернівців, а відтак вглибині краю, по мірі просування туди лінії фронту, де комендант жандармерії Е. Фішер силами іррегулярних підрозділів провадив «малу війну». Під час війни жандарми і поліція займалися також розслідуванням кримінальних злочинів, зокрема вбивств. Але основна функція австрійських правоохоронних органів в цей період була зосереджена на підтриманні режиму воєнного стану, недопущенні диверсій, непокорі австрійській владі та боротьбі зі

шпигунством. Причому жертвами шпигуноманії, яка, по мірі поразок на фронті, набирала все більших масштабів, часто були невинні люди, що ставали заручниками наклепів, нерідко на ґрунті неприязних сосунків між співгромадянами.

У періоди захоплення теренів краю царськими військами російська адміністрація «зайнятих за правом війни територій» для підтримання порядку, зокрема в Чернівцях, спершу пробувала використовувати громадську варту з місцевих жителів – бюргервер, а потім передала правоохоронні функції російській поліції і жандармерії, що були відряджені сюди з прикордонної Бессарабської губернії.

Після остаточного очищення Буковини від російських військ в 1917 р. на звільнену територію повернулися австрійські жандармерія і поліція. Розпад Австро-Угорщини, на тлі боротьби її народів в різних землях монархії за самовизначення наприкінці війни, спричинився до перебирання влади в Буковині на початку листопада 1918 р. представниками українського і румунського національних комітетів. Вони також поділили між собою управління частинами жандармерії і поліції, призначивши до них своїх керівників.

Вступ 11 листопада 1918 р. до Чернівців частин румунської королівської армії, спричинився до прилучення Буковини до Румунії і поступового запровадження в краї притаманної Старому королівству правоохоронної системи. При новій владі керівником чернівецької поліції знову став К. Тарангул фон Валеуца. Частина австрійських правоохоронців так само продовжили служити новій владі в румунській поліції та жандармерії. А колишній очільник австрійської жандармерії Буковини генерал-майор Е. Фішер був інтернований до Румунії через звинувачення у розправах над румунським населенням краю під час Першої світової війни.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Добржанський О.В., Старик В.П.* Бажаємо до України! Змагання за українську державність на Буковині у спогадах очевидців (1914–1921 рр.). Одеса: Маяк, 2008. 1168 с.

2. *Бахтурина А.Ю.* Формирование гражданского управления в Буковине в документах Ставки Верховного Главнокомандующего и Мид Российской империи в 1914–1915 гг. // *Русин*. 2019. № 56. С. 110–125.

3. *Безаров А.Т.* Политика российской оккупационной администрации в отношении еврейского населения Буковины во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Вып. VI. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 46–60.

4. *Безаров О.* Політика російської окупаційної адміністрації стосовно єврейського населення Буковини у 1916–1917 роках // Науковий вісник Чернівецького університету імені Юрія Федьковича: Історія. Чернівці, 2023. № 2. С. 82–97.

5. *Богатырец К.* История Буковинской епархии // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 29–343.

6. *Ботушанський В.М.* Буковина в зовнішній політиці європейських держав у роки Першої світової війни і боротьби українців краю за Українську державу // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макар та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці: Рута, 2005. С. 299–488.

7. *Ботушанський В.* Місто в період австрійського правління // Чернівці: Історія і сучасність (Ювілейне видання до 600-річчя першої писемної згадки про місто). Чернівці: Зелена Буковина, 2009. С. 79–154.

8. Буковина в роки Першої світової війни 1914–1918 рр. Документи / упорядкування, коментарі переклад з німецької та російської мови В.М. Ботушанський. Чернівці: Технодрук, 2014. 356 с.

9. *Валявська К.* Чернівці і війна: громадська варта в місті у часи російської окупації у 1914–1917 рр. URL: https://buknews.com.ua/page/chernivtsi-i-viina-hromadska-varta-v-misti-u-chasy-rosiiskoi-okupatsii-u-1914-1917-rr.html?fbclid=IwAR3DSuM074fNV5KtfjO2S8R-2AJiqh1RqY5PX7FsbLWX-DHaAr_rFdwnDvw (дата перегляду: 12.10.2024).

10. *Вебер Ю.* Російська окупація Чернівців. Чернівці: Книги – XXI, 2016. 136 с.

11. *Гайсенюк В.* Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці: Друк Арт, 2017. 304 с.

12. *Грябан В.В.* Неопубліковане листування славістів Ватрослава Ягича та Євгенія Козака з фондів наукової бібліотеки Чернівецького університету і Національної та університетської бібліотеки в Загребі // Русин. 2024. № 75. С. 37–71.

13. Державний архів Чернівецької області. Ф. 1245. Оп.1. Спр. 235. Книга реєстрації актів про народження за 1842–1899 рр. с. Черепківці Глибоцького р-ну. 9 лютого 1841 – 16 грудня 1899. 373 арк.

14. *Запаловський В., Осачук С.* Слідами забутої війни 1914–1948 рр. в Буковині: (військ.-іст. нарис, воєн. могили Першої світ. війни в Півн. Буковині, догляд воєн. могил). Чернівці: Молодий буковинець, 1998. 48 с.

15. *Добржанський О.В., Старик В.П.* Змагання за українську державність на Буковині (1914–1921 рр.). Документи і матеріали. Чернівці: Чернівецька обласна друкарня, 2009. 512 с.

16. *Карачко С.* «Нічні метелики» Чернівців, австрійської доби. URL: <https://bukinfo.com.ua/istoriya/arhive-1498> (дата звернення: 16.10.2024).

17. *Кисель-Киселевскій Д.Кл.* Политическое положение русского народа въ

Буковинъ въ началъ войны // Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ карпато-рускимъ народомъ во время всемірной войны 1914–1917 гг. Выпускъ второй. Терроръ въ Галичинъ. Терроръ въ Буковинъ. Отзвуки печати. Терезинъ, Гминдъ, Гнасъ и др. Беллетристика. Львовъ: Изданіе «Талергофскаго Комитета», 1925. С. 52–60.

18. Клембовский В. Организация военного шпионства в Австрии во время войны 1914–1918 гг. // Русская армия в Великой войне: Военно-исторический сборник. М., 1920. Вып. 4. С. 94–104.

19. Краткій отчетъ по управленію Черновецкой губерніей за періодъ времени съ 1 сентября по 7 октября 1914 г. и съ 17 ноября 1914 г. по 1 февраля 1915 г., б. Черновицкого губернатора камеръ-юнкера Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Евреинова. Киевъ, 1915. 7 с.

20. Нариси з історії Північної Буковини / редкол.: Ф.П. Шевченко (відп. ред.) та ін. АН УРСР. Ін-т соціальних і економічних проблем зарубіжних країн; Ін-т історії. К.: Наук. думка, 1980. 340 с.

21. Прокопович Е. Кінець австрійського панування в Буковині. Чернівці: Золоті литаври, 2003. 80 с.

22. Ронге М. Военный и промышленный шпионаж. Двенадцать лет службы в разведке. М.: Центрполиграф, 2020. 560 с.

23. Ронге М. Разведка и контрразведка (военный и промышленный шпионаж): пер. с нем. М.: Воен. изд-во Народного комиссариата обороны, 1943. 236 с.

24. Святолдъ. Буковина // Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ карпато-рускимъ народомъ во время всемірной войны 1914–1917 гг. Выпускъ второй. Терроръ въ Галичинъ. Терроръ въ Буковинъ. Отзвуки печати. Терезинъ, Гминдъ, Гнасъ и др. Беллетристика. Львовъ: Изданіе «Талергофскаго Комитета», 1925. С. 49–51.

25. Фишер Е. Війна без армії. Моя оборона Буковини проти росіян. Чернівці: Книги – ХХІ, 2019. 200 с.

26. Чучко М. Становище Чернівецької архієпархії Буковинсько-Далматинської митрополії в роки Першої світової війни // Велика війна 1914–1918 рр.: осмислення трагічного досвіду: колективна монографія / наукова редакція О. В. Добржанського, В. П. Фісанова. Рига, Латвія : Izdevniecība "Baltija Publishing", 2024. С.166-195.

27. Чучко М.К., Грябан В.В. Життя та діяльність Євгенія Козака (1857–1933), відомого славіста, ректора Чернівецького університету, архіпресвітера-ставрофора, професора // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев, 2023. № 72. С. 83–137.

28. Чучко М.К., Суляк С.Г. Архипресвитер Кассиан Богатырец исследователь церковной истории Буковинской Руси // Русин. 2014. № 1 (35). С. 143–164.

29. Чучко М. У горнилі випробувань: Православна церква на Буковині в 1914–1919 рр. Чернівці: Друк Арт, 2015. 140 с.

30. Adressbuch von Czernowitz samt Vorstädten, zusammengestellt nach Daten der k.k. Polizeidirektion sowie der Stadte Radautz und Suczawa. Kalender 1914 mit Termin- und Vormerkbuch. Czernowitz: Druck und Verlag der Bukowinaer Vereisdruckerei, 1914. 381 s.

31. *Bălan T.* Bucovina în războiul mondial, Extras din „Codrii Cosminului” VI 1929. Buletinul Institutului de Istorie și Limbă de la Universitatea din Cernăuți. Cernăuți: Institutul de arta grafice și Editura „Glasul Bucovinei”, 1929. 135 p.

32. *Ciorteanu C.* Bucovina și bucovinenii în Marele Război // Annals of the Academy of Romanian Scientist. Series on History and Archaeology. 2017. Vol. 9. № 1. P. 7–31.

33. *Cuțui A.* Clerul ortodox bucovinean și Marea Unire din 1918. București: Editura Militară, 2017. 352 p.

34. Czernowitzer Bürgerwehr und Jungsschützenkorps // Czernowitzer Tagblatt. 1914. 26. August. S. 5.

35. Czernowitzer Polizeibeamten im Militardinst // Czernowitzer Tagblatt. 1916. 21. März. S. 3.

36. Der Krieg gegen Russland. Czernowitz befreit! // Neuigkeits-Welt-Blatt. 1917. 4. August. S. 2.

37. Die Russische Herrschaft in Czernowitz. Aeusserung des Erzbischof Dr. Wladimir v. Repta // Neue Freie Presse. 1914. 18. Dezember. S.7.

38. *Drunen H. F., van.* «A sanguine bunch». Regional identification in Habsburg Bukovina, 1774–1919. PhD thesis. P. 329. URL: <http://dare.uva.nl/document/2/126251> (дата звернення: 16.10.2024).

39. Ein bestialischer Medchenmord in Czernowitz. Raubmord oder Lustmord? // Czernowitzer Allgemeine Zeitung 1918. 31. Januar. S. 3.

40. Erzbischof Dr. V. Repta in Dorna-Watra // Wiener Stadt- und Vorstadt-Zeitung. 1914. 29. November. S. 2.

41. Gerowski, viceguvernator la Cernăuți // Adevărul. 1914. 10 septembrie. P. 2.

42. *Grămadă I.* Martiriul românilor bucovineni // Adevărul. 1915. 17 aprilie. P. 1-2.

43. Hof- und Staats-Handbuch der Österreichisch-Ungarischen Monarchie für das Jahr 1914. XL. Jahrgang. K. K. Hof- und Staatsdruckerei. Wien, 1914. XXXIII, 1651 s.

44. *Jäger F.* Das große Buch der Polizei und Gendarmerie in Österreich. Graz: H. Weishaupt Verlag, 1990. 264 s.

45. *Jugrin R.* Interpelări în parlamentul României întregite despre acțiunile lui Eduard Fischer în Bucovina // Revista de Istorie a Moldovei. Chișinău, 2020. № 1-2 (121-122). P. 47–63.

46. Kein ehrliches Begrabnis fur den Spion // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1914. № 27. August. S. 5.

47. *Kepler L.* Die Gendarmerie in Österreich 1849–1974 – 125 Jahre Pflichterfüllung. Graz: Leykam, 1974. 362 s.

48. Mord an einem Pflegekinde // Czernowitzer Tagblatt 1914. 21. August. S. 5.
49. *Neubauer F.* Gendarmerie in Österreich 1849–1924. Wien-Graz: Wien, Hofburg / Graz, Verlag des Gendarmerie-Jubiläumsfonds / Steiermärkische Landesdruckerei, 1925. 600 s.

50. *Olaru M.* Bucovina în Primul Război Mondial. Cateva considerații // Revista de Istorie a Moldovei. Chișinău, 2018. Nr. 4 (116). P. 34–48.

51. Österreichischen Nationalbibliothek (дани ONB). ZL 3992/ D. Präs (Plakat in rumänischer, ukrainischer und deutscher Sprache). 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/1105B16E> (дата звернення: 10.10.2024).

52. ÖNB. ZL 10454. (In rumänischer, deutscher und ukrainischer Sprache). 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059E83> (дата звернення: 16.10.2024).

53. ÖNB. ZL 272/D Präs. (Plakat in rumänischer und deutscher Sprache). 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/1105B236> (дата звернення: 16.10.2024).

54. ÖNB. ZL 8712/Pr. ex 1915. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/1105ACF3> (дата звернення: 10.10.2024).

55. ÖNB. ZL 8641/15 Präs. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059EC6> (дата звернення: 15.10.2024).

56. ÖNB. ZL 3542/16 Präs. (In rumänischer, deutscher und ukrainischer Sprache). 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059EE8> (дата звернення: 16.10.2024).

57. ÖNB. ZL 586/H.-St./1916. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059EF1> (дата звернення: 16.10.2024).

58. ÖNB. ZL 6892 ex 1916/Präs. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/1105AD00> (дата звернення: 16.10.2024).

59. ÖNB. ZL 3161/17 Präs. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059F20> (дата звернення: 16.10.2024).

60. ÖNB. ZL 272 Präs. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059F17> (дата звернення: 16.10.2024).

61. ÖNB. ZL 2773 Präs. 1 Teil. URL: <https://onb.digital/result/11059F20> (дата звернення: 16.10.2024).

62. *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe Române. București: Editura Institutului Biblic și de misiune al Bisericii Ortodoxe Romane, 1994. Vol. 3. 606 p.

63. *Parus-Plan Czernowitz.* Czernowitz: Sonder Verlag der Bukowinaer Vereinsdruckerei, 1913. 12 S.

64. Personalnachricht // Prager Abendblatt. 1916. 25. Juli. S. 4.

65. Polizeidirektor Tarangul – Liquidierungspresident // Czernowitzer Morgenblatt. 1921. 30. Dzemder. S. 1.

66. *Popescu G.N.* Preoțimea română și întregirea neamului. Temnițe și lagăre. [București]: Tipografia «Vremea», 1940. Vol. II. 371 p.

67. *Porubsky F.* Czernowitz in der Russenzeit. I. Die letzte Tage von Invasion. Sontag, 30. August 1914 // Czernowitzer Morgenblatt. 1918. 1. September. S. 3.

68. *Purici Ș.* Destinul unui bucovinean răstignit între epoci și patrii. Generalul-

maior. Eduard Fischer (1862–1935) // *Analele Bucovinei. Rădăuți – București*, 2021. Anul XXVIII. Nr. 1 (56). P. 317–332.

69. *Rusnac A.* La intersecția civilizațiilor: orașul Cernăuți în anii Primului Război Mondial (1914–1918) // *Glasul Bucovinei. Revistă trimestrială de istorie și cultură. Cernăuți-București*, 2020. № 1-2. Anul XXVI. № 105, 106. P. 22–30.

70. *Russische Feindseligkeit gegen das Rumanentum in der Bukowina* // *Pester Lloyd*. 1914. 15. Dezember. S. 15.

71. *Tarangul E.* Amintiri; vol. îngrijit de Radu Florian Bruja, Lucian Nastașă Kovács. Cluj-Napoca: Editura Școala Ardeleană; București: Eikon, 2016. 201 p.

72. *Unsere tapfere Gendarmerie* // *Czernowitzer Tagblatt*. 1914. № 25. August. S. 5.

73. *Unsere Truppen in Czernowitz* // *Neuigkeits-Welt-Blatt*. 1917. № 4. August. S. 2.

74. *Verleihung des Adelstandes* // *Czernowitzer Tagblatt*. 1908. № 22. Dezember. S. 3.

75. *Todesfalle* // *Bukowinaer Post* 1910. № 17. April. S. 5.

76. *Warum Tausende sterben müssen*. Von General Eduard Fischer // *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 1928. № 16. April. S. 9.

77. *Warum Tausende sterben müssen*. Von General Eduard Fischer // *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 1928. № 14. Mai. S. 9.

78. *Warum Tausende sterben müssen*. Von General Eduard Fischer // *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 1928. № 21. Mai. S. 9.

79. *Warum Tausende sterben müssen*. Von General Eduard Fischer // *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 1928. № 29. Mai. S. 8.

80. *Warum Tausende sterben müssen*. Von General Eduard Fischer // *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 1928. № 25. Juni. S. 8.

REFERENCES

1. Dobrzhanskyi, O.V. & Saryk, V.P. (eds) (2008) *Bazhajemo do Ukrai'ni! Zmagannya za ukrai'ns'ku derzhavnist' na Bukovini u spogadakh ochevidtsiv (1914–1921 rr)* [Welcome to Ukraine! Competition for Ukrainian statehood in Bukovyna in the memories of eyewitnesses (1914–1921)]. Odesa: Mayak.

2. Bakhturina, A.Yu. (2019) Formation of civil administration in Bukovina in the documents of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in 1914–1915. *Rusin*. 56. pp. 110–125 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/56/7

3. Bezarov, A.T. (2018) Politika rossiyskoy okkupatsionnoy administratsii v otnoshenii evreyskogo naseleniya Bukoviny vo vremya Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) [The policy of the Russian occupation administration towards the Jewish population of Bukovina during the First World War (1914–1917)]. *Rossiysko-avstriyskiy al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli*. VI. pp. 46–60.

4. Bezarov, O. (2023) Politika rosiys'koi' okupatsiynoi' administratsii' stosovno jevreys'kogo naselennya Bukovini u 1916–1917 rokakh [The policy of the Russian occupation administration in relation to the Jewish population of Bukovyna in 1916–1917]. *Naukoviy visnik Chernivets'kogo universitetu imeni Yuriya Fed'kovicha: Istoriya*. 2. pp. 82–97.

5. Bohatyrets, K. (2015) History of the Bukovina Diocese. *Biblioteka zhurnala "Rusin."* 1. pp. 29–343.

6. Botushanskiy, V.M. (2005) Bukovina v zovnishniy polititsi jevropeys'kikh derzhav u roki Pershoi' svitovoi' viyni i borot'bi ukrai'ntsiv krayu za Ukrai'ns'ku derzhavu [Bukovyna in the foreign policy of European states during the First World War and the struggle of the Ukrainians of the region for the Ukrainian state]. In: Botushanskiy, V.M., Gakman, S.M., Makar, Yu.I. et al. (eds) *Bukovina v konteksti jevropeys'kikh mizhnarodnikh vidnosin (z davnikh chasiv do seredini KhKh st.)*. Chernivtsi: Ruta. pp. 299–488.

7. Botushanskiy, V. (2009) Misto v period avstriys'kogo pravlinnya [The city during the Austrian rule]. In: *Chernivtsi: Istoriya i suchasnist' (Yuvileynе vidannya do 600-richchya pershoi' pisemnoi' zgadki pro misto)*. Chernivtsi: Zelena Bukovina. pp. 79–154.

8. Botushanskiy, V.M. (ed.). (2014) *Bukovina v roki Pershoi' svitovoi' viyni 1914–1918 rr. Dokumenti* [Bukovyna during the First World War 1914–1918. Documents]. Chernivtsi: Tekhnodruk.

9. Valiavska, K. (n.d.) *Chernivtsi i viyna: gromads'ka varta v misti u chasi rosiys'koi' okupatsii' u 1914–1917 rr.* [Online] Available from: https://buknews.com.ua/page/chernivtsi-i-viina-hromadska-varta-v-misti-u-chasy-rosiiskoi-okupatsii-u-1914-1917-rr.html?fbclid=IwAR3DSuM074fNV5KtfjO2S8R-2Ajiqh1RqY5PX7FsbLWX-DHaAR_rFdwnDvw (Accessed: 12th October 2024).

10. Veber, Yu. (2016) *Rosiys'ka okupatsiya Chernivtsiv* [The Russian occupation of Chernivtsi]. Chernivtsi: Knigi – XXI.

11. Haiseniuk, V. (2017) *Pochatok kintsya. Moskvofili u Velikiy viyni (1914–1918)* [The Beginning of the End. Muscovophiles in the Great War (1914–1918)]. Chernivtsi: Druk Art.

12. Hryaban, V.V. (2024) The unpublished correspondence between Slavists Vatroslav Yagić and Evgeniy Kozak from the collections of Chernivtsi University Research Library and the National and University Library in Zagreb. *Rusin*. 75. pp. 37–71 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/75/3

13. The State Archive of Chernivtsi Region. *Kniga rejestratsii' aktiv pro narodzhennya za 1842–1899 rr. s. Cherepkivtsi Glibots'kogo r-nu. 9 lyutogo 1841 – 16 grudnya 1899*. Fund 1245. List 1. File 235.

14. Zapolovskiy, V. & Osachuk, S. (1998) *Slidami zabutoi' viyni 1914–1948 rr. v Bukovini: (viys'k-ist. naris, vojen. mogili Pershoi' svit. viyni v Pivn. Bukovini, doglyad vojen. mogil)* [Traces of the forgotten war of 1914–1948 in Bukovina: (A military-

historical essay, war graves of the First World War in Northern Bukovina, care of war graves)]. Chernivtsi: Molodiy bukovinets'.

15. Dobrzhanskiy, O.V. & Staryk, V.P. (eds) (2009) *Zmagannya za ukrai'ns'ku derzhavnist' na Bukovini (1914–1921 rr.)* [Competition for Ukrainian statehood in Bukovina (1914–1921). Documents and materials]. Chernivtsi: Chernivets'ka oblasna drukarnya.

16. Karachko, S. (n.d.) “*Nichni metelyky*” *Chernivtsiv, avstriys'koi' dobi* [“Night butterflies” of Chernivtsi, the Austrian era]. [Online] Available from: <https://bukinfo.com.ua/istoriya/arhive-1498> (Accessed: 16th October 2024).

17. Kisel'-Kiselevskiy, D.Kl. (1925) *Politicheskoe polozhenie russkogo naroda v Bukovine v nachale voyny* [The political position of the Russian people in Bukovyna at the beginning of the war]. In: Bendasyuk, S. (ed.) *Talergofskiy al'manakh. Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuv'rstv i nasiliy nad karpato-russkim narodom vo vremya vsemirnoy voyny 1914–1917 gg.* Lvov: Thalerhof Committee. pp. 52–60.

18. Klembovskiy, V. (1920) *Organizatsiya voennogo shpionstva v Avstrii vo vremya voyny 1914–1918 gg.* [Organization of military espionage in Austria during the war of 1914–1918]. In: *Russkaya armiya v Velikoy voyne: Voennohistoricheskii sbornik* [The Russian army in the Great war: A collection of military and historical essays]. Vol. 4. Moscow: [s.n.]. pp. 94–104.

19. Evreinov. (1915) *Kratkiy otchet po upravleniyu Chernovetskoj guberniej za period vremeni s 1 sentyabrya po 7 oktyabrya 1914 g. i s 17 noyabrya 1914 g. po 1 fevralya 1915 g., b. Chernovitskogo gubernatora kamer-yunkera Dvora EGO IMPERATORSKOGO VELICHESTVA Evreinova* [Brief report on the management of the Chernivtsi province from September 1 to October 7, 1914, and from November 17, 1914, to February 1, 1915, of the Chernivtsi Governor of the Chamber-Junker of the Court of HIS IMPERIAL MAJESTY Evreinov]. Kiev: [s.n.].

20. Shevchenko, F.P. et al. (eds) (1980) *Narisi z istorii Pivnichnoi' Bukovini* [Essays on the history of Northern Bukovyna]. Kiev: Naukova dumka.

21. Prokopovych, E. (2003) *Kinets' avstriys'kogo panuvannya v Bukovini* [The end of Austrian rule in Bukovina]. Chernivtsi: Zoloti litavri.

22. Ronge, M. (2020) *Voennyi i promyshlennyi shpionazh. Dvenadtsat' let sluzhby v razvedke* [Military and industrial espionage. Twelve years of service in intelligence]. Moscow: Tsentrpoligraf.

23. Ronge, M. (1943) *Razvedka i kontrrazvedka (voennyi i promyshlennyi shpionazh)* [Intelligence and counterintelligence (military and industrial espionage)]. Translated from German. Moscow: People's Commissariat of Defense.

24. Sviatold. (1925) *Bukovyna* [Bukovina]. In: Bendasyuk, S. (ed.) *Talergofskiy al'manakh. Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuvterstv i nasiliy nad karpato-russkim narodom vo vremya vsemirnoy voyny 1914–1917 gg.* Lvov: Thalerhof Committee. pp. 49–51.

25. Fischer, E. (2019) *Viyňa bez armii'. Moya oborona Bukovini proti rosiyan* [A War without an Army. My Defense of Bukovyna against the Russians]. Chernivtsi: Knigi – XXI.

26. Chuchko, M. (2024) Stanovishche Chernivets'koi' arkhijeparkhii' Bukovins'ko-Dalmatins'koi' mitropolii' v roki Pershoi' svitovoi' viyni [The position of the Chernivtsi Archdiocese of the Bukovina-Dalmatia Metropoliien during the First World War]. In: Dobrzhansky, O.V. & Fisanov, V.P. (eds) *Velika viyňa 1914–1918 rr.: osmislennya tragichnogo dosvidu*. Riga: Baltija Publishing. pp. 166–195.

27. Chuchko, M.K. & Hryaban, V.V. (2023) The life and work of Professor Eugeniu Kozak (1857–1933), prominent Slavist, Rector of the Chernivtsy University, archpresbyter-stavrophorus. *Rusin*. 72. pp. 83–137 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/5

28. Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2014) Archpriest Kassian Bohatyrets – researcher of church history in Bukovinian Rus'. *Rusin*. 1(35). p. 143–164 (in Ukrainian). doi: 10.17223/18572685/35/11

29. Chuchko, M. (2015) *U gornili viprobuvan': Pravoslavna tserkva na Bukovini v 1914–1919 rr.* Chernivtsi: Druk Art.

30. Anon. (1914) *Adressbuch von Czernowitz samt Vorstädten, zusammengestellt nach Daten der k.k. Polizeidirektion sowie der Stadte Radautz und Suczawa. Kalender 1914 mit Termin- und Vormerkbuch*. Czernowitz: Druck und Verlag der Bukowinaer Vereinsdruckerei.

31. Bălan, T. (1929) *Bucovina în războiul mondial, Extras din „Codrii Cosminului” VI 1929. Buletinul Institutului de Istorie și Limbă de la Universitatea din Cernăuți*. Cernăuți: Institutul de arta grafice și Editura „Glasul Bucovinei”.

32. Ciorteanu, C. (2017) Bucovina și bucovinenii în Marele Război. *Annals of the Academy of Romanian Scientist. Series on History and Archaeology*. 9(1). pp. 7–31.

33. Cuțui, A. (2017) *Clerul ortodox bucovinean și Marea Unire din 1918*. București: Editura Militară.

34. *Czernowitzer Tagblatt*. (1914) Czernowitzer Bürgerwehr und Jungsschutzekorps. 26 August.

35. *Czernowitzer Tagblatt*. (1916) Czernowitzer Polizeibeamten im Militardinst. 21st March.

36. *Neuigkeits-Welt-Blatt*. (1917) Der Krieg gegen Russland. Czernowitz befreit! 4 August.

37. *Neue Freie Presse*. (1914) Die Russische Herrschaft in Czernowitz. Aeusserung des Erzbischof Dr. Wladimir v. Repta. 18 Dezember.

38. Drunen, H.F. van. (n.d.) “A sanguine bunch”. *Regional identification in Habsburg Bukovina, 1774–1919*. PhD thesis. p. 329. [Online] Available from: <http://dare.uva.nl/document/2/126251> (Accessed: 16th October 2024).

39. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1918) Ein bestialischer Medchenmord in Czernowitz. Raubmord oder Lustmord? 31 Januar.

40. *Wiener Stadt- und Vorstadt- Zeitung*. (1914) Erzbischof Dr. V. Repta in Dorna-Watra. 29 November.
41. *Adevărul*. (1914) Gerowski, viceguvernator la Cernăuți. 10 septembrie.
42. Grămadă, I. (1915) Martiriul românilor bucovineni. *Adevărul*. 17 aprilie.
43. Österreichisch-Ungarischen Monarchie. (1914) *Hof- und Staats-Handbuch der Österreichisch-Ungarischen Monarchie für das Jahr 1914*. XL. Jahrgang. K. K. Hof- und Staatsdruckerei. Wien.
44. Jäger, F. (1990) *Das große Buch der Polizei und Gendarmerie in Österreich*. Graz: H. Weishaupt Verlag.
45. Jugrin, R. (2020) Interpelări în parlamentul României întregite despre acțiunile lui Eduard Fischer în Bucovina. *Revista de Istorie a Moldovei*. 1-2(121-122). pp. 47–63.
46. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1914) Kein ehrliches Begrabnis fur den Spion. 27 August.
47. Kepler, L. (1974) *Die Gendarmerie in Österreich 1849–1974–125 Jahre Pflichterfüllung*. Graz: Leykam.
48. *Czernowitzer Tagblatt*. (1914) Mord an einem Pflegekinde. 21 August.
49. Neubauer, F. (1925) *Gendarmerie in Österreich 1849–1924*. Wien – Graz: Wien, Hofburg / Graz, Verlag des Gendarmerie-Jubiläumsfonds / Steiermärkische Landesdruckerei.
50. Olaru, M. (2018) Bucovina în Primul Război Mondial. Cateva considerații. *Revista de Istorie a Moldovei*. 4(116). pp. 34–48.
51. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 3992/ D. Präs. (*Plakat in rumänischer, ukrainischer und deutscher Sprache*). 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/1105B16E> (Accessed: 10th October 2024).
52. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 10454. (*In rumänischer, deutscher und ukrainischer Sprache*). 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059E83> (Accessed: 16th October 2024).
53. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 272/D Präs. (*Plakat in rumänischer und deutscher Sprache*). 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/1105B236> (Accessed: 16th October 2024).
54. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 8712/Pr. ex 1915 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/1105ACF3> (Accessed: 10th October 2024).
55. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 8641/15 Präs. 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059EC6> (Accessed: 15th October 2024).
56. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 3542/16 Präs. (*In rumänischer, deutscher und ukrainischer Sprache*) 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059EE8> (Accessed: 16th October 2024).
57. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 586/H.-St./1916. 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059EF1> (Accessed: 16th October 2024).

58. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 6892 ex 1916/Präs. 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/1105AD00> (Accessed: 16th October 2024).

59. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 3161/17 Präs. 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059F20> (Accessed: 16th October 2024).

60. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 272 Präs. 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059F17> (Accessed: 16th October 2024).

61. Österreichischen Nationalbibliothek (ÖNB). Zl. 2773 Präs. 1 Teil [Online] Available from: <https://onb.digital/result/11059F20> (Accessed: 16th October 2024).

62. Păcurariu, M. (1994) *Istoria Bisericii Ortodoxe Române*. Vol. 3. București: Editura Institutului Biblic și de misiune al Bisericii Ortodoxe Romane.

63. Anon. (1913) *Parus-Plan Czernowitz*. Czernowitz: Sonder Verlag der Bukowinaer Vereinsdruckerei.

64. *Prager Abendblatt*. (1916) Personalnachricht. 25 Juli.

65. *Czernowitzer Morgenblatt*. (1921) Polizeidirektor Tarangul – Liquidierungspresident. 30 Dzemder.

66. Popescu, G.N. (1940) *Preoțimea română și întregirea neamului. Temnițe și lagăre*. Vol. II. [București]: Vremea.

67. Porubsky, F. (1918) Czernowitz in der Russenzeit. I. Die letzte Tage von Invasion. Sonntag, 30. August 1914. *Czernowitzer Morgenblatt*. 1 September.

68. Purici, Ș. (2021) Destinul unui bucovinean răstignit între epoci și patrii. Generalul-maior. Eduard Fischer (1862–1935). *Analele Bucovinei*. Anul XXVIII. 1(56). pp. 317–332.

69. Rusnac, A. (2020) La intersecția civilizațiilor: orașul Cernăuți în anii Primului Război Mondial (1914–1918). *Glasul Bucovinei. Revistă trimestrială de istorie și cultură*. 1–2. Anul XXVI, 105, 106. pp. 22–30.

70. *Pester Lloyd*. (1914) Russische Feindseligkeit gegen das Rumanentum in der Bukowina. 15 Dezember.

71. Tarangul, E. (2016) *Amintiri*. Cluj-Napoca: Editura Școala Ardeleană; București: Eikon.

72. *Czernowitzer Tagblatt*. (1914) Unsere tapfere Gendarmerie. 25 August.

73. *Neuigkeits-Welt-Blatt*. (1917) Unsere Truppen in Czernowitz. 4 August.

74. *Czernowitzer Tagblatt*. (1908) Verleihung des Adelstandes. 22 Dezember.

75. *Bukowinaer Post*. (1910) Todesfalle. 17 April.

76. Fischer, E. (1928a) Warum Tausende sterben müssen. *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 16 April.

77. Fischer, E. (1928b) Warum Tausende sterben müssen. *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 14 Mai.

78. Fischer, E. (1928c) Warum Tausende sterben müssen. *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 21 Mai.

79. Fischer, E. (1928d) Warum Tausende sterben müssen. *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 29 Mai.

80. Fischer, E. (1928e) Warum Tausende sterben müssen. *Wiener Sonn-und Montags-Zeitung*. 25 Juni.

Чучко Михайло Костянтинович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича (Україна).

Чучко Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Украина).

Mykhailo K. Chuchko – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/9

Галицкая Русь в дискурсе волынской прессы в годы Первой мировой войны*

Е.О. Ковалева

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Авторское резюме

Сквозь призму материалов волынских изданий, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, реконструируется история Галиции в начальный период Первой мировой войны (1914–1915 гг.). В волынской прессе, живо откликавшейся на происходившие в этих землях события, публиковали большое количество статей, посвящённых истории, этнографии и политическому развитию региона. На их основе автор рассматривает следующие вопросы: репрессии австро-венгерского правительства против русинов накануне и во время войны, этнокультурные особенности региона, взаимоотношения русской администрации и местного населения, религиозная деятельность архиепископа Евлогия (Георгиевского) в Галиции, аграрный вопрос и ряд других важных тем. Проводится мысль о том, что волынские издания, независимо от их политической ориентации, поддерживали действия русской армии в Галиции. Они также сходились в оценках состояния региона и политики российской администрации по его восстановлению. Не совпадали их мнения относительно двух важных тем – русское и украинофильское движения в Галиции и определение национальной принадлежности галицких русинов, а также методы решения аграрного вопроса. Либеральные издания Волыни, распространявшие идею о независимости Украины, причисляли население Галиции к «украинцам». Правая и черносотенная пресса, отмечая этнокультурные особенности местного населения, считала их русскими, придерживаясь идеи об общерусском единстве. В рамках аграрного вопроса либеральные издания выступали за отказ от ликвидации помещичьего землевладения и передачи земель крестьянам. Правые же издания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.»).

предлагали изымать землю помещиков «выборочно», ориентируясь на их отношение к России и русской армии.

Ключевые слова: Галиция, Первая мировая война, русины, Волынь, волынская пресса

Galician Rus in the discourse of the Volhynian periodicals during WWI*

Elizaveta O. Kovaleva

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Abstract

The article reconstructs the history of Galicia in the early years of WWI (1914–1915), viewed through the lens of journalistic materials in the Volhynian periodicals, most of which have never been studied before. The Volhynian periodicals, keenly responding to the local events, published a lot on the history, ethnography, and political development of the region. Based on these articles, the author considers the repressions of the Austro-Hungarian government against Rusins on the eve of and during WWI, the ethno-cultural characteristics of the region, the relationship between the Russian administration and the local population, religious activities of Archbishop Evlogy (Georgievsky) in Galicia, the agrarian question, and a range of other important issues. According to the author, the Volhynian periodicals, regardless of their political affiliation, supported the Russian army in Galicia and agreed on their assessments of the situation in the region and the Russian administration's policy on its restoration. They did not coincide on two important issues – the Russian and Ukrainophile movements in Galicia and the national identification of Galician Rusins, and the methods for solving the agrarian question. The liberal periodicals in Volhynia, promoting the idea of Ukraine's independence, classified the population of Galicia as “Ukrainians.” The right-wing and the Black Hundred periodicals, acknowledging the ethno-cultural peculiarities of the local population, considered it to be Russians following the idea of All-Russian Unity. Within the context of the agrarian question, the liberal periodicals advocated the renunciation of

*This research has been supported by the Russian Science Foundation under Project no. 24-18-00294 “‘Russian world’ and ‘Russian land’: Historical and socio-political aspects of the problem of national identity in the journalistic discourse of the mid-19th – early 20th century.”

abolition of landlord property rights and opposed the transfer of lands to peasants. The right-wing press suggested that the lands should be expropriated "on a case-by-case basis" depending on the attitude of landlords to Russia and the Russian Army.

Keywords: Galicia, WWI, Rusins, Volhynia, Volhynian periodicals

Занятие русскими войсками Галиции в ходе Первой мировой войны вызвало живой интерес общества к истории, географии и политическому состоянию этого региона. Волынская периодическая печать, вспоминая общее историческое прошлое, безусловно, не могла оставаться в стороне. На страницах газет и журналов регулярно появлялись статьи, освещавшие как ход боевых действий в Галиции, так и материалы, затрагивавшие географические, этнографические, религиозные и общественно-политические особенности этих земель.

Несмотря на то что вопрос о положении Галиции в годы Первой мировой войны неоднократно затрагивался в историографии (работы С.Г. Суляка [63], Ю.В. Данильца [23; 24], А.Ю. Бахтуриной [1], В.П. Зиновьева и В.В. Казакова [35] и др.), многие аспекты остаются изученными ещё недостаточно. Материалы волынских периодических изданий (газет «Волынь», «Волынская земля», «Волынская почта», «Жизнь Волини», «Наша Волынь» и журнала «Почаевский листок») позволяют рассмотреть не только их отношение к воссоединению Галицкой Руси с «державной Россией» [48: 1], но и такие важные вопросы, как этнокультурные особенности региона, русское и украинфильское движения в Галиции, религиозный вопрос и деятельность архиепископа Евлогия (Георгиевского), аграрный вопрос, отношение населения к русской администрации и многие другие. «Русскому обществу надлежит... поближе ознакомиться с современной Галичиной и дать себе определенный отчёт в том, в каких условиях она живёт, и что представляет собою её население» [51: 1], – отмечала газета «Жизнь Волини» в 1915 г.

По мере продвижения русской армии волынские издания реконструировали историю стратегических пунктов региона, прежде всего Львова [45: 2–3], Галича и Перемышля, подчёркивая, что Галиция – это русская земля, управлявшаяся русскими князьями. Львов был занят 21 августа (3 сентября) 1914 г., затем Галич 22 (4 сентября) августа, а 9 (22) марта 1915 г. под натиском русских войск пал и Перемышль [27: 2]. Занятие Галиции в волынской прессе рассматривалось как завершение «дела собирания земли русской», падение «многовекового австрийского ига» [22: 3–4]. Этому событию посвящались торжественные стихотворения: «Но вот о чём молились деда – / Свершилось волею судьбы, / И долгожданный клич победы / Вещал

конец святой борьбы.../ Воскресла Русь, Христом хранима, / В пределах Галичской земли – / Святые ангелы незримо / Ей светоч жизни принесли...» [67: 2].

С особой радостью волынские издания встретили новость о взятии Перемышля. «Прежде всего это – удар гораздо более тяжёлый, чем потеря Львова и всей Галиции. Пока держался Перемышль, в Вене и Будапеште, как никак могли ещё считать Галицию не окончательно потерянной» [50: 1], – отмечала «Волынская земля». Это событие рассматривалось волынской прессой как «перелом», «катастрофический период для обеих тевтонских империй» [50: 1], за которым последует быстрое завершение войны и подписание мирных договоров.

В апреле 1915 г. Галицию посетил Николай II [34]. Как сообщал корреспондент газеты «Волынь», в день приезда императора все дома были украшены национальными флагами, улицы Львова заполнились тысячной толпой крестьянства [57: 2–3].

Особое внимание уделялось описанию населения Галиции. В 1915 г. для газеты «Жизнь Волыни» профессор Д.М. Позднеевым было подготовлено несколько обширных публикаций, в которых достаточно подробно рассматривались этнографические особенности региона. «Исконное население Галичины составляют малороссы, совершенно такие же, что живут и в наших прилегающих к Галичине губерниях», – сообщалось в статье. Д. Позднеев также указал, что язык русских галичан делится на четыре говора в соответствии с этнокультурными группами: подгорский, гуцульский, бойковский и лемковский [51: 1]. Украинский язык он считал «особым языком интеллигенции», искусственно созданным местными «русофилами (так в тексте. – Е.К.) и поляками» на основе подгорского наречия с добавлением большого количества польских, немецких, мадьярских и турецких слов с целью доказать его несхожесть с русским языком [51: 1].

Некоторые либеральные периодические издания Волыни, поддерживавшие украинское движение, приписывали жителям региона принадлежность к «украинской национальности» [28: 2–3]. Так, в газете «Наша Волынь» указывалось, что Львов населен преимущественно «поляками, русинами», – т. е. украинцами – и евреями [42: 2]. В другой статье этого издания говорилось, что «в Галиции в действительности нет ни одного русского, что в сущности тоже ведут борьбу между собою поляки и украинцы, а те, кого громко называют “русскими”, являются просто ренегатами украинской национальности» [28: 2–3]. Газеты и журналы правой ориентации (например, издания Почаевской лавры – газета «Волынская земля» и журнал «Почаевский листок»), напротив, для обозначения населения Галиции использо-

вали термины «русские галичане», «русские люди», «русины» [44: 3]. Тех, кто распространял идеи о «самостийности Украины» [46: 1–2], в почаевской прессе обозначали «мазепинцами», вкладывая в этот термин негативный смысл [36: 153]. Как писали в «Воłyньской земле», «мазепинское движение» было создано и профинансировано немцами для подготовки смуты в России и разжигания «украинофильского брожения среди австрийских русских и в наших малорусских губерниях» [46: 1–2]. Разоблачение «украинского движения» и борьба с ним являлись пусть и не центральными, но важными проблемами, затрагивавшимися в правой воłyньской прессе [36].

После занятия российской армией территории Галиции началась разработка преобразований, направленных на включение региона в имперскую систему управления. Д. Позднеев в своей статье предупреждал о необходимости отказаться от ожиданий того, что этот процесс пройдет гладко и безболезненно, поскольку время, проведенное Галичиной «под враждебным влиянием Польши и Австро-Венгрии» [51: 1], оставило глубокий отпечаток.

Во главе Галицийского генерал-губернаторства был поставлен граф Г.А. Бобринский. В беседе с корреспондентом «Русского слова» Георгий Александрович подчёркивал, что введение «русских установлений» на территории Червонной Руси не должно вызывать радикальной ломки жизненных устоев, напротив, любые изменения обязаны «покоиться на безусловном признании нами многообразных интересов Галиции, её жизни и быта» [3: 2].

В первую очередь власти занимались восстановлением экономики разорённого региона. «Уничтожено всё до основания: не пощадили изверги австрийцы ни школы, ни даже православного храма, и лишь каким-то чудом уцелело 5 маленьких амбарчиков, в которых ютятся по 30–35 душ», – так описывалось одно из галицийских сёл в письме, полученном редакцией «Воłyньской земли» [52: 4].

Видя бедственное положение единоверных братьев-галичан [15: 1–2], Почаевская лавра не могла оставаться в стороне и регулярно призывала жителей Воłyни жертвовать на помощь голодающим. Как писали в «Почаевском листке», эта православная святыня во все времена была для галичан «светочем, куда устремлялся народ искать духовного утешения в своих скорбях и черпать силы для дальнейшей борьбы» [41: 2], и период Первой мировой войны не стал исключением. Так, за одну неделю в редакцию «Воłyньской земли» поступило 1 575 руб. [12: 4]. Архимандрит Виталий (Максименко), глава лаврской типографии и местного отдела Союза русского народа, в своём воззвании предлагал приходским батюшкам в каждом селе специально назначать женщин, которые будут обходить дома

и собирать пожертвования, а затем передавать их в Почаев, откуда вещи бесплатно доставят в Галицию [12: 4].

Ещё одной проблемой, с которой пришлось столкнуться властям, стал приток спекулянтов в Галицию, стремившихся нарастить свои капиталы за счёт увеличения цен на основные продукты питания в условиях их ограниченности. Газета «Наша Волянь» предлагала решить этот вопрос через развитие кооперативных товариществ и в качестве примера приводила деятельность одного из подобных объединений в Житомирском уезде. Так, Кутузовское товарищество закупало в своём уезде по розничным ценам сало, масло, мясо и отправляло своих представителей во Львов для продажи по умеренным ценам, достигая двух важных целей: выгодной реализации продуктов питания сочленов товарищества и снижения искусственно завышенных цен [39: 3].

Постепенно жизнь в разорённом крае восстанавливалась. Спустя месяц после взятия Львова в городе вновь открылись магазины, ходили трамваи, была обеспечена подача электричества [11: 1]. С 28 ноября 1914 г. в городе возобновили выпуск русскоязычной газеты «Голос народа», закрытой в начале войны австрийскими властями [18: 3]. В это же время открыли первый русский книжный и газетный киоски [17: 3]. В «Нашей Воляни» отмечали, что административное управление во Львове сосредоточилось в руках русских, но остальные дела передавались в ведение местных органов самоуправления, в которых ведущие должности занимали русины и поляки [19: 2].

Составной частью экономической политики русской администрации в Галиции было решение вопроса малоземелья местных крестьян. «Самый жгучий вопрос в Галиции – это аграрный. Безземелье галицкого крестьянина общеизвестно. Очень многие крестьянские хозяйства не превышают площади в 1 гектар... Все крупные поместья находятся в аренде у евреев. Цены на землю безмерно взвинчены так же, как и арендная плата» [33: 2], – писали в «Почаевском листке». Население Галиции ожидало, что после закрепления этих земель за Россией, администрация займётся решением этого злободневного вопроса. При этом галицкие крестьяне рассчитывали на передачу в их собственность помещичьих земель [32: 4].

Волянские издания в большинстве своём солидаризировались и предлагали использовать в Галиции те же инструменты для решения аграрного вопроса, что и в России – ссуды Крестьянского банка [32: 4], переселенческую политику. Консервативный «Почаевской листок» выступил с более решительной мерой, заявив о необходимости конфискации поместий тех лиц, которые проводили «враждебные действия против России» [33: 2]. С этим предложением согласилась газета

«Жизнь Волыни», отмечавшая, что расширение мелкой крестьянской собственности возможно только за счёт конфискации крупного землевладения евреев, проявлявших своё «нерасположение» к частям русской армии [62: 1].

Сравнивая галицийских и волынских крестьян, волынская пресса не могла не отметить множество схожих черт между ними, помимо общего малоземелья. Так, газета «Волынь» писала: «На базаре, на больших дорогах, в деревнях встречаешь галицийского крестьянина: это – тот же наш хохол, неповоротливый, так же одетый, упрямый, с тем же хохлацким юмором» [43: 4]. Как и на Волыни, «галицийские мужики стояли в стороне» от вопроса деления интеллигенции на «москвофилов» и «украинцев» [43: 4], все их внимание было сосредоточено на земле. Об этом же писал в своей статье и Д.М. Позднеев, отмечавший, что идеи «мазепинцев» (так автор обозначал тех, кто ставил своим идеалом гетмана Мазепу, распространял идеи отделения Малороссии от России и поддерживал создание независимой Украины) «мало проникли в народ (галицийский. – Е.К.), хотя и навязывались ему изо всех сил» [51: 1].

Отдельное внимание руководство уделяло вопросу открытия курсов русского языка, подвергавшегося ранее преследованию со стороны властей Австро-Венгрии. В марте 1915 г. «Обществом имени Михаила Качковского» было открыто четвертое отделение курсов, при этом число желающих обучаться только увеличивалось [9: 2]. В мае 1915 г. «Общество» организовало бесплатные четырёхмесячные курсы русского языка, а также истории и географии России, которые проходили во Львове и предназначались для бывших воспитанников австрийских средних учебных заведений и взрослых русских галичан-интеллигентов [49: 4].

В вопросах школьного образования позиция русской администрации была следующей: обучение в начальных школах должно было вестись на русском языке, за исключением учебных заведений, расположенных в городах с большим процентом польского населения. Генерал-губернатор Г.А. Бобринский в своём интервью говорил об открытии в будущем на территории Восточной Галиции русских школ, а в Западной – польских, но в последних преподавание русского языка должно стать обязательным [3: 2]. Подготовка кадров учителей для начальных школ производилась на специальных курсах [6: 2], часть выпускников которых позже приглашалась на дополнительные занятия по изучению общеобразовательных предметов [6: 2]. Для слушателей была приобретена библиотека, состоявшая в основном из книг по педагогике и методике преподавания истории, отечествоведения и русской литературы [10: 4].

Дирекция народных училищ, учреждённая осенью 1914 г. и занимавшаяся организацией учебного процесса в Галиции, строила грандиозные планы по введению всеобщего народного образования в регионе за пятилетний срок. Реализация этого проекта предполагала открытие 70 высших народных училищ, 60 курсов при них, 6 самостоятельных учительских курсов, 25 мужских и 25 женских гимназий и оценивалась в 4 200 000 руб. [6: 2]. В апреле 1915 г. Б.В. Плесский, директор учебной части Галиции, дал интервью корреспонденту «Волыни», в котором им были обозначены сроки начала претворения в жизнь вышеупомянутого плана – осень 1915 г. Тогда, конечно, он не предполагал, что летом 1915 г. русская армия будет вынуждена отступать из Галиции, и заниматься подготовкой к новому учебному году ему уже не придется.

Проблема взаимоотношения галичан и русских властей также широко освещалась волынскими изданиями. По словам графа Г.А. Бобринского, они были «безусловно корректными» [3: 2]. Как отмечал генерал-губернатор, изначально испытывали сомнения только австрийские поляки, но и они со временем стали «русофилами» [2: 3]. Позже граф Г.А. Бобринский подавал ходатайство в Совет министров о выделении галицийским помещикам-полякам ссуды до 3 000 000 руб. на покупку семян. Однако запрос был отклонён в силу его несоответствия общегосударственным интересам [20: 3]. Н.А. Хомяков, бывший председатель III Государственной думы, посетивший Галицию в 1914 г. с рабочим визитом в качестве представителя Российского общества Красного Креста, был солидарен с местной администрацией и отмечал, что поляки и евреи вполне осознают положительные для них последствия занятия этой территории русскими войсками, а «о русинах, конечно, и говорить нечего, что в их лице мы имеем надёжных друзей» [5: 3]. После взятия Перемышля галичане стали более охотно поддерживать действия русских властей, говоря при этом: «Перемышль ваш, и мы теперь ваши» [61: 3].

Особый интерес волынская пресса проявляла также к религиозному вопросу – укреплению православия в Галиции, сильно пострадавшего от репрессий австро-венгерских властей [65]. Как отмечает А.А. Иванов, в церковных изданиях Волыни указывали также на украинцев как на «главных противников русского православного движения» [36: 160]. Для «устроения религиозно-нравственного быта русского населения» [1: 27] региона был командирован архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский). Как писала газета «Наша Волынь», выбор Святейшим Синодом кандидатуры владыки был обоснован близостью его епархии к Галиции и особым почитанием его как архимандрита Почаевской лавры со стороны галичан [55:

3]. Перед поездкой архиепископ не получил никаких официальных инструкций, но появление священнослужителя скоро вызвало опасения униатских священников и поляков-католиков относительно возможности принудительного склонения к переходу в православие [1: 30]. О наличии подобных слухов сообщал Н.А. Хомяков [5: 3]. В личной беседе архиепископ Евлогий убеждал политика, что о насильственных действиях в этом вопросе не может быть и речи. Более того, преждевременно было бы говорить даже о каких-либо религиозных мероприятиях из-за опасения активных выступлений католиков [5: 3].

Осенью 1914 г. в Киеве проходил съезд архиереев, на котором обсуждалась программа деятельности православного духовенства в Галиции. Общим решением митрополита Киевского и Галицкого Флавиана, архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого) и архиепископа Евлогия (Георгиевского) утверждался отказ от насильственного обращения униатов в православие. Архиереи полагали, что «заблудшие овцы должны сами прийти в родную ограду» [56: 3].

Программа деятельности православного духовенства в Галиции, разработанная архиепископом Евлогием, предполагала ряд «осторожных» шагов просветительского характера. Так, священнослужитель ходатайствовал перед Синодом об открытии новых приходов, утверждении трёх должностей благочинных для епархиального управления во Львове, организации перемещения священников из Волынской епархии [40: 2]. Большие надежды архиепископ возлагал на церковно-приходские школы, полагая, что они окажут «громадное влияние на единение Галиции с государственными началами России» [26: 4].

Как отмечает А.Ю. Бахтурина, эта программа была во многом продолжением деятельности архиепископа Антония, реализуемой с первых месяцев войны через издание «Почаевских листков об унии» [1: 30]. Стоит сказать, что начинания Антония (Храповицкого) были продолжены также его учеником, архимандритом Почаевской лавры Виталием (Максименко), являвшимся редактором «Почаевского листка». В этом издании регулярно печатались статьи, в которых униатство рассматривалось как «кайданы» (кандалы. – Е.К.), надетые на «русскую, православную душу», чтобы «отвести её от Христа и заставить поклоняться папе» [14: 2–3]. Вместе с тем критика униатства излагалась обычно в достаточно мягкой форме [4: 1]. Издание призывало галичан вернуться в лоно православия, вспомнив о том, как зарождалось христианство на Руси и чему учили святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий [14: 2–3].

Весной 1915 г. архиепископ Антоний (Храповицкий) обратился к Синоду с предложением более решительных мер по устройению церковного дела в Галиции. В своём обширном докладе владыка

говорил о необходимости открытия духовной семинарии для подготовки местных кадров священников, а также об учреждении в ближайшее время самостоятельной архиерейской кафедры с титулом митрополии [66: 3].

О результатах деятельности Евлогия (Георгиевского) свидетельствуют переходы униатов в православие. Так, по материалам волынской прессы, к православию присоединились: 4 тыс. чел. жителей с. Жолтанцы (в ноябре 1914 г.) [7: 2], 5 приходов вместе с униатами-священниками (в мае 1915 г.) [41: 2]. Труды архиепископа Евлогия были высоко оценены императором. В Высочайшем рескрипте, данном на имя владыки, Николай II отмечал, что при посещении Галичины имел возможность лично ознакомиться с итогами святительского служения архиепископа «на славу святой православной Церкви» [47: 1]. Владыке был также пожалован бриллиантовый крест для ношения на клобуке [47: 1].

Весной 1915 г. архиерей представил на заседании Святейшего Синода доклад, в котором отметил «влечение к православию среди русского населения Галиции» [38: 3], но указал также на необходимость более активного развития церковно-приходских школ и налаживания регулярной отправки священников, поскольку многие приходы не имели пастырей. В это же время «для облегчения управления церквями Червонной Руси» владыка был освобождён от руководства Волынской епархией, его заместил епископ Владимиро-Волынский Фаддей (Успенский) [38: 3].

Значительный пласт материалов волынских изданий был посвящён репрессивной политике австрийского правительства против русских галичан, обвиненных в государственной измене, шпионаже в пользу России и русофильских взглядах. «При самом начале мобилизации по всей Червонной Руси прошли аресты тысяч и казни сотен священников, интеллигентов и крестьян, одним словом всех тех, кто проявлял себя более яркими поборниками русской народной идеи» [53: 1], – отмечали в «Волынской земле». Согласно данным Львовского благотворительного комитета, ко времени занятия русскими войсками Галиции в тюрьмах содержалось около 10 тыс. галичан, из них только 2 тыс. были освобождены, остальные же вывезены вглубь Австро-Венгрии, и их судьба оставалась неизвестной [53: 1]. Вероятно, об этих же заключённых сообщала «Наша Волянь», ссылаясь на телеграммы из архива бывшего Галицкого наместничества [13: 2]. «Около 10 000 русских были заточены в австрийские и мадьярские тюрьмы... Арестованных заковывали в кандалы, водили по улицам, позволяя толпе глумиться. Поруганных и избитых отправляли затем в далёкие тюрьмы Линца, Терезиенштадта, Пильзена и Коморна»

[13: 2], – писали в одной из статей издания. Публиковались также сведения о русинах, отправленных в концентрационный лагерь Талергоф. Так, в «Волинской земле» указывали, что 31 августа 1914 г. из Львова вывезли 1 600 человек, которых по прибытии в Талергоф трое суток держали под открытым небом [58: 3–4]. Позже часть узников перевели в ангар, где ранее размещались аэропланы, пищу предоставляли раз в день, спать приходилось на земле, караульные подвергали заключённых физическому насилию [58: 3–4]. К концу сентября число узников увеличилось до 8 тыс. человек [58: 3–4].

Газета «Наша Волянь» поместила на своих страницах сведения о смертных приговорах, вынесенных австрийскими военно-полевыми судами галицийским крестьянам, рабочим и униатским священникам [31: 1]. Население обвинялось в сообщении сведений русским войскам, угощении русских солдат и указании им дороги, оскорблении особы австрийского императора [31: 1]. Беженцы сообщали, что накануне войны в сёлах округа Турка было повешено 40 крестьян [8: 3]. Один из плененных австрийских прапорщиков указывал, что в деревне Подзамче без суда и следствия были казнены несколько русских солдат, 61 крестьянин, 80 женщин и детей [30: 3], заподозренных в русофильской ориентации.

Особое внимание австрийские власти уделяли арестам священников «русского направления» [60: 3–4]. Ещё до начала Первой мировой войны был организован ряд судебных процессов, связанных с переходом в православие русинских сел на территории Галиции [64]. Так, в 1911 г. было задержано четверо человек, среди которых были православные священники, обвинённых позже в государственной измене и шпионаже. Как позже выяснилось, причиной ареста священников – Игнатия Гудимы и Максима Сандовича – стало весьма странное обстоятельство. В жандармское управление поступил донос постового сторожа Бойчука, который видел ночью двух лиц, измеряющих лентой мост на р. Черемош (в одном из них он узнал И. Гудиму) [25: 2]. Свидетель также добавлял, что сам бы арестовал этих священников, но побоялся мести со стороны жителей с. Залучья, массово перешедших в православие [25: 2].

Судебное разбирательство состоялось только спустя два с половиной года, всё это время Игнатий Гудима (священник), Максим Сандович (священник), Семён Бендасюк (известный галицко-русский общественный деятель) и Василий Колдра (студент юридического факультета Львовского университета) удерживались в тюрьме. «Процесс Сандовича–Бендасюка» или Львовский процесс, несомненно, привлёк внимание общественности. Волинская пресса также не осталась в стороне. На страницах местных изданий подробно описывались

судебные заседания и публиковались показания участников процесса.

6 июня 1914 г. суд присяжных единогласно оправдал подсудимых [37: 84]. Известие об их освобождении было встречено волынскими изданиями далеко не однозначно. Если консервативные газеты Волины были на стороне подсудимых и убеждены в их невинности, то некоторые либеральные издания, например «Наша Волянь», негативно оценивали оправдательный приговор. «Чёрная пресса ликует по поводу освобождения Бендасюка с компанией... Всё шло, как по маслу. И первой неожиданностью был оправдательный приговор. Поляки не оправдали возлагавшихся на них надежд и отказались от обвинения за идеи, хотя бы и очень низкопробного качества, но всё же идеи...» [28: 2–3].

Отступление русской армии из Галиции летом-осенью 1915 г. рассматривалось волинской прессой в качестве стратегического манёвра, который улучшил наши условия войны, позволил выиграть пространство, необходимое для перегруппировки войск [21: 1].

Вместе с русской армией ушли и сотни галичан, опасавшихся репрессий со стороны австрийских властей. «В последнее время особенно тяжелое впечатление произвело на нас, волинцев, массовое движение к нам, на Волянь, русин галичан, когда они... впереди русского воинства перешли нашу границу, спасаясь от ужасов австрийского бесправия и “высокультурных” расправ немцев и мадьяр» [68: 4], – писала «Жизнь Волины». Это же издание говорило о начатых австрийским правительством расстрелах священников, перешедших в православие [59: 1], а также о массовых арестах лиц, заподозренных в русофильстве и сотрудничестве с русскими властями во Львове [16: 2].

Многие беженцы стремились обосноваться на Волины. Среди галичан распространился слух о том, что в Волинской губернии им предоставят в собственность наделы земли за счёт секвестрованных поместий немецких колонистов [29: 4]. Архиепископ Евлогий старался развеять этот миф, отмечая в своем письме, отправленном в редакцию «Волинской земли», что подобных обещаний не было и не могло быть, поскольку вопрос о немецких колониях был поднят после появления галицких беженцев на Волины [29: 4].

На территории Волины были открыты губернские и уездные комитеты, курировавшие приём беженцев. Организовывались пропускные питательные пункты, где галичане подвергались медицинскому освидетельствованию и получали пищу. В случае, если их здоровью угрожала серьёзная опасность, они направлялись в ближайшие больницы [54: 3].

В августе 1915 г. ситуация на Волины обострилась. Эти земли превратились в зону боевых действий в результате австро-герман-

ского наступления. Многие волынские издания были вынуждены прекратить свою работу.

Таким образом, Галицкая Русь в годы Первой мировой войны стала объектом активного обсуждения в волынской прессе. Волынские издания опубликовали ряд важных материалов, освещавших историю, географию и этнографию данного региона. Периодическая печать Волыни была солидарна в вопросах поддержки действий русской армии в Галиции, радостно реагировала на новости о взятии новых городов и оценивала эти события как возвращение Россией её законных владений. Однако по некоторым темам мнения либеральных и консервативных изданий расходились. Так, если либеральная печать Волыни идентифицировала жителей Галиции как украинцев, то правая пресса, отмечая этнографические особенности региона, делала акцент на общерусском единстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтурина А.Ю.* Воссоединение униатов с православием: политика российских властей в Восточной Галиции осенью 1914 г. // Новый исторический вестник. М., РГУ. 2011. № 27 (1). С. 26–37.

2. Беседа с ген-губ. Галиции // Волынь. 1915. 3 мая. № 50. С. 3.

3. Беседа с гр. Бобринским // Наша Волынь. 1915. 7 апреля. № 93. С. 2.

4. Братьям галичанам // Волынская земля. 1914. 9 ноября. № 212. С. 1.

5. В Галиции (Беседа с Н.А. Хомяковым) // Наша Волынь. 1914. 26 сентября. № 256. С. 3.

6. В Галиции // Волынь. 1915. 6 апреля. № 22. С. 2.

7. В Галиции // Наша Волынь 1914. 8 ноября. № 299. С. 2.

8. В Галиции // Наша Волынь. 1914. 12 декабря. № 333. С. 3.

9. В Галиции // Наша Волынь. 1915. 3 марта. № 59. С. 2.

10. В дирекции народных училищ // Волынь. 1915. 7 мая. № 54. С. 4.

11. В Львове // Телеграммы. 1914. 24 сентября. № 45. С. 1.

12. В пользу голодающих галичан // Волынская земля. 1915. 13 января. № 9. С. 4.

13. Варварство австрийцев // Наша Волынь. 1914. 28 сентября. № 258. С. 2.

14. *Виталий, архимандрит.* Без названия // Волынская земля. 1914. 9 ноября. № 212. С. 2–3.

15. *Виталий, архимандрит.* Воляняне! // Волынская земля. 1914. 5 ноября. № 208. С. 1–2.

16. Во Львове // Жизнь Волыни. 1915. 14 июля. № 190. С. 2.

17. Во Львове // Наша Волынь. 1914. 11 ноября. № 302. С. 3.

18. Во Львове // Наша Волынь. 1914. 30 ноября. № 321. С. 3.

19. Во Львові // Наша Волинь. 1914. 7 сентября. № 237. С. 2.
20. Вопрос о поддержке галичанам // Волинь. 1915. 5 мая. № 52. С. 3.
21. Галицийская битва не закончена // Жизнь Волини. 1915. 16 июня. № 162. С. 1.
22. Галицкая Русь // Волинская земля. 1914. 1 ноября. № 205. С. 3–4.
23. *Данилец Ю.В.* Антирусинский судебный процесс 1913–1914 гг. В Марамош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. 2014 № 2 (36). С. 249–269.
24. *Данилец Ю.В.* Переслідування русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого Марамош-Сиготського процесу 1913–1914 рр.) // Русин. 2013. № 4 (34). С. 16–31.
25. Дело галичан // Волинская почта. 1914. № 76. С. 2.
26. Деятельность волинского епархиального училищного совета в Галиции // Жизнь Волини. 1915. 11 февраля. № 41. С. 4.
27. *Джигит.* Перемышль пал // Наша Волинь. 1915. 10 марта. № 68. С. 2.
28. *Дмитренко М.* После Львовского процесса // Наша Волинь. 1914. № 144. С. 2–3.
29. *Евлогий, архиепископ.* Опровержение архиепископа Евлогия // Почаевский листок. 1915. 20 августа. № 28. С. 4.
30. Зверства австрийцев // Волинская земля. 1914. 13 октября. № 195. С. 3.
31. Зверства австрийцев // Наша Волинь. 1914. 13 октября. № 273. С. 1.
32. Земельный вопрос // Волинь. 1915. 14 мая. № 61. С. 4.
33. Земельный вопрос в Галиции // Почаевский листок. 1915. 25 мая. № 20. С. 2.
34. *Зимин И.В., Соколов А.Р., Суляк С.Г.* Николай II в Галиции в 1915 г.: вместе или врозь // Русин. 2016. № 4 (46). С. 205–216.
35. *Зиновьев В.П., Казаков В.В.* Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 120–127.
36. *Иванов А.А.* Украинская тематика в национальном воспитании народных масс Подолии и Волини: по материалам церковных изданий начала XX в. // Русин. 2023. № 74. С. 148–174.
37. *Иов (Смакоуз), епископ.* Священник Игнатий Гудима (1882–1944) – мученик за православную веру и русские идеалы на Галицкой Руси // Русин. 2011. № 3 (25). С. 74–94.
38. К деятельности архиепископа Евлогия // Волинь. 1915. 5 мая. № 52. С. 3.
39. К торговле в Галиции // Наша Волинь. 1914. 18 декабря. № 339. С. 3.
40. К устройению Галичины // Наша Волинь. 1915. 6 марта. № 61. С. 2.
41. *К.В. У-к.* Православие в Галичине // Почаевский листок. 1915. 25 мая. № 20. С. 2.
42. Крепости в Галиции // Наша Волинь. 1914. 11 августа. № 210. С. 2.
43. Крестьянство и интеллигенция в Галиции // Волинь. 1915. 25 мая. № 72. С. 4.

44. Лекция о Галиции // Жизнь Волини. 1915. 3 марта. № 61. С. 3.
45. Львов // Наша Волинь. 1914. 2 августа. № 202. С. 2–3.
46. Мазепинцы без маски // Волинская земля. 1915. 18 апреля. № 82. С. 1–2.
47. *Николай II*. Высочайший рескрипт, данный на имя архиепископа Евлогия // Жизнь Волини. 1915. 9 мая. № 125. С. 1.
48. Осени себя русским крестом, галицко-русский народ. Да будет единая, могучая, нераздельная Русь // Волинская земля. 1915. 16 апреля. № 80. С. 1.
49. Открытие общедоступных курсов русского языка и истории и географии России // Волинь. 1915. 7 мая. № 54. С. 4.
50. Перелом // Волинская земля. 1915. 17 марта. № 58. С. 1.
51. *Позднеев Д.М.* Русские галичане // Жизнь Волини. 1915. 11 января. № 11. С. 1.
52. Помогите многострадальной меньшей братии нашей – Галичанам // Волинская земля. 1915. 30 января. № 24. С. 4.
53. Помогите родной Галичине! // Волинская земля. 1914. 13 ноября. № 215. С. 1.
54. Помощь беженцам из Галиции // Наша Волинь. 1915. 11 июля. № 189. С. 3.
55. Православная церковь в Галиции // Наша Волинь. 1914. 17 сентября. № 247. С. 3.
56. Православное духовенство в Галиции // Наша Волинь. 1914. 18 октября. № 278. С. 3.
57. Пребывание государя императора во Львов // Волинь. 1915. 11 апреля. № 28. С. 2–3.
58. Преследования галичан в Австрии // Волинская земля. 1915. 13 января. № 9. С. 3–4.
59. Расстрел священников в Галичине // Жизнь Волини. 1915. 12 июня. № 158. С. 1.
60. Расстреляны священники и общественные деятели Галиции // Волинская земля. 1914. 10 сентября. № 164. С. 3–4.
61. Русский рубль в Галиции // Жизнь Волини. 1915. 1 апреля. № 87. С. 3.
62. Русское управление в Галичине // Жизнь Волини. 1915. 19 февраля. № 49. С. 1.
63. *Суляк С.Г.* Галицкая Русь в российских неперіодических изданиях начального периода Первой мировой войны // Русин. 2016. № 3 (45). С. 190–216.
64. *Суляк С.Г.* Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2 (16). С. 96–119.
65. *Суляк С.Г.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.

66. Устроение церковных дел в Галичине // Наша Волянь. 1915. 30 апреля. № 116. С. 3.
67. Шелиго-Марковская М. Воскресший край // Жизнь Волини. 1915. 22 марта. № 80. С. 2.
68. Юркевич. С.Г. Голос с места движения беженцев-галичан // Жизнь Волини. 1915. 10 июля. № 186. С. 4.

REFERENCES

1. Bakhturina, A.Yu. (2011) Vossoedinenie uniatoŭ s pravoslaviem: politika rossijskikh vlastey v Vostochnoy Galitsii osen'yu 1914 g. [The reunification of Uniates and the Orthodox Church: The policy of the Russian government in Eastern Galicia in autumn 1914]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 27(1). pp. 26–37.
2. *Volyn'*. (1915a) Beseda s gen-gub. Galitsii [A conversation with the Governor-General of Galicia]. 3rd May. p. 3.
3. *Nasha Volyn'*. (1915a) Beseda s gr. Bobrinskim [A conversation with Bobrinsky]. 7th April. p. 2.
4. *Volynskaya zemlya*. (1914a) Brat'yam galichanam [To the Galician brothers]. 9th November. p. 1.
5. *Nasha Volyn'*. (1914a) V Galitsii (Beseda s N.A. Khomyakovym) [In Galicia (A conversation with N.A. Khomyakov)]. 26th September. p. 3.
6. *Volyn'*. (1915b) V Galitsii [In Galicia]. 6th April. p. 2.
7. *Nasha Volyn'*. (1914b) V Galitsii [In Galicia]. 8th November. p. 2.
8. *Nasha Volyn'*. (1914c) V Galitsii [In Galicia]. 12th December. p. 3.
9. *Nasha Volyn'*. (1915b) V Galitsii [In Galicia]. 3rd March. p. 2.
10. *Volyn'*. (1915c) V direktsii narodnykh uchilishch [At the Directorate of Public Schools]. 7th May. p. 4.
11. *Telegrammy*. (1914) V L'vove [In Lvov]. 24th September. p. 1.
12. *Volynskaya zemlya*. (1915a) V pol'zu golodayushchikh galichan [In favor of starving Galicians]. 13th January. p. 4.
13. *Nasha Volyn'*. (1914d) Varvarstvo avstriytsev [Austrian barbarism]. 28th September. p. 2.
14. Vitaliy, archimandrite. (1914) Bez nazvaniya [Untitled]. *Volynskaya Zemlya*. 212. pp. 2–3.
15. Vitaliy, archimandrite. (1914) Volyniane! [Volhynians!]. *Volynskaya Zemlya*. 208. pp. 1–2.
16. *Zhizn' Volyni*. (1915a) Vo L'vove [In Lvov]. 14th July. p. 2.
17. *Nasha Volyn'*. (1914e) Vo L'vove [In Lvov]. 11th November. p. 3.
18. *Nasha Volyn'*. (1914f) Vo L'vove [In Lvov]. 30th November. p. 3.
19. *Nasha Volyn'*. (1914g) Vo L'vove [In Lvov]. 7th September. p. 2.
20. *Volyn'*. (1915d) Vopros o podderzhke galichanam [The issue of the support to Galicians]. 5th May. p. 3.

21. *Zhizn' Volyni*. (1915b) Galitsiyskaya bitva ne zakonchena [The Battle of Galicia is not over]. 16th July. p. 1.
22. *Volynskaya zemlya*. (1914b) Galitskaya Rus' [Galician Rus']. 1st November. pp. 3–4.
23. Danilets, Ju.V. (2014) Newspapers “Delo” and “Delo and New Slovo” as a source of history trial in Marmarosh-Sigot years 1913–1914. *Rusin*. 2(36). pp. 249–269 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/36/16
24. Danilets, Ju.V. (2013) Peresliduvannya rusiniv za viru v Avstro-Ugorshchini naperedodni Pershoi svitovoi viyni (do 100-richchya drugogo Maramorosh-Sigots'kogo protsesu 1913–1914 rr.) [Persecution of Rusins for the faith in Austria-Hungary before World War (100th Anniversary of the Second Marmarosh-Sighet Trial 1913–1914)]. *Rusin*. 4(34). pp. 16–31. doi: 10.17223/18572685/34/2
25. *Volynskaya pochta*. (1914) Delo galichan [The Case of Galicia]. p. 2.
26. *Zhizn' Volyni*. (1915c) Deyatel'nost' volynskogo eparkhial'nogo uchilishchnogo soveta v Galitsii [Diocesan School Council activities in Galicia]. 11th February. p. 4.
27. Dzhigit. (1915) Peremysl' pal [Przemyśl has fallen]. *Nasha Volyn'*. 10th March. p. 2.
28. Dmitrenko, M. (1914) Posle L'vovskogo protsesa [After the Lvov Trial]. *Nasha Volyn'*. 144. pp. 2–3.
29. Evlogiy, Archbishop. (1915) Oproverzhenie arkhiepiskopa Evlogiya [Refutation of Archbishop Evlogy]. *Pochaevskiy listok*. 20th August. p. 4.
30. *Volynskaya zemlya*. (1914c) Zverstva avstriytsev [Barbarities committed by Austrians]. 13th October. p. 3.
31. *Nasha Volyn'*. (1914h) Zverstva avstriytsev [Barbarities committed by Austrians]. 13th October. p. 1.
32. *Volyn'*. (1915e) Zemel'nyy vopros [The agrarian question]. 14th May. p. 4.
33. *Pochaevskiy listok*. (1915) Zemel'nyy vopros v Galitsii [The agrarian question in Galicia]. 25th May. p. 2.
34. Zimin, I.V., Sokolov, A.R. & Sulyak, S.G. (2016) Nicholas II in Galicia in 1915: Together or apart]. *Rusin*. 4(46). pp. 205–216 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/46/12
35. Zinoviev, V.P. & Kazakov, V.V. (2016) Magazine “Slavic Century” on the situation of the Ruthenians of Galicia in the late 19th – early 20th century. *Rusin*. 1(43). pp. 120–127 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/43/8
36. Ivanov, A.A. (2023) Ukrainian themes in the national education of peasantry in Podolia and Volhynia: Following church publications of the early 20th century. *Rusin*. 74. pp. 148–174 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/7
37. Iov (Smakouz), Bishop. (2011) Svyashchennik Ignatij Gudima (1882–1944) – muchenik za pravoslavnyuyu veru i russkie idealy na Galitskoy Rusi [Priest Ignatii Hudima (1882–1944) – Martyr for the Orthodox Faith and Russian Ideals in Galician Rus']. *Rusin*. 3(25). pp. 74–94.

38. *Volyn'*. (1915f) K deyatel'nosti arkhiepiskopa Evlogiya [On the activities of Archbishop Evlogy]. 5th May. p. 3.
39. *Nasha Volyn'*. (1914i) K tovgovle v Galitsii [On the trade in Galicia]. 18th December. p. 3.
40. *Nasha Volyn'*. (1915c) K ustroeniyyu Galichiny [On the dispensation of Galicia]. 6th March. p. 2.
41. K.V. U-k. (1915) Pravoslavie v Galichine [Orthodoxy in Galichina]. *Pochaevskiy listok*. 25th May. p. 2.
42. *Nasha Volyn'*. (1914j) Kreposti v Galitsii [Fortresses in Galicia]. 11th August. p. 2.
43. *Volyn'*. (1915g) Krest'yanstvo i intelligentsiya v Galitsii [Peasants and intelligentsia in Galicia]. 25th May. p. 4.
44. *Zhizn' Volyni*. (1915d) Lektsiya o Galitsii [Lecture on Galicia]. 3rd March. p. 3.
45. *Nasha Volyn'*. (1914k) L'vov [Lvov]. 2nd August. pp. 2–3.
46. *Volynskaya zemlya*. (1915b) Mazepintsy bez maski [Mazepinians unmasked]. 18th April. pp. 1–2.
47. Nikolay II. (1915) Vysochayshiy reskript, dannyy na imya arkhiepiskopa Evlogiya [The Highest Mandate drawn in the name of Archbishop Evlogy]. *Zhizn' Volyni*. 9th May. p. 1.
48. *Volynskaya zemlya*. (1915c) Oseni sebya russkim krestom, galitsko-russkiy narod. Da budet edinaya, moguchaya, nerazdel'naya Rus' [Make the sign of the Russian Cross, Galician – Russian people. May there be united, powerful and indivisible Rus]. 16th April. p. 1.
49. *Volyn'*. (1915h) Otkrytie obshchedostupnykh kursov russkogo yazyka i istorii i geografii Rossii [Opening of the public courses in Russian, history and geography of Russia]. 7th May. p. 4.
50. *Volynskaya zemlya*. (1915d) Perelom [The turning point]. 17th March. p. 1.
51. Pozdneev, D.M. (1915) Russkie galichane [Russian Galicians]. *Zhizn' Volyni*. 11th January. p. 1.
52. *Volynskaya zemlya*. (1915e) Pomogite mnogostradal'noy men'shey brat'i nashey-Galichanam [Help our long-suffering lesser brethren – Galicians]. 30th January. p. 4.
53. *Volynskaya zemlya*. (1914d) Pomogite rodnoy Galichine! [Help our native Galichina!]. 13th November. p. 1.
54. *Nasha Volyn'*. (1915d) Pomoshch' bezhentsam iz Galitsii [Help for refugees from Galicia]. 11th July. p. 3.
55. *Nasha Volyn'*. (1914l) Pravoslavnaya tserkov' v Galitsii [Orthodox Church in Galicia]. 17th September. p. 3.
56. *Nasha Volyn'*. (1914m) Pravoslavnoe dukhovenstvo v Galitsii [Orthodox clergy in Galicia]. 18th October. p. 3.
57. *Volyn'*. (1915i) Prebyvanie gosudarya imperatora vo L'vov [The staying of Sovereign Emperor in Lvov]. 11th April. pp. 2–3.

58. *Volynskaya zemlya*. (1915f) Presledovaniya galichan v Avstrii [The persecution of Galicians in Austria]. 13th January. pp. 3–4.
59. *Zhizn' Volyni*. (1915e) Rasstrel svyashchennikov v Galichine [Execution of priests in Galichina]. 12th June. p. 1.
60. *Volynskaya zemlya*. (1914e) Rasstrelyany svyashchenniki i obshchestvennye deyateli Galitsii [Priests and public figures of Galicia executed]. 10th September. pp. 3–4.
61. *Zhizn' Volyni*. (1915f) Russkiy rubl' v Galitsii [Russian roubles in Galicia]. 1st April. p. 3.
62. *Zhizn' Volyni*. (1915g) Russkoe upravlenie v Galichine [Russian administration in Galicia]. 19th February. p. 1.
63. Sulyak, S.G. (2016) Galician Rus in Russian non-periodicals during the early stages of WWI. *Rusin*. 3(45). pp. 190–216 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/45/14
64. Sulyak, S.G. (2009) Rusinskiy i ukrainskiy voprosy nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Rusin and Ukrainian questions on the eve of WWI]. *Rusin*. 2(16). pp. 96–119.
65. Sulyak, S.G. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: Lessons of a Tragic History]. *Rusin*. 3–4 (13-14). pp. 7–34.
66. *Nasha Volyn'*. (1915e) Ustroenie tserkovnykh del v Galichine [Arrangement of church affairs in Galicia]. 30th April. p. 3.
67. Sheligo-Markovskaya, M. (1915) Voskresshiy kray [The resurrected land]. *Zhizn' Volyni*. 22nd March. p. 2.
68. Jurkevich, S.G. (1915) Golos s mesta dvizheniya bezhentshev-galichan [The voice from the place of movement of refugees – Galicians]. *Zhizn' Volyni*. 10th July. p. 4.

Ковалева Елизавета Олеговна – аспирант, лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Elizaveta O. Kovaleva – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: st055567@student.spbu.ru

УДК 94(437.6)"1939/1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/10

Політична участь русинів у Словацькій народній партії Глінки в Шарисько-Земплінській жупі (1939–1945)

Н.В. Марадик¹, Г.Г. Секелі

^{1,2} Пряшівський університет в Пряшеві

Словакія, 080 01, м. Пряшів, вул.17 новембра, 15

¹ E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

² E-mail: gabriel.szekely@unipo.sk

Авторське резюме

У статті розглядається політична участь і політична діяльність русинів в умовах авторитарного режиму Словацької Республіки (1939–1945). Будь-яка діяльність цієї національної меншини була суттєво обмежена та контрольована політичним режимом. Єдиним легітимним варіантом політичної ангажованості була організація в рамках монополії Словацької народної партії Глінки, яка від створення держави домогалася гомогенізації політичної та національної свідомості. Незважаючи на початкове збільшення членства, діяльність Словацької народної партії Глінки, спрямована на підтримку мобілізації та активізації русинів і греко-католиків у Шарисько-Земплінській жупі на користь режиму, була безуспішною.

Ключові слова: авторитарний режим, Словацька народна партія Глінки, політичні школи, русини, Шарисько-Земплінська жупа, Словацька Республіка (1939–1945)

Политическое участие русинов в Словацкой народной партии Глинки в Шаришско-Земплинской жупе (1939–1945)

Н.В. Марадик¹, Г.Г. Секели²

^{1,2} Пряшевский университет в Пряшеве

Словакия, 080 01, г. Пряшев, ул. 17 новембра, 15

¹ E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

² E-mail: gabriel.szekely@unipo.sk

Авторское резюме

Рассматриваются политическое участие и политическая деятельность русинов в условиях авторитарного режима Словацкой Республики (1939–1945). Любая деятельность этого национального меньшинства была существенно ограничена и контролировалась политическим режимом. Единственным легитимным вариантом политической ангажированности была организация в рамках монополии Словацкой народной партии Глинки, от создания государства добивавшейся гомогенизации политического и национального сознания. Несмотря на первоначальное увеличение членства, деятельность Словацкой народной партии Глинки, направленная на поддержку мобилизации и активизации русинов и греко-католиков в Шаришко-Земплинской жупе в пользу режима, была безуспешна.

Ключевые слова: авторитарный режим, Словацкая народная партия Глинки, политические школы, русины, Шаришко-Земплинская жупа, Словацкая Республика

The political participation of Rusins in Hlinka's Slovak People's Party in the Šariš-Zemplín County (1939–1945)

Nataliya V. Maradyk¹, Gabriel G. Székely²

^{1,2} Prešov University in Prešov

17 novembra str., 15, Preshov, 080 01 Slovakia

¹ E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

² E-mail: gabriel.szekely@unipo.sk

Abstract

The article examines the political participation and activities of Rusins in the authoritarian regime of the Slovak Republic (1939–1945). Any activity of this ethnic minority was severely curtailed and controlled under the political regime. The only legitimate option for political engagement was to organise within the monopolistic Hlinka's Slovak People's Party (HSL'S), which had been pursuing the homogenisation of political and national consciousness since the establishment of the Slovak state. Despite an initial increase in membership, the HSL'S activity aimed at supporting mobilisation and activation of Rusins and Greek Catholics within the Šariš-Zemplín County in favour of the regime was unsuccessful. The organisation of HSL'S political schools at

district and local (municipal) levels did not help to achieve this goal either. The article complements the knowledge on the issue presented by historical research. Based on the analysis and interpretation of primary sources from the Slovak National Archive in Bratislava, journalistic materials as well as published works, the paper presents a view of the mutual relationship between Rusins and the regime's representatives, who, through the HSL'S, controlled and limited political activities of the Rusin minority. Ever since the establishment of the Slovak state, as a result of the pressure of Slovak nationalism, the representatives of the Rusin minority did not have much sympathy for the regime and did not identify with the political concept of a unified Slovak nation. The fact that Rusins were not allowed to organize politically within their own political party contributed substantially to the apathy of this ethnic group and their lack of interest in the political events of the regime, including the monopolistic state party.

Keywords: authoritarian regime, Hlinka's Slovak People's Party, political schools, Rusins, Šariš-Zemplín County, Slovak Republic (1939–1945)

Вступ

Питання національних меншин має особливий статус у кожному недемократичному режимі. Не став винятком і політичний режим Словацької Республіки (1939-1945), який з політичної точки зору можна віднести до категорії авторитарних, хоча на певному етапі свого розвитку він мав тенденцію до тоталітарного з елементами фашизму, особливо щодо рівня репресій проти єврейської меншини, включаючи депортації та закони арізації.

Хоча режим Словацької Республіки, заснований на Конституції від 21 липня 1939 року, базувався на національно-християнських засадах, фактично існували репресивні заходи по відношенню до кількох національних та конфесійних меншин, що в кінцевому підсумку вплинуло на можливості їхнього суспільно-політичного життя. Так було і з русинами, які перебували в Словацькій державі в особливій ситуації порівняно з іншими меншинами [7–9]. Русинське населення було зосереджено на відносно компактній і вузькій території бідніших районів північно-східної Словаччини (Стропків, Свидник, Меджилабірці), північних частинах Земпліна та Шариша. Значна частина русинів також населяла Спиш, в якому можна виділити три географічні зони поселення. Специфікою цієї меншини була відсутність єдиної мови та культурно-лідерського прошарку, що унеможливлювало формування усвідомлення національної належності. Як і для єврейського населення, основним інтегруючим елементом для русинів була релігійна приналежність – у даному випадку це була прихильність

до греко-католицької церкви. На практиці ж це була довготривала і часта проблема ідентифікації русинської національності та релігії, яка згодом стала джерелом непорозумінь і напруги між державною владою та ієрархією цієї церкви на кількох рівнях [2; 3].

Після створення Словацької держави (14 березня 1939 року) територія республіки з 1 січня 1940 року була поділена на шість жуп, кожен жуп очолював призначений урядом жупан, а самоврядні функції виконував Жупний комітет. Ці жупи поділялися на округи на чолі з окружним старостою. З точки зору нового державно-правового устрою, після розпаду Першої Чехословацької Республіки, більшість русинів і греко-католиків була зосереджена на території Шарисько-Земплінської жупи, яку очолив спочатку жупан Штефан Гашшік, згодом Андрей Дудаш. Частина русинських і греко-католицьких парафій також лежала на території Татранської жупи, якою весь час існування Словацької Республіки керував жупан Коломан Слушні [37]. Згадані шарисько-земплінські жупани були відомі своїм сильним націоналістичним ставленням до національних меншин, зокрема русинської. У практичному плані ці підходи відбилися в підозрі русинів – греко-католиків у підтримці угорського ірредентизму та ревізії словацьких кордонів, а також у різноманітних напруженнях і ворожих діях щодо греко-католицької церкви та особи пряшівського єпископа Павла Гойдіча, який став захисником прав русинів і духовенства русинської національності.

У книзі Андрея Дудаша «Русинське питання та його підґрунтя» (1971) зазначено, що під час своєї діяльності в Пряшеві він послідовно спостерігав за розвитком т.зв. русинського питання, яке він хотів остаточно вирішити. У переписі населення у східній Словаччині він помітив потенційну небезпеку, яка сприяла б сепаратистським тенденціям. Він був переконаний, що сама ідея русинської національності була лише витонченим маневром і винаходом угорських кіл, тоді як він приписував русинам словацьке походження і характер [4: 45].

Саме обмеження русинів відбулося вже після проголошення автономії Словацького краю (1938 рік). Створення словацької держави не створило сприятливої атмосфери для русинів, і напруга зростала. На початку 1939 року Русинську національну раду, яка на той час була єдиним політичним представництвом русинів, було заборонено. Газета «Пряшевская Русь» припинила виходити, а діяльність Товариства Духновича була обмежена [39]. Очікувалося, що русинські депутати в словацькому парламенті підтримають політику уряду. Правляча Словацька народна партія Глінки (далі – СНПГ) розглядала русинів як проблемну етнічну групу. Страх перед русинами базувався на переконанні, що вони або прихильники угорського ірредентизму,

або комуністи з Росії. Саме тому ці обмеження з боку держави були найбільш виразними в політичній сфері. Сам перепис населення мав на меті СНПГ служити інструментом доказу статистичної малочисельності русинського населення. Словацькій владі це вдалося, оскільки порівняно з переписом 1930 року було зафіксовано зменшення їх чисельності на 12,7%. Однак перепис населення викликав чимало протестів, і русини дуже сумнівалися в його об'єктивності [6: 137]. Подальші спроби русинів у 1939–1940 роках створити власну партію, а також Русинську гвардію на зразок гвардії Глінки, не увінчалися успіхом. Співпраця з СНПГ, яка конституційно була єдиним репрезентантом політичного життя, через якого словацький народ мав право брати участь у державній владі, виявилася врешті єдиною можливістю політичної ангажованості русинів.

1. Організація Словацької народної партії Глінки в Шарисько-Земплінській жупі

Після створення Словацької держави Словацька народна партія Глінки почала організовувати установчі збори на рівні окремих жуп, щоб розширити свою владу в державі та організаційній структурі серед простих людей. Це також було й у східній Словаччині в Шарисько-Земплінській жупі. Перші установчі збори жупної організації Словацької народної партії Глінки відбулися в неділю 17 грудня 1939 року в домі Католицької громади в Пряшеві. Це була велика світська подія. Головний секретар СНПГ Франтішек Галан, міністр юстиції Гейза Фріц, жупан Штефан Гашшік, а також деякі депутати, які проживали у східній Словаччині – Андрей Гермушка, Матей Гутка, греко-католицький священник Антон Симко, окружний секретар СНПГ Флоріан Шаш – були присутні. У заході також взяв участь кошицький єпископ Йозеф Чарські. На зустрічі мали виступити й інші гості, оскільки серед запрошених були всі окружні голови жуп, старости, районні делегати СНПГ та інші. Загальні збори СНПГ нарешті зустріли великий інтерес громадян і відбулися за високої участі всіх жупних депутатів, включаючи 600 делегатів з окремих районів східної Словаччини [10].

Однією з цілей загальних зборів було запропонувати відповідних кандидатів на посади голів жупних організацій СНПГ та Жупного комітету. Остаточний список кандидатів мав бути переданий президенту республіки Йозефу Тісові, який мав остаточно призначити президента СНПГ у Шарисько-Земплінській жупі. Однак керівництво СНПГ діяло обережно, оскільки протягом 1940 року вони вимагали від Центру державної безпеки у Братиславі, за допомогою окремих районних відділень, записи політичних партій у жупі. Метою цього

кроку була ретельна перевірка колишньої політичної заангажованості та благонадійності кандидатів на посади голів та секретарів місцевих організацій СНПГ [26].

Організація населення східної Словаччини в нижчих структурах СНПГ пройшла гладко, особливо в тих округах, де переважну більшість становили словаки, переважно римо-католики. Оскільки у східній Словаччині був різноманітний склад населення, організація СНПГ зайняла всі окружні офіси. Причиною стало пріоритетне завдання уряду Словацької Республіки якнайшвидше консолідувати національно-політичні умови в державі та стабілізувати ситуацію, особливо на сході Словаччини. Загальне задоволення населення політичною орієнтацією та організацією СНПГ могло бути порушено особливо тими муніципалітетами, де населення було виключно або переважно русинським та греко-католицьким. Однак поступово стало зрозуміло, що багато хто приєднався до СНПГ не з ідеологічних чи національних міркувань, а з прагматичних міркувань, щоб отримати особисті та економічні бенефіти [18].

З метою посилення діяльності та ефективності СНПГ з 12 лютого 1941 року почали організовуватись курси для місцевих партійних голів у окружних містах Шарисько-Земплінської жупи за участю депутатів і чиновників партії. Крім того, приклад Стропківського округу демонструє задоволеність керівництва СНПГ його діяльністю на нижчих рівнях організації. Культпрацівники та вчителі брали участь у поширенні партійної ідеології в усіх селах округу, а в деяких селах, особливо з русинським населенням, вдалося створити місцеву організацію СНПГ, яка була основною організаційною одиницею партії на найнижчому рівні [20].

Після двох років існування СНПГ мала 670 місцевих організацій (з 705 муніципалітетів) і 35 опікунств з більш ніж 40 000 членами в десяти округах Шарисько-Земплінської жупи. Місцеві організації об'єдналися в 10 районних організацій [16]. Точнішу, хоч і неповну інформацію додала щоденна газета Словак 14 березня 1941 року.

**Кількість місцевих організацій СНПГ та їх членів
у 10 округах Шарисько-Земплінської жупи станом на 14 березня 1941 р.**

	Округ	Кількість місцевих організацій	Кількість членів
1	Пряшів (місто IV)	120	7 904
2	Сабінов	67	3 394
3	Бардіїв	71	3 270
4	Гіралтовце	52	1 086
5	Требішов	52	3 596
6	Вранов-над-Топлею	56	2 706
7	Михайлівці	70	4 969
8	Гуменне	61	2 530

9	Стропків (і Свидник)	81	2 881
10	Меджилабірці	Невказано	Невказано
РАЗОМ		630	32 336

Джерело: [11: 23 – Arizácia na východe].

Очолив жупну організацію заступник генерального секретаря СНПГ, депутат Андрей Гермушка. Жупний секретаріат знаходився в Пряшеві, окружні секретаріати були в містах: Бардіїв, Гуменне, Михайлівці, Пряшів, Сабінов, Сечовце та Стропків. Планувалося створити нові секретаріати в Гралтовцях, Меджилаборцях та Вранові-над-Топлею. Структурно з СНПГ було тісно пов'язане Словацьке християнсько-соціальне об'єднання профспілок, яке мало два секретаріати в жупі (Пряшів, Михайлівці). У жупі діяло понад 100 профспілкових організацій, які налічували понад 8 тис. членів. Майже 6000 чиновників розвивали діяльність СНПГ в селах [12; 19].

З вищесказаного випливає, що хоч СНПГ поступово утвердилася також у східному регіоні, де вона не мала успіху до 1938 року, це не допомогло фундаментальнішій політичній мобілізації русинів. Як зазначив Іван Бака, якщо з одного боку СНПГ докоряла русинам за небажання брати участь у політичному житті, то з іншого боку вона парадоксальним чином дискримінувала їх у виборі посадових осіб до партії. Саме це виявилось головною причиною їх незацікавленості політичним життям республіки [1:182].

2. Політична участь русинів у Словацькій народній партії

Глінки

На установчих загальних зборах жупної організації СНПГ у Пряшеві (17 грудня 1939 року) Михал Бонько, русинський учитель із Вишнього Свидника, був запропонований до складу Жупного комітету. Дивно, але ім'я депутата словацького парламенту Антона Симка, греко-католицького священика з Вишньої Ольки (округ Меджилабірці), який був русином за національністю, не було включено до списку, хоча він був запрошений на зустріч. Однією з можливих причин цієї відсутності видається негативний політичний профіль священика, про який знав навіть сам президент Йозеф Тісо з таємного документа центрального штабу захисту сім'ї від 18 січня 1940 року.

Згадана перевірка політичних профілів президентів і секретарів місцевих організацій СНПГ у муніципалітетах жупи (від січня 1940 року) стосувалася також русинських муніципалітетів, де було розпочато їх діяльність. Загалом можна сказати, що в 1940 році залучення русинів до керівних посад Міністерства оборони СНПГ (наприклад

голови, секретаря, писаря) в рамках жупи було дуже слабким. У Бардіївському окрузі вони були лише в чотирьох селах: Біловежа (Ян Марко), Липова (Ян Кокінда), Нижня Полянка (Андрій Юрчишин), Вишня Полянка (Андрій Янкув) [27]. Найбільш політично активні русини на посадах на місцевому рівні були в окрузі Стропків, зокрема в селах Млинарівці (Ян Михал Кідала), Брезничка (Франтішек Шашко), Великы Буківці (Петро Гойдіч, Михал Шлепецький), Брусниця (Ян Антош, Микола Подгаєцький), Бодружаль (Михал Грінко) і Прикра (Ян Волчко Петров) [25; 32].

Приклад деяких із названих русинів може продемонструвати їхній прагматичний і навіть утилітарний підхід до утвердження в СНПГ. Деякі з них були або членами, або прихильниками Російського Союзу під час Першої Чехословаччини. Ще цікавішим був «ідеологічний поворот» тих чиновників СНПГ, які були колишніми членами Комуністичної партії Чехословаччини, тоді як сама зміна партійного ярлика не обов'язково означала відмову від колишньої ідеологічної орієнтації. Решта були або словацької національності, або римо-католики та колишні комуністи. Тих членів СНПГ, які мали будь-яке відношення до угорської національності, вважали неблагонадійними. Проте парадокс полягав у тому, що не в одному випадку на посаду голови Міністерства оборони Словацької Республіки призначалася особа з кримінальним минулим. Парадоксально звучала й явна «словацькість» деяких чиновників. Водночас для русинів було принизливим, якщо хтось приховував або заперечував своє походження. Хоча в деяких округах (Гуменне, Михайлівці) національність і релігійна приналежність функціонерів міських організацій СНПГ не вказувалися, участь у партійних функціях була очевидно більшою серед словацьких греко-католиків, особливо в селах Земпліна [21–23; 30–32].

Не тільки з вищесказаного впливає, що від створення Словацької держави русини не були схильні до думки приєднатися до СНПГ. Навпаки, державна влада свідомо не помічала той факт, що українців у державі було лише мізерно порівняно з переважною більшістю русинів (інтелігенція, духовенство і особливо простий народ). Це також впливає зі звіту присяжного Штефана Гашшіка для Штабу державної безпеки, в якому він зазначив, що «ми не можемо допустити політичної партії для русинів, тому що вони не згуртовані в одну національну групу», а також через меморандум, який українці направили до міністра внутрішніх справ Олександра Маха [24; 38].

Нерозуміння русинами, «за дуже маленькими винятками», вступу до СНПГ зберігалося навіть у Бардіївському окрузі, як описано в періодичному звіті для Штабу державної безпеки від квітня 1940 року. Діяльність партії розвивалася лише в словацьких селах. Державна

влада бачила вихід у тому, щоб налагодити стосунки з СНПГ так, щоб «русини мали доступ до цих організацій», або принаймні, щоб «заснувалися русинські філії» [25]. У подібному дусі звучали періодичні звіти за липень 1940 року («в русинських селах починається об'єднавчий процес у СНПГ») та вересень 1940 року, де вже відзначалося посилення діяльності СНПГ, яка заснувала «18 організацій в русинських селах». Державна влада вважала це ознакою «політичного об'єднання округу, незалежно від національності населення» [28].

У 1941 році нові місцеві організації СНПГ були створені в кількох русинських селах, не тільки в Меджилаборецькому окрузі. Тим не менш, збільшення членів не було масовим. Хоча в періодичному звіті про діяльність СНПГ в Меджилаборецькому окрузі від квітня 1941 року зазначено, що «організація СНПГ в русинських селах триває, партійна діяльність розширюється, кількість членів постійно збільшується», це було неправдиве твердження та цілеспрямована пропаганда [13–15]. Дійсність у селах не виправдала сподівань, що СНПГ досягне успіху «саме змістовною, позитивною працею, а саме серед русинського народу». Розбіжності панували, наприклад, у римо-католицькому селі Грубов, де обурення викликало рішення Центрального господарського управління (ЦГУ) заволодіти єврейським майном, яке було передано неправомірній молодій жінці, а не «свідомому русинові – урядовому комісарові села Волиця – Михалові Крутилові», як сталому членові СНПГ [35]. Пізніше в лютому 1942 року Окружна канцелярія в Меджилабірцях повідомила, що первісну аризацію було скасовано і призначено власником майна Михала Крутилу. Це змінене рішення нібито викликало «добрий резонанс серед русинів, які бачать, що русинів загалом добре підтримують економічно» [36]. Варто додати, що після прийняття у вересні 1941 року антиєврейських законів про аризацію багато русинів захопили єврейські крамниці, землю та інше майно і таким чином розбагатіли. Тому соціальне питання мало фундаментальний вплив на ступінь лояльності русинів до політичного режиму. Русини очікували від свого членства в СНПГ матеріальної вигоди, але в корумпованому середовищі партійно-державних структур ресурси для вирішення русинського питання не були використані належним чином. Серед русинського населення зростало невдоволення і недовіра до державного режиму, а в деяких селах на знак протесту русини масово вимагали виключення їх із СНПГ [1: 175].

Дефіцит партійної мобілізації також був помітний в інших містах з греко-католицьким чи русинським населенням. Поступово в районах активізувалися та створювалися Жіночі спілки соціальної та благодійної діяльності при місцевих організаціях СНПГ. Одну із них

було створено в русинському селі Чирч (округ Стара Любовня). У прикордонних селах створювалися довірчі громади [33].

У 1942 році русини були представлені в словацькому парламенті двома депутатами, які мали точно визначений виборчий округ – Антоном Симком (Меджилабірці) і Михалом Боньком (Стропків, Вишній Свидник). Наприкінці квітня 1942 року він відвідав кілька муніципалітетів свого округу, де спілкувався з місцевими чиновниками про їхні проблеми та занепокоєння на робочих інформаційних зустрічах, які згодом міг представити на обговореннях сейму в Братиславі. З 15 лютого по 8 березня 1942 року депутат Антон Симко за розпорядженням Генерального секретаріату СНПГ провів робочі загальні збори Міністерства оборони в переважній більшості міст свого округу (30 з 50). Багато хто був незадоволений його роботою, оскільки він не приїжджав належним чином щотижня до Меджилабірців, де б вислуховував скарги своїх виборців й інтерпретував їх в Пряшеві чи Братиславі, як і інші депутати. Тому багато проблем у цьому районі вирішувалися дуже довго і важко, людям доводилося звертатися до місцевої влади і просити допомоги. Незважаючи на цю критику, він був призначений членом жупного суду СНПГ у грудні 1942 року за пропозицією Генерального секретаріату [16].

Політичні школи СНПГ діяли в округах, населених русинами. 16-21 листопада 1942 року вона відбулася в Бардіївських Купелях округу Бардіїв. Депутат Йозеф Ваньо підкреслив, що в політичній школі без різниці беруть участь як словаки, так і русини, і що ця участь є знаком і виявом конструктивності місцевих людей. В середині партії співпраця між словаками і русинами буде максимально широкою» [17; 29].

Окружний відділ у Меджилабірцях у звіті для Штабу державної безпеки, за листопад 1942 року резюмував атмосферу політичної школи в окрузі, де «єдність русинів і словаків була провідною ідеєю» цього заходу, «чим процес консолідації лише підтримувався» [37]. Одночасно було наполягання, щоб Штаб державної безпеки вирішив питання організації русинів у СНПГ, бо «русини самі вимагають, щоб вони були організовані в СНПГ, оскільки досі в партії можуть бути лише ті, хто заявляє про словацьку національність» [34]. Для русинів йшлося про «самостійну організацію в межах СНПГ, або окремої партії», як це було, наприклад, у Бардіїві. Тому вже в наступному звіті Окружного управління в Меджилабірцях до Штабу державної безпеки за грудень 1942 року було занепокоєння, що питання організації русинів у СНПГ «з кожним днем стає все гострішим». Подібно Окружне управління в Бардіїві нагадало, що русини в своїй національній свідомості починають розуміти свою політичну місію «попередньо в межах СНПГ, але також є намагання самостійно організуватись на основі Словацької

держави». Окружний голова вважав організацію русинів у складі СНПГ або самостійно «дуже доречною». Аргументом проти ненависників людаків мало бути те, що словаки «не шукають більш конкретного вирішення русинського питання» [40]. З цієї причини, у зв'язку з переговорами щодо русинського питання, Міністерство внутрішніх справ оголосило в конфіденційній доповіді в січні 1943 року, що «після обговорення Міністерство внутрішніх справ дасть призначеним для цього русинським політикам директиви сформувати русинську політичну партію, або запропонував би президії СНПГ створити в партії особливий відділ для інтересів русинської національної групи» [41]. Шукаючи вирішення гострої проблеми співіснування словаків і русинів з остаточним задовільним вирішенням питання організації русинів у СНПГ, окружний голова у Меджилабірцях рекомендував прийняти пропозицію депутата Михала Бонька, щоб «русини мали бути організованою в СНПГ як її складовою, а не окремо, що означало б створення нової спеціальної партії» [42].

Висновки

Досліджуючи рівень політичної мобілізації в авторитарному режимі Словацької Республіки (1939–1945), загалом можна зафіксувати початковий інтерес режиму до мобілізації та участі мас у суспільному житті. Головною детермінантою цього стану було намагання легітимізувати встановлений режим і новоутворену державу. Окрім економічних, соціальних і політичних причин, на вищезазначені відносини часто впливав головним чином особистий досвід громадянина з режимом та умови його життя в режимі. Можна погодитися з думкою, що, окрім внутрішньої та зовнішньої політики, на відношення громадян до своєї держави та режиму спочатку впливала «повсякденна життєва практика, надії, ілюзії та розчарування, звичайні турботи та радощі» [5: 183]. На етапі встановлення режиму почуття страху та невизначеності вщухли, змінившись ейфорією та гордістю від встановленого стану, тоді як більшість населення (включно з деякими антирежимними групами) поступово ідентифікувала цю конституційну зміну та сприйняла її як «менше зло» або «вихід з кризи». Створення нової держави мало з собою певний мобілізуючий ефект, оскільки зміцнювало впевненість населення в собі та національну гордість громадян.

З точки зору політичної мобілізації, ключовим фактором була домінуюча партія режиму – Словацька народна партія Глінки разом з її монопольними організаціями (Глінкова гарда, Глінкова молодь). Вона мала конституційно гарантоване становище партії з монополією на державну владу та політичні права. Громадянам дозволялося

займатися політикою лише через цю партію. Ця політична монополія, заснована на ідеї необхідного «об'єднання» нації та безумовної покори громадян, з часом сприяла егоїстичному розумінню керівної позиції партії. Прагматичний підхід зрештою призвів до пасивності його рядового складу, що сприяло її політичному краху.

З 1942 року через СНПГ було розпочато цілеспрямований проект перевиховання населення, а «проект» масового членства в партії було припинено. Діяльність СНПГ та її організаційних підрозділів у Шарисько-Земплінській жупі фактично копіювала ситуацію у Словаччині. Незважаючи на різноманітні заходи, вжиті керівництвом СНПГ, часті політичні навчання на різних рівнях, а також пропаганду, інтерес членів і населення до діяльності СНПГ починаючи з 1942 року поступово впав. Русини не були винятком, оскільки від створення Словацької держави вони не виявляли великої симпатії до СНПГ і не ототожнювали себе з політичною концепцією єдиної словацької нації. Особливо в 1944-1945 роках, тобто в останній період існування словацької держави жителі жупи опинилися в складній ситуації, яка була пов'язана не тільки з вибухом і подальшим придушенням Словацького національного повстання, а й з приходом військами Червоної Армії та визволення східної частини республіки. Будь-яка діяльність СНПГ, спрямована на підтримку мобілізації та активізації русинів і греко-католиків на користь режиму, зрештою закінчувалася провалом, незалежно від ступеня їхньої політичної ангажованості в попередні місяці та роки.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Baka I.* Politický systém a režim Slovenskej republiky 1939–1940. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2010. 322 s.
2. *Borza P.* Dejiny Gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1939–1945. Prešov: PETRA, 2017. 178 s.
3. *Coranič J.* Z dějin Gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku. České Budějovice: Sdružení sv. Jana Nepomuckého při Biskupství českobudějovickém, 2015. 526 s.
4. *Dudáš A.* Rusínska otázka a jej úzadie. Buenos Aires: Zahraničná Matica slovenská, 1971. 238 s.
5. *Kamenec I., Hradská K.* Slovenská spoločnosť v rokoch 1939–1945. In: Hradská K., Kamenec I. a kol. Slovensko v 20. storočí 4. zv.: Slovenská republika 1939–1945. Bratislava: VEDA, 2015. 480 s.
6. *Konečný S.* Rusíni/Ukrajinci ako fenomén slovenskej politiky // Slovensko – rusínsko – ukrajinské vzťahy od obrodenia po súčasnosť. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000. S. 132–148.

7. Pekár M. Under pressure from Slovak nationalists: The status and political activity of the Rusins in Slovakia 1939–1945 // Rusin. 2023. № 74. P. 216–235.
8. Pekár M. Hlinková slovenská ľudová strana v Šarišsko-zemplínskej župe v rokoch 1939–1945 // Pekár M., Derfiňák P., Zmátló P. Annales Historici Prešoviensis. Prešov: Universum, 2005. S. 196–214.
9. Pekár M. Rusínska otázka na Slovensku v rokoch 1939–1945 a alternatívy jej riešenia // Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov IV. Banská Bystrica: KH FHV UMB; ÚVaV UMB, 2005. P. 292–302.
10. Slovák. Roč. 83. Č. 62. 14.3.1941. S. 23.
11. Slovák. Roč. XXIII. Č. 62. 14.3.1941. S. 23 – Arizácia na východe.
12. Slovák. Roč. XXII. Č. 95. 21.4.1940. S. 6 – Okresná porada HSL'S v Medzilaborciach.
13. Slovák. Roč. XXI. Č. 292. 20.12.1939. S. 4 – Valné zhromaždenie župnej organizácie HSL'S v Prešove.
14. Slovák. Roč. XXIII. Č. 34. 9.2.1941. S. 11 – správa;
15. Slovenská sloboda. Roč. IV. Č. 41. 19.2.1941. S. 2 – Kurz funkcionárov HSL'S v Medzilaborciach.
16. Slovák. Roč. XXIV. Č. 286. 13.12.1942. S. 3 – Vymenovanie predsedov a členov župných súdov Strany.
17. Slovenská sloboda. Roč. IV. Č. 61. 14.3.1941. S. 1 – Na východe štátu napredujeme.
18. Slovenská sloboda. Roč. V. Č. 213. 19.9.1942. S. 2 – Etapy Politickej školy Strany.
19. Slovenská sloboda. Roč. V. Č. 268. 22.11.1942. S. 1 – Národ sa zjednotil v Strane.
20. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-4. List 86 (Okresný úrad v Medzilaborciach pre ÚŠB v Bratislave. Č. 221/1940 prez. Z 6.6.1940).
21. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-771-6. S. 16, 22–27 (Okresný úrad v Stropkove pre Prezídium Ministerstva vnútra-ÚŠB. Č. 295/1940 prez. Z 22.2.1940).
22. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-754-1 (Okresný úrad v Humennom pre ÚŠB v Bratislave. Č. 135/1940 prez. Z 23.2.1940);
23. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-3 (Okresný úrad v Michalovciach pre ÚŠB v Bratislave. 24.5.1940. Bez sigantúry).
24. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-2 (Okresný úrad v Trebišove pre ÚŠB v Bratislave. Č. 380/1940 prez. Z 12.3.1940).
25. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-781-1. List 40 (Prezídium Župného úradu v Prešove pre ÚŠB v Bratislave. Č. 205/ŠB. 1940. Z 29.3.1940).
26. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-4. List 59 (Okresný úrad v Bardejove pre ÚŠB v Bratislave. Č. 379/1940 prez. Z 30.3.1940).
27. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-771-6. List 44 (Okresný úrad v Stropkove pre ÚŠB v Bratislave. Č. 653/1940 prez. Z 20.4.1940).

28. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-4. List 69 (Okresný úrad v Bardejove pre ÚŠB v Bratislave. Č. 576/1940 prez. Z 30.4.1940)

29. SNA Bratislava. Fond ÚŠB. Ev. spis 209-749-1. List 38 (Okresný úrad v Bardejove pre ÚŠB v Bratislave. Č. 1031/1940 prez. Z 1.10.1940).

30. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-6. List 174 (Okresný úrad v Medzilaborciach pre ÚŠB v Bratislave. Sept. 1940. Bez signatúry).

31. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-6. List 19 (Okresný úrad v Humennom pre ÚŠB v Bratislave. Č. 352/1940 prez. Z 3.9.1940).

32. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-6. List 166 (Okresný úrad v Humennom pre ÚŠB v Bratislave. Č. 352/1940 prez. Z 2.10.1940).

33. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-851-5. List 62 (Okresný úrad Humenné pre ÚŠB v Bratislave. Č. 1031/1940 prez. Z 2.11.1940; Ev. spis 209-782-2. List 35. S. 13).

34. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-762-8 (Okresný úrad Stará Ľubovňa pre ÚŠB v Bratislave. Č. 698/1940 prez. Z 3.10.1940).

35. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-781-1. List 93. S. 2; List 94. S. 3 (Predsedníctvo vlády SR pre ÚŠB v Bratislave. Č. 12.624/6a-1940. Z 9.11.1940).

36. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-764-2. List 81 (Okresný úrad Medzilaborce pre ÚŠB v Bratislave. Č. 22/1941 prez. Z 1.12.1941).

37. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-764-3. List 15 (Okresný úrad Medzilaborce pre ÚŠB. Č. 22. 1942. Z 28.2.1942).

38. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-774-1 (Okresný úrad vo V. Svidníku pre ÚŠB v Bratislave. Č. 315/1942 prez. Nedatované).

39. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-785-7. List 38. S. 3 (Dôverná správa pre ÚŠB v Bratislave, bez signatúry. 13.10.1942).

40. SNA Bratislava – fond ÚŠB. Ev. spis 209-764-3. List 89-90 (Okresný úrad Medzilaborce pre ÚŠB v Bratislave. Č. 22/1942 prez. Z 1.12.1942).

41. SNA Bratislava – fond ÚŠB, ev. spis 209-749-3, list 86 (Okresný úrad Bardejov pre ÚŠB v Bratislave, č. 1843/1942 prez. Zo 7.1.1943).

42. SNA Bratislava – fond MV SR. 1943. Č. krab. 705 (Ministerstvo vnútra pre Prezídium Ministerstva vnútra. 15. odd. Č. 215/43. Z 25.1.1943).

REFERENCES

1. Baka, I. (2010) *Politický systém a režim Slovenskej republiky 1939–1940*. Bratislava: Vojský historický ústav.

2. Borza, P. (2017) *Dejiny Gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1939–1945*. Prešov: PETRA.

3. Coranič, J. (2015) Z dejín Gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku. České Budějovice: Sdružení sv. Jana Nepomuckého při Biskupství českobudějovickém.

4. Dudáš, A. (1971) *Rusínska otázka a jej úzadie*. Buenos Aires: Zahraničná Matica slovenská.
5. Kamenec, I. & Hradská, K. (2015). Slovenská spoločnosť v rokoch 1939–1945. In: Hradská, K., Kamenec, I. et al. *Slovensko v 20. storočí 4. zv.: Slovenská republika 1939–1945*. Bratislava: VEDA.
6. Konečný, S. (2000) Rusíni/Ukrajinci ako fenomén slovenskej politiky. In: Dorua, J. (ed.) *Slovensko – rusínsko – ukrajinské vzťahy od obroduenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV. pp. 132–148.
7. Pekár, M. (2023) Under pressure from Slovak nationalists: The status and political activity of the Rusins in Slovakia 1939–1945. *Rusin*. 74. pp. 216–235. doi: 10.17223/18572685/74/10
8. Pekár, M. (2005) Hlinková slovenská ľudová strana v Šarišsko-zemplínskej župe v rokoch 1939–1945. In: Pekár, M., Derfiňák, P. & Zmátló, P. *Annales Historici Prešovensis*. Prešov: Universum. pp. 196–214.
9. Pekár, M. (2005) Rusínska otázka na Slovensku v rokoch 1939–1945 a alternatívy jej riešenia. In: Šmigel, M. & Mičko, P. (eds) *Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov IV*. Banská Bystrica: KH FHV UMB; ÚVaV UMB. pp. 292–302.
10. *Slovák*. (1941a) 62, 14. p. 23.
11. *Slovák*. (1941b) Arizácia na východe. č. 62, 14. 3. p. 23 –.
12. *Slovák*. (1940) Okresná porada HSLŠ v Medzilaborciach. č. 95, 21. 4. p. 6.
13. *Slovák*. (1939) Valné zhromaždenie župnej organizácie HSLŠ v Prešove. roč. XXI., č. 292, 20. 12. p. 4.
14. *Slovák*. (1941c) Správa. roč. XXIII., č. 34, 9. 2. p. 11.
15. *Slovenská sloboda*. (1941a) Kurz funkcionárov HSLŠ v Medzilaborciach. roč. IV., č. 41, 19. 2. p. 2.
16. *Slovák*. (1942) Vymenovanie predsedov a členov župných súdov Strany. roč. XXIV., č. 286, 13. 12. p. 3.
17. *Slovenská sloboda*. (1941b) Na východe štátu napredujeme. roč. IV., č. 61, 14. 3. p. 1.
18. *Slovenská sloboda*. (1942a) Etapy Politickej školy Strany. roč. V., č. 213, 19. 9. p. 2.
19. *Slovenská sloboda*. (1942b) Národ sa sjednotil v Strane. roč. V., č. 268, 22. 11. p. 1.
20. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Medzilaborciach pre ÚŠB v Bratislave, č. 221/1940 prez. zo 6. 6. 1940*. Fund ÚŠB. ev. spis 209-851-4, List 86.
21. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Stropkove pre Prezídium Ministerstva vnútra-ÚŠB, č. 295/1940 prez. z 22. 2. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-771-6, p. 16; 22–27.
22. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Humennom pre ÚŠB v Bratislave, č. 135/1940 prez. z 23. 2. 1940*. Fund ÚŠB, ev.

spis 209-754-1.

23. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Michalovciach pre ÚŠB v Bratislave, 24. 5. 1940, bez sigantúry*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-3.

24. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Trebišove pre ÚŠB v Bratislave, č. 380/1940 prez. z 12. 3. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-2.

25. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Prezídium Župného úradu v Prešove pre ÚŠB v Bratislave, č. 205/ŠB 1940 z 29. 3. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-781-1, List 40.

26. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Bardejove pre ÚŠB v Bratislave, č. 379/1940 prez. z 30. 3. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-4, List 59.

27. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Stropkove pre ÚŠB v Bratislave, č. 653/1940 prez. z 20. 4. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-771-6, List 44.

28. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Bardejove pre ÚŠB v Bratislave, č. 576/1940 prez. z 30. 4. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-4, List 69.

29. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Bardejove pre ÚŠB v Bratislave, č. 1031/1940 prez. z 1. 10. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-749-1, List 38.

30. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Medzilaborciach pre ÚŠB v Bratislave, sept. 1940, bez signatúry*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-6, List 174.

31. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Humennom pre ÚŠB v Bratislave, č. 352/1940 prez. z 3. 9. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-6, List 19.

32. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad v Humennom pre ÚŠB v Bratislave, č. 352/1940 prez. z 2. 10. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-851-6, List 166.

33. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad Humenné pre ÚŠB v Bratislave. Č. 1031/1940 prez. Z 2.11.1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-782-2, List 35, p. 13.

34. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad Stará Ľubovňa pre ÚŠB v Bratislave, č. 698/1940 prez. z 3. 10. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-762-8.

35. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Predsedníctvo vlády SR pre ÚŠB v Bratislave, č. 12.624/6a-1940 z 9. 11. 1940*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-781-1, List 93, p. 2; List 94, p. 3.

36. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad Medzilaborce pre ÚŠB v Bratislave, č. 22/1941 prez. z 1. 12. 1941*. Fund ÚŠB, ev.

spis 209-764-2, List 81.

37. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad Medzilaborce pre ÚŠB, č. 22/1942 z 28. 2. 1942*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-764-3, List 15.

38. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad vo V. Svidníku pre ÚŠB v Bratislave, č. 315/1942 prez., nedatované*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-774-1.

39. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Dôverná správa pre ÚŠB v Bratislave, bez signatúry, 13. 10. 1942*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-785-7, List 38, p. 3.

40. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad Medzilaborce pre ÚŠB v Bratislave, č. 22/1942 prez. z 1. 12. 1942*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-764-3, List 89-90.

41. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Okresný úrad Bardejov pre ÚŠB v Bratislave, č. 1843/1942 prez. zo 7. 1. 1943*. Fund ÚŠB, ev. spis 209-749-3, List 86.

42. The Slovak National Archive Bratislava (SNA Bratislava). *Ministerstvo vnútra pre Prezídium Ministerstva vnútra, 15. odd., č. 215/43 z 25. 1. 1943*. Fund MV SR, 1943, č. krab. 705.

Марадик Наталія Василівна – кандидат політичних наук, доцент кафедри теорії політики Інституту політології Пряшівського університету в Пряшеві (Словакія).

Марадик Наталья Васильевна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории политики Института политологии Пряшевского университета (Словакия).

Nataliya Maradyk – Preshov University in Preshov (Slovakia)

E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

Секелі Габріель Габрієльович – кандидат політичних наук, асистент кафедри теорії політики Інституту політології Пряшівського університету в Пряшеві (Словакія)

Секели Габриель Габриелевич – кандидат политических наук, ассистент кафедры теории политики Института политологии Пряшевского университета (Словакия).

Gabriel Székely – Preshov University in Preshov (Slovakia)

E-mail: gabriel.szekely@unipo.sk

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/11

Трансформації языкового образу Русинів у «золотім віці» Андрія Бачинського

Анна Плішкова¹, Александра Тіхвонёва²

^{1,2} Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын – Інштут русиньского языка і культуры

Ул. 17. новембра 1, 080 01 Пряшів, Словакія

¹ E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

² E-mail: alexandra.tichvonova@smail.unipo.sk

Авторське резюме

Статя заміряна на трансформації языковой сітуації в контексті карпатських Русинів і на роль єпископа Андрія Бачинського в тых трансформаціях, як і в народно-возроднім процесі карпатських Русинів вцілім на переломі двох століть. Заміряєме ся главно на роль єпископа в розвою офіціальних сфер функціонуваня русиньского языка (урядна, церьковна, школьска і т. д.) в часі ёго жытя і діятельства. Будеме ся інтересовати о історічны події, котры ся односять к языковій проблематіці Русинів на концю 18. ст. і зачатку 19. ст. на теріторії Угорьска. Теоретічно характеризуєме культурны, політичны, конфесіональны і языковы аспекти в періоді жытя А. Бачинського. Таксамо курто характеризуєме Бачинського писомный прояв на основі ёго ціркулярів (з лінгвістичного і семантичного погляду). Обєктом нашого інтересу буде ай Мукачовска єпархія, затоже Бачинський як єпарха визначнов міров припоміг к розвою єпархії у многих аспектах. Нашым цілём буде представити якнайкомплексніший языковый і народностный образ эпохи конца 18. ст. і зачатку 19. ст. в контексті карпаторусиньского жытельства. В статі выходиме з одборной і научной літературы, котра аналізує эпоху конца 18. ст. і зачатку 19. ст. в Угорьску, з історічных здроїв, котры представляють особность і освітню роботу єпископа Бачинського, а таксамо з одборной і научной літературы, котра аналізує сітуацію в Мукачовській єпархії в данім просторі і часі.

Ключовы слова: русиньский язык, Австро-Угорьско, Андрій Бачинський, языкова сітуація, Мукачовска єпархія

Трансформация языковой идентичности русинов во время «золотого века» Андрея Бачинского

Анна Плишкова¹, Александра Тихвонёва²

^{1,2} Пряшевский университет в Пряшеве – Центр языков і культур национальных
меньшинств – Институт русинского языка і культуры

Словакия, 080 01, Пряшев, ул. 17 ноября, 1

¹ E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

² E-mail: alexandra.tichvonova@smail.unipo.sk

Авторское резюме

Рассматривается трансформация языковой ситуации в контексте карпатских русинов и роль епископа Андрея Бачинского в этих трансформациях, а также в процессе национального возрождения карпатских русинов в целом на рубеже двух столетий. Наша главная цель – подчеркнуть роль епископа в развитии официальных сфер функционирования русинского языка (административной, церковной, образовательной и т. д.) в течение его жизни и деятельности. Мы сосредоточимся на исторических событиях, связанных с языковыми проблемами русинов в конце XVIII – начале XIX в. на территории Австро-Венгрии. Исследование будет теоретически характеризовать культурные, политические, конфессиональные и языковые аспекты в период жизни А. Бачинского. Кроме того, мы кратко проанализируем письменное творчество Бачинского на основе его циркуляров (с лингвистической и семантической точки зрения). Наш интерес также распространится на Мукачевскую епархию, поскольку Бачинский как епарх внес значительный вклад в ее развитие в различных аспектах. Наша цель – представить комплексную языковую и национальную картину конца XVIII – начала XIX в. в контексте карпато-русинского сообщества. В статье использована научная литература, анализирующая эпоху конца XVIII – начала XIX в. в Венгрии, а также исторические источники, освещающие личность и просветительскую деятельность епископа Бачинского, и научная литература, исследующая ситуацию в Мукачевской епархии в этот период.

Ключевые слова: русинский язык, Австро-Венгрия, Андрей Бачинский, языковая ситуация, Мукачевская епархия

The transformation of the linguistic identity of the Rusins during the “Golden Age” of Andriy Bachynskyi

Anna Plišková¹, Alexandra Tyikhvonyova²

^{1,2} Prešov University – Center of Languages and Cultures of National Minorities –
The Institute of Rusin Language and Culture

17 november n. 1 Street, 080 01 Prešov, Slovakia

¹ E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

² E-mail: alexandra.tichvonova@smail.unipo.sk

Abstract

The article focuses on the transformation of the language situation in the context of the Carpathian Rusins and the role of Bishop Andriy Bachynskyi in these transformations, as well as in the national revival process of the Carpathian Rusins as a whole at the turn of the 19th century. The authors primarily aim to highlight Bachynskyi's role in the development of the Rusin language in the administrative, ecclesiastical, educational, and other official spheres. They focus on historical events related to the Rusin language issues in the late 18th – early 19th century in Austro-Hungary. The study describes the cultural, political, confessional, and linguistic aspects during Bachynskyi's life. The article also includes a brief analysis of Bachynskyi's written work based on his circulars (from a linguistic and semantic perspective) and the Mukachevo diocese activities, since Bachynskyi, as an eparch, made a significant contribution to its development in various aspects. The authors draw on academic and scholarly literature that analyzes the late 18th and early 19th centuries in Hungary, historical sources on the personality and educational work of Bishop Bachynskyi, as well as academic and scholarly literature that examines the situation in the Mukachevo diocese during this period to present a comprehensive linguistic and national picture of the late 18th and early 19th century in the context of the Carpatho-Rusin community.

Keywords: Rusin language, Austro-Hungary, Andriy Bachynskyi, language situation, Mukachevo diocese

Вступ

Кедь хочеме порозуміти розлічним аспектам нашої теми і статусу русинського языка в данім часі і просторі, мусиме наперед представити контекст рішення языкового вопросу Русинів на коню 18. ст. і зачатку 19. ст. на території Угорьска, визначити детермінуючі

об'єктивні фактори, але тыж суб'єктивні активіты втілены передувшым у діятелстві конкретных особностей, репрезентантів русиньской інтелігенції, які у визначній мірі позначили процес рішення русиньского языкового вопросу і ёго выслідки.

К найвызначнішым представителям тогочасной русиньской інтелігенції належав єпіскоп Мукачовской єпархії Андрій Бачиньский, котрый ся інтересовав о народностны, языковы а таксамо ай культурны вопросы Русинів у тім часі. Єпіскоп Бачиньский був русиньским діятелём, котрый ся як першый заслужыв о комплекснішу пробу кодифікації тогочасного языка Русинів єпархії а внаслідку ёго діятельства ся тот язык дістав ай до офіціальных сфер жывота містного жытельства. В часі ёго єпіскопского уряду тогочасный русиньский язык ся став офіціальным языком церкви, языком єпіскопского уряду а таксамо ай языком учебників, котры ся хосновали в педагогічнім процесі церковных школ Мукачовской єпархії. Бачиньский не був автором якогось комплексного, по русиньскы написаного твору, але визначовав ся в першім ряді як церковный і культурно-общественный діятель з визначным впливом на русиньске жытельство. Цілём ёго просвітнёго діятельства в рамках школьской і языковой просвіты было, жебы грекокатолицькы вірници в Мукачовській єпархії активно хосновали свій рідный язык. А то нелем в ёго народній устній формі, але тыж в ёго култівованішій формі, котру презентовав уряд єпіскопской канцеларії.

Інтересны про нашу роботу будуть ай історічны події, котры ся односять к языковій проблематиці Русинів на концю 18. ст. і зачатку 19. ст. на теріторії Угорьска. Об'єктом нашого інтересу буде ай Мукачовска єпархія, затоже Бачиньский як єпарха визначнов міров припоміг розвою єпархії у многих аспектах. Окрем того нас буде інтересовати ай тогочасна школьска реформа, котру в Мукачовській єпархії реалізовав єпіскоп Бачиньский, і з нёв повязане складаня і выдаваня школьских учебників, із котрых у тім часі ся учили діти і студенты в тогочасных церковных школах Мукачовской єпархії.

1 Особность єпіскапа Андрія Бачиньского

Андрій Бачиньский ся народив 14 новембра 1732 в селі Бенятина. Тото село ся находить на теперішній теріторії выходной Словакії а люде, котры ту дотеперь жыють, бісідують єдным із русиньских діалектів. Мож повісти, же ай в сучасности є тото село заселене переважно карпатьскыма Русинами. В часі жытя єпіскапа Бачиньского село Бенятина належало до комітату Унг'а а ведно із сусіднім селом Подгородь были окраєвыма селами того комітату у ёго северовходній части. Комітат Унг' сусідив із комітатами Саболч, Берег і Земплін а таксамо із Галічов.

Подля історичных інформацій родина Бачинських походила із Галічі, конкретно зо села Бачин. [9: 46] Галічське коріння Андрія Бачинського із села Бачин потверджують ай запискы єпископа Василя Поповіча, котрый пише «*Spectata familia sua e Galicia quidem oriundus; attamen in Hungariae pago Benyatina natus, atque ideo non Polonus, sed Hungaro-Ruthenus fuit*» [10: 7], што в основі значить, же хоць родина Бачинських має повод у Галічі, але єпископ Бачинський ся народив у селі Бенятина, а так подля Поповіча має угро-русиньску народность. Бачинського отець був священник Теодор Бачинський. На основі того можеме предпокладати, же ёго отець-священник був зарівно і ёго першым взором і мотивацієм на пути за душпастырським посланєм. Бачинський выходив гімназію в Ужгороді (1752–1756), котру мав як родак із села Бенятина близко. Як знаєме, Ужгород був у тім часі адміністративным центром комітату Унг. На території комітату Унг ся розкладали сучасны державы Мадярьско, Україна а таксамо і Словакія. Маєме к діспозиції ай тогочасны інформації о народностнім зложіню жытелів, котры вводять, же в комітаті Унг жыли переважно Русины. Наприклад на концю 19. ст. жыло на території Унг аж 33,22 % Русинів, 31,16 % Мадярів а 29,14 % Словаків. [5] Тота інформація є про нас дость інтересна і важна, бо єднозначно можеме повісти, же в тім часі были Русины найвекшов народностнов громадov на території комітату Унг.

Патріотичный характер А. Бачинського ся вказав уж в році 1749, кедь ся у єпископів Михаїла Мануїла Ольшавського і Іоанна Брадача у Відню домагать ослободжіня од духовной надвлады латиньского Еґеру і дожадує ся в Римі канонічного заложіня Мукачовской єпархії. [18] 3. апріля 1753 ся Андрій Бачинський записав на богословску факулту універзіты в Тырнаві, де штудовав філософію і теологію. Фінанчна сітуація го нутила зарабляти собі як домашній учітель дітей грофа Майлата. Тота сітуація не была про нёго неґатівна ці недостойна, зато же у грофа Майлата спознав людей із высших верьств, што му могло помочі пізніше в ёго пронародных активностях і душпастырським посланю. [9: 47–48] Уже в 1756 році молодый Бачинський приходить до Мукачова, де єпископ Михаїл Мануїл Ольшавський высвячує клерика Андрія на священника і такой го охаблять у Мукачові. По закончіню теологічных штудій і здобытю тітулу доктора теології (1758) о. Андрій приходить до міста Гойдудороґ (комітет Саболч) як сполупрацовник містного архідіакона о. Юрія Сабадоша. На тій функції діяв три роки, а коли отця духовного Сабадоша призвали до Мукачова за генералного вікарія єпархії, скоро тридцятьрочный Бачинський ся стає парохом Гойдудороґа а часом і архідіаконом комітату Саболч.

В році 1770 А. Бачинського єпископ Брадач посылає до Відня. Там 1. апріля абсолювовав авдієнцію у Марії Терезії, де детално высвітлив

важність діла – потребу створіння Мукачовської єпархії – особам компетентним у церковних вопросах. Наслідом тих стріч офіційний вердикт Відня був наступуючий – канонічне заложення Мукачовської єпархії. 19. септембра 1771 буллоу *Eximia regalium principum* папа канонічно заложив Мукачовську єпархію. По смерті владыкы Брадача (4. юла 1772) духовенство Мукачовської єпархії єдногласно выберать штиридцятьрочного Андрія Бачиньского за капітуларного вікарія і дочасного справцю дієцезы. 4. юла 1772 був імператорков Марієв Терезієв выменованый до функції на місце по єпіскопови Брадачови. Папа Клемент XIV. 8. марца 1773 потвердив Бачиньского до функції єпіскопа Мукачовської єпархії. Парадоксом было, же Бачиньский был першым єпіскопом, котрый не мусив складати монашеськы слюбы перед хіротонієв (обряд высвячіння на єпарху) [7: 24–32]. 6. юна 1773 был Андрій Бачиньский высвяченый за єпіскопа у Відню єпіскопом Василєм Божичковічом за участи румуньского єпархы Мелетія Ковача.

Андрій Бачиньский мав близко к Марії Терезії або, мож повісти, был ей добрым приятелєм. Тото споїня было про нього важным, главно в контексті рїшання народностных і языковых проблемів віруючих єпархії. Імператорка про єпіскопску резиденцію подаровала в Ужгороді монаштьє єзуїтів з приналежным костелом і много далшого. В році 1777 ся єпіскоп Андрій Бачиньский став легітимным інтерным тайным радцєм імператоркы. Імператорка і імператорський двір ся з Бачиньским часто радили о внуторній політіці Угорьского кралєвства. То значіть, же Бачиньский был решпектованым членом кралєвского двора. [11]

Бачиньский стояв на челі Мукачовської єпархії довгих 34 років. На основі єго успішной реорганізації цілоу Мукачовської єпархії ся тот період в історії называть «золотым віком Андрія Бачиньского» або «золотым віком Мукачовської єпархії». [4] Андрій Бачиньский умер як 77-рочный в році 1809 в Ужгороді. Як перший мукачовський єпіскоп был похованый у кріпті катедралы в Ужгороді.

2 Языкова сітуація в Угорьску за жытя Андрія Бачиньского

У першім ряді треба повісти, же нас буде інтересовати языкова сітуація на теріторії Угорьска в часі активного діяльства єпіскопа Бачиньского, то значіть од 2. половины 18. ст. до першой половины 19. ст. В тім часі теріторію Угорьска заселяли жытелі розлічных народностей. Жыли ту Німці, Русины, Словацы, Мадяры, Румуны, Сербы, Хорваты, Словінці. Можеме твердити, же Угорьско было в тім часі мултікультурнов і мултінародностнов державов. Хоць материньскыма языками народів, котры жыли в Угорьску, были мадярьський, німецький і славянськы языкы, враховано русиньского, языком офіційных сфер, враховано школьської, был латыньский або пізніше німецький. Само-

совов у неофіціальних сферах жителів в карпаторусинській області в každоденнім контакті вживали свої родні діалекти.

Ани єден із урядних языків тогочасного Угорьска не був із групи славянських языків. У тім контексті треба спомянути, же Дідеротова енциклопедія, котра выходила од року 1751 до року 1772, уводить інформацію, же в Угорьску жыло в половині 18. ст. много жителів славянського походжіня а на основі того франьскы кронікарі характеризовали Угорьско як славянську державу [2]. В контексті русиньского насеління на території Угорьска треба спомянути, же Угорьско, частёв якого была підкарпаторусиньска територія, ся ділило на тзв. комітаты (жупы). Комітаты были адміністративными частями – областями Угорьска. Мараморш, Уґоча, Береґ, Унг, або ай Ужский комітат, Земплін, Шаріш, Саболч і Спіш были в тогочаснім Угорьску найвеце заселены Русинами. Самособов, односно языка переважной части містного жительство в контексті тогочасной термінології не можеме бісідувати о языку русиньскім, але о розлічных варіантах ёго назвы: о языку *рускім/руськім*, респ. *русскім*, дакотры здоґ хоснують ай термін *церковнославянський* або *славено-руський* язык, *карпаторуський* язык або підкарпатське *язычіє* (язык, котрый в комунікації хосновали жителі під Карпатами – т. зн. Русини). Кебы сьме хотіли характеризувати тот язык, респ. документи або іншакы писомны проявы в тім языку, можеме повісти, же были написаны з выразным наближінём до теперішнёго русиньского языка, і хоць все із явными знаками ґраматікы церковнославянського языка [14: 16–17]. Тот факт нам декларують ай писомны проявы єпископа Бачінського, котрый сам хоснує термін *руський* язык у дакотрых ціркулярях ёго єпископской канцеларії. Мож повісти, же виходить із тогочасной народной бісіды жителів Підкарпатя, то значить Русинів. Русиньський язык як такий виходить із штирёх основных языковых фундаментів той епохы, котры были хоснованы на Підкарпатю. Бісїдуєме о церковнославянськім языку, о тзв. великоруськім (російскім), малоруськім (українськім) і карпаторуськім, респ. в сучасній термінології карпаторусиньскім або русиньскім языку. Выслідна форма церковнославянського языка все была залежна од языковых способностей авторів і языкового макроареалу, в котрім авторы жыли. Абсенцію дакотрых слов заповняли їх переберанём із того языково-културного макроареалу, в котрім жыли, або переберанём чуждїх, але формов або звучанём близких слов (напр. словакізмів). Язык, котрый хосновав Бачінський як язык єпископской кацеларії або язык ёго ціркулярів, можеме характеризувати як язык, котрый виходить із церковнославянської языковой базы, але є евідентно і до великой міры позначений живым народным языком містных жителів Мукачовской єпархії, переважно Русинів.

2.1 Русинський язык у Мукачовській єпархії за єпископа Андрія Бачинського

Мукачовську єпархію як самостатну єпархію візантського обряду – славянської традиції установив у році 1771 папа Клімент XIV. Тому успішному кроку про єпархію передходила усиловність а дипломатичні способности Андрія Бачинського. В році 1770 був Бачинський іще як канонік повірений тогочасним єпископом Іоанном Брадачем іти до Відня, де ся му подарило досягнути про Мукачовську єпархію незалежність од єгерських єпископів. На основі того треба припоманути і принос єпископа Михаїла Мануїла Ольшавського, котрый таксамо до великой міры припоміг самостатности Мукачовської єпархії [8: 121–123]. Мукачовська єпархія была за жытя А. Бачинського розшырена на території комітатів Абауй-Торна, Берег, Боршод, Гемер, Земплін, Мараморош, Саболч, Сатмар, Спіш, Торна, Уґоча, Унг і Шаріш, і на шість міст Гойдудорога. На цілій території Мукачовської єпархії був домінантним языком *руський* (у значіню карпаторусинський) язык, у остатніх доміновали змішаны славянськы языкы і язык мадярський. В Мукачовській єпархії было в р. 1792 нарахованых 434 265 грекокатоликів у 265 парохіях і 1193 філіалах. У тім часі був церковнославянський язык літурґічним языком 566 церковных інституцій. У 164 церковных інституціях ся вживав румунський язык як літурґічний язык [1]. Бачинський зачав реорганізацію цілой Мукачовської єпархії. Интересна інформація про нашу статю є, же в році 1775 Бачинський переніс резиденцію єпархії з Мукачова до Ужгорода ай на основі рішіння імператорського двора [11: 117]. Єпископський уряд був перенесений на місто, де ся передтым находив монастырь єзуїтів з приналежnym костелом, котрый подаровала імператорка про єпископску резиденцію. Бачинський хотів реорганізувати окремы інституції в Мукачовській єпархії. В році 1777 ся дістали грекокатолицькы парохії спід рожнявського римокатолицького бискупства під Мукачовську єпархію. На основі того Бачинський у своїм циркулярі, котрый був адресований парохам і вірникам тых парохій, пише, же є барз потішений тым, же собі хотять освоїти грекокатолицький обряд і набоженство, а вірників называє ёго «духовныма діточками» і хоче, жебы наслідуючі своїх парохів, належали до той (грекокатолицької) церкви під ёго веджінём ай під веджінём ёго наступників. [3: 117] Можеме повісти, же Бачинський і ёго уряд ся інтересовав вшыткыма аспектами жытя вірників в єпархії. Меджі людьми (вірниками) в Мукачовській єпархії хотів шырити учіня Ісуса Хріста в рамках набоженьского і морального аспекту в живім бісіднім языку (тогочасный русинський язык) вірників.

Процес реорганізації був успішний і завершений, внаслідку чого ся єпископ в році 1780-ім таксамо переселив з Мукачова до Ужгороду, де далє продовжовав у своїм просвітнім діяльстві. В рамках успішної реорганізації треба спомянути, же іщі в році 1787 было перенесеных далшых єденадцять грекокатолицьких парохій до Мукачовской єпархії. З них був пак створений Кошіцький вікаріат, на основі котрого была пізніше створена Пряшівска єпархія. По переселіню уряду до Ужгороду, было Бачиньского найвекшым інтересом реалізувати школьску реформу в цілій Мукачовській єпархії.

Інтересна є інформація, же в р. 1806 на основі списованя парохій Мукачовской єпархії было в єпархії 729 парохій, котры были розділены на 11 архідеканатів і 60 деканатів. В рамках комітатів были парохії розділены наслідно: Абауй-Торна – 22 парохій, Береґ – 76 парохій, Боршод – 11 парохій, Земплін – 131 парохій, Мараморш – 132 парохій, Саболч – 39 парохій, Спіш-Ґемер – 23 парохій, Сатмар – 127 парохій, Уґоча – 32 парохій, Унґ – 68 парохій і Шаріш – 74 парохій. 541 963 грекокатоликів (з них 345 786, або 63,8%, были Русины), зо вшитых жытелїв Угорьска то было через 7 %, приближно 6 888 890 людей. В єпархії было в тім часі через 705 парохів і 86 монахів. [16: 68–69] На основі уведжених інформацій можеме конштатовати, же розвой єпархії був за жытя Бачиньского евідентный, главно што до кількості парохій і таксамо ай розшырїня теріторії Мукачовской єпархії. У вшитых тых областях жывота вірників єпископ хотів, жебы ся хосновав язык, котрый він сам у своїх ціркулярях хоснує і называть *руськым* языком. Атрибут *руський* Бачиньский хоснує нелем у звязи з языком, але ай набоженством і віров. На основі того можеме конштатовати, же Бачиньский реално вжывать термін *руський* як уніфікачный знак грекокатоликів Мукачовской єпархії.

2.1.1 Курта характерістіка ціркулярїв Андрія Бачиньского

Інтересну і важну категорію Бачиньского писомностей творять ціркулярї, котры суть тіпичным прикладом фунґованя тогочасного варіанту русиньского языка (русиньский варіант церьковнославянського языка) в урядній – конфесіоналній сфері. Ціркулярь був офіціалный документ, котрый був виготовлєваний в єпископскім уряді, переважно єпископом даной єпархії. В рамках обсягу (в конфесіоналній сфері) можеме бісідувати о ціркулярю як о документі, ознамліню або о декреті, котрый ся односив ку церьковному жытю в Мукачовській єпархії у вшитых єго аспектах. Фунґованя ціркулярїв было поставлене на прінціпі колованя меджі парохіями, зато ся ай про означіня ціркуляря хоснує назва „обіжник“, зато бо тот документ мусив „обігнути“

вшиткы парохії в єпархії, жебы были вшиткы священници і вірници інформованы. Задачов Бачиньского ціркулярїв было інформовати духовенство (священників і парохів) а наслідно вірників о ситуації в єпархії, о розлічных проблемах, ознамлінях або наряджінях. Тематічно ся Бачиньского обіжники односять ід:

- едукації – розвитку єпархіалного школства, публікованя учебників у материньскім языку школярїв;
- языковій і набоженьській грамотности;
- підпорі імператора з боку єпархы а вірників;
- освітній роботі в процесі рїшаня соціалных проблемів;
- інформованю о фінанцованю духовенства і о підпорі розвитку розлічных сфер жывота;
- справі уряду, діятельства, повинностей духовенства і канторів;
- взаємности меджі вірниками і їх ролі в рамках фунгованя Мукачовской єпархії в Угорьску.

Кебы сьме хотіли тексты Бачиньского ціркулярїв класіфіковати із погляду штїлістичного членіня, можеме їх зараховати ід текстам книжно-писомного характеру, конкретно адміністративного штїлу. Основны знакы Бачиньского текстів: тексты ознамующого жанру адміністративного штїлу (текст церьковного характеру), автор ясно і курто інформує о wybranім актуалнім проблемі, тексты суть адресованы єдному адресатови або групі адресатів – можеме повісти – колектівному адресатови, єдным із знаків адміністративного штїлу є часова інформація, в данім припаді датум выготоввлїня ціркуляря, схематічність у формулації речінь, енумератівність, адресність, верейність, субектівіта автора – што не є, може, цалком тіпічне про адміністративный штїл, але тота субектівна оцінка може быти інштрументом про підвышіня інтересу о дану проблематіку, діректівный характер текстів.

В рамках лінгвістичній характерістікы Бачиньского текстів можеме конштатовати наслідуючі заключіня: кірілічна графемічна сістема, знакы русиньского варіанту церьковнославянського языка, хоснованя кірілічного алфавіту рефлектує ортографічны правила церьковнославянського языка в тім часі. Граматічна сторінка Бачиньского текстів обсягує языковы знакы, котры суть тіпічны про сучасный русиньський язык, але ай такы, котры ся од нёго одхылюють. Про тоты тексты є характерістичне хоснованя повнозначных і неповнозначных частей речі (склонёваня частей речі на основі правил церьковнославянського языка, але ай русиньского языка), абсенція живых назывників женьского роду, окрема дакількох вынятків (конфесіональний аспект), розлічны тіпы сінтагем (просте а зложене речіня), ідентіфікація інтернаціоналізмів а таксамо автор в тексті хоснує лексеми церьковно-

славянського і тогочасного русинського языка, котры суть в дакотрых припадах семантично і ґраматічно еднакы.

2.1.2 Роль Віденьской сіноды і надрукованої біблії в розвитку статусу Мукачовской єпархії

24. фебруара 1773 імператорка Марія Терезія скликала у Відню сіноду. Їй цілём было звязаня вшиткых візантських парохій на території Угорьска. К вирішіню тых проблемів за Мукачовску єпархію був призваний ай катедральный архідіакон Андрей Жеткей, уґочский архідіакон Ґрегор Боровский, протоігумен отців василіанів Сілвестер Ковейчак і ігумен з міста Марія-Повч Мартірій Кашпер а таксамо Андрій Бачіньский, дякуючі котрому были схвалены фіналны условія, котры мали платити в цілій єпархії. Были то наслідуючі условія:

- спомянути папу римского на богослужінях, конкретно вселеньского архієрея, папу римского;
- доповнити і Сына до вызнання віры, доповнити Вірую в єдиного Бога до вызнання віры;
- потреба уділёваня святих тайн;
- становлїня єпархіального языка;
- достаток матеріальних потреб про парохії, духовенство, канторів, учителїв;
- єднотны церьковны школы;
- редукція свят [3: 114].

Тоты установлїня были інтересны ай зато, же Бачіньский їх практично апліковав по цілый час, котрый був у функції єпископа Мукачовской єпархії. На стрічі сіноды ся священници дожадовали самостатности (жебы мали свої права і не мусили робити як підданы), выбудованя веще школ, жебы ся могли діти учіти, а в контексті того друкованя книжок у кірілічнім алфавіті – молитвенників, учебників, катехізных і літургічных книжок. В рамках друкованя книжок кірілічныма буквами треба спомянути друкарню Йосифа Курцбека, котрый дістав од імператорки Марії Терезії право друковати книжки в кіріліці. Наконець были про вірників Мукачовской єпархії выдрукованы лем 3 книжки а 47 їх было выдрукованых про Сербів, Румунів і Росіянів. По смерти Йосифа Курцбека дістав право друковати книжки кірілічныма буквами Штефан Новаковіч. В тій друкарни были друкованы вшиткы книжки в кірілічнім алфавіті в Угорьску, т. зн. ай книжки, котры были написаны з выразным наближінём до русинського языка, або мож повісти в тогочасній подобі русинського языка.

В тім часі визначна была пропозиція Новаковіча, котрый Бачіньскому дав понуку на выдрукованя Біблії в кіріліці. Бачіньский самособов

хотів дати wydрукувати Біблію в кірілиці, а зарівно в літургічнім і адміністративнім языку Мукачовской єпископской канцеларії. Подля Бачиньского тот язык був вызначный нелем про вжываня в літургічных богослужінях, але ай про вжываня в умелецькій (літературній) сфері, адміністративній сфері а таксамо як язык научных і одборных текстів. Мож повісти, же Бачиньский поважовав тот язык за уніфікачний знак вшитых ґрекокатолицьких вірників у Мукачовській єпархії. Андрій Бачиньский іщі перед тым як мала быти Біблія wydрукувана, выдав ціркуляр (20. децембра 1794), в котрім інформує вшиты парохії в єпархії о цілю і способі wydрукования Біблії. Архидіакон Тарковіч як цензор Біблії выдав ціркуляр (25. януара 1795), в котрім Бачиньского замір wydрукувати Біблію в кірілиці у вшитых аспектах підтримовав. В ціркулярю Ґ. Тарковіча находиме інформацію, же Мукачовска єпархія репрезентована Бачиньским хотіла спершу wydрукувати лем 300 екземплярів Біблії [8: 123]. В ціркулярю із 1. януара 1806, котрый Бачиньский написав по тім, як была wydрукувана ціла Біблія, інформує же наконець підвышыв тіраж аж на 600 екземплярів. В рамках того уводить, же каждая парохія в єпархії має мати тоту пятьтомну Біблію, «сего ради оустановляю, крѣпко повелѣваю, да єдна кожда церковъ парохіална одинъ екземпляръ Бібліи въ пятихъ томѣхъ состоящій себѣ пріобрѣтеть. Но понеже шесть сотъ екземплари на часть сея дієцезіи въ Будинѣ типомъ напечатаны, и сѣмо до Оунгвару препосланы уже суть» [19: 240]. Тота Біблія, як сам пише, была wydрукувана в руськім языку, таксамо як ай катехізм Й. Куткы – Катехизис малый, 1802. «Книги Св. Писанія, руською нашою мовою видані, умудрять не тільки вѣрою во спасеніє, але і на Русском языцѣ видруківані многократно читані та тлумачені священниками зможуть народ привести до пізнання істини, в добронравѣи утвердити, но купно і Матерній наш язык, писмо, народъ і набожество содержать, и подкрѣпити возможеть» [19: 240]. Тоты книжки (Катехизис малый і Біблія) были в данім часі в Ужгороді в єпископскім уряді і были доступны про каждого, хто ся о них інтересовав.

3 Русиньский язык у школьській реформі в Угорьску за жытя Андрія Бачиньского

Вызначным про вшиты народности в Угорьску був рік 1777, коли імператорка Марія Терезія выдала іноватівный організачный порядок про угорьску школьску сістему, тзв. Ratio Educationis. Внаслідку того ся зачали школьскы реформы, формования новой независлой од церкви освітнєй сістемы підрядженой штатній комісії про освіту. Основне школьске навчаня од 6 до 12 років ся стало повинным.

Іновативним про діти і учителів було будованя новых тіпів школ: сельска школа, двойкласна школа трівіална в малых містах, в містах мали быти основны школы трикласны, главно про діти обходників і ремеселників, у центрах школьских обводів штирикласны школы класічны, котры виховлєвали учителів. Середнє школство мали творити три тіпы школ: низша середня школа, тзв. ґраматічна, дале ґімназія і тзв. академія як передступінь універзітної освіти. Переважно священници были номінованы до функцій іншпекторів а в дакотрых припадах і до функції учителів. Імплементациїв школьської реформи на Підкарпатю був імператорков Марієв Терезієв повірений Андрій Бачиньский.

В школьскім процесі був латинський язык пріорітним предметом. Материньскы языки народностей ся в школі хосновали лем як помічны языки. Што было про просты русиньскы діти в тім часі гірше, був факт, же до школы могли ходити лем діти, котры мали потверджіня од властника землі. Зміны были аплікованы аж од року 1777, коли вшыты діти мусили зачати повинно ходити до школы.

Цілєм культурно-освітньої роботи єпископа Бачиньского в области едукації дітей в Мукачовській єпархії было выбудованя єднотной школьської сістемы і основных школ, в котрых материньський язык дітей бы був ай языком навчання. То значить, же діти, котры бісїдовали по русиньскы, ся учили в *руськім* языку. В рамках реалізації школьської реформи Бачиньский в першім ряді зачав од будованя класічної школы в Ужгороді, задачов котрой была дінамічна вихова учителів у *руськім* языку, котры наслідно будуть учіти школярів у *руськім* языку. То значить, навчання в ужгородських школах ся реалізовало в роднім *руськім*, т. є. русиньскім языку. Жебы підвишыти уровень освіти ґрекокатолицького духовенства, была в році 1774 у Відню – із ініціативи Андрія Бачиньского – заложена Кралївска ґенерална ґрекокатолицька семінарія при храмі св. Варвары. Про каждоденну потребу а потім і офіціално была про ню прията скорочена назва *Барбареум*. Бачиньский завів і навчання русиньского языка в семінарії, який ся став урядным языком і єпископской канцеларії. Семінарія *Барбареум* была отворена на основі рішїня імператоркы Марії Терезії і фунґовала в роках 1774–1784. Із вшыткых 46 міст было 11 міст зарезервованых про семінарістів з Мукачовской єпархії. [13: 124] В контексті розвою школьської сістемы треба спомянути ай заложіння при Львівській універзіті першого світського высшого научного інштїтуту про Русинів з назвов *Студіум Рутенум – Провізоричний науковий інштїтут в руській мові*, який фунґовав в роках 1787–1809.

Бачиньский у своїх ціркулярях часто апеловав на парохів, жебы дітей веце мотивовали до навчання катехізму. Навчання катехізму мало

підвыштити урoвень ґрамотности а таксамо ай духоўной ґрамотности дїтей. В тїм відїв ай спасїня дїтей, але ай вірників цїлой єпархії. В тїм контекстї выдав і цїркулярь, в котрїм говорить о правилах, котры ся мусять дотримовати в школах у звязи з навчанїєм катехізму:

- нарядив засновати основну *руську* школу у селах, де жыє веце як 50 дїтей;

- до тых школ мусили ходити ай дїти священиків, канторів і учітелїв;

- окрем чітання, писання і рахования в школї ся мали дїти учіти катехізм і молитвы; мравоуку і сістематічне навчання в школах мали на старости священици;

- каждый рік в рамках предписаного посту ся мали прияти належны святости і євхарістія;

- каждый парох у своїй парохії мав задачу зробити список дїтей у віці од 6 до 14 років, котры суть повинны ходити на навчання набоженства, котре ся мало реалізовати переважно в неділю або через свята по вечурни у церкви, або через зиму на фарї; абсенція дїтей ся мусила визначіти у списку, причім дїти мали быти матеріално мотівованы;

- вшыткы дїти мусили повинно ходити на години набоженства, інакше їх родічі мали быти належно покараны верьхностєв [3: 107].

На основі уведженого можеме конштатовати, же Бачіньскый в рамках навчання дїтей хотїв, жебы набоженство, катехізм і віра были меджі першыма компетенціями, котры собі дїти мають освоіти. Тото тверджїня можеме доложыти Бачіньского проповідєв, у котрій говорить о тїм, же кедь ся дізнає о грубїм порушїню наставеных правил в рамках хрістіаньского навчання дїтей або парохів, або кедь ся дізнає о порушїню православно-хрістіаньской віры, то парох а таксамо ай віцєархідіакон за занедбання своїх повинностей понесуть наслідкы. Бачіньскый ся проявлює і як школьскый дідактік кедь говорить, же найглавнішов задачов священиків є учіти дїти од самого початку їх освіти, жебы ся могло зачати їх духовне хрістіаньске формованя. В тїм контекстї підкреслює і то, же дїти ся не мають учіти вшытко на память із школьских учебників [3: 108].

Зо школьсков сістемов Мукачовской єпархії корешпондує далшы цїркулярь із року 1807, в котрїм ся Бачіньскый таксамо интересує вoпросом церковного школства. Бачіньскый у тїм цїркулярї наряджує:

- грекокатолицькый катехізм ся мусить учіти у вшыткых школах, до котрых ходять дїти грекокатолицькых родічів;

- на основі наряджїня із 12. октобра 1805 ся мусить в народных школах учіти катехізм;

- выменовати Іоана Молнара і Димитрія Поповіча за іншпекторів народных школ;

- в школах можуть учіти лем такы учітелї, котры мають учітельську кваліфікацію, т. зн. суть школованы;
- в народных школах треба у дітей зміцнѣвати хрістіанську віру, учіти їх церьковны обряды;
- підвишовати уровень учітельской семінарії і тым, же штуденты ся будуть учіти з книжок, котры были офіціално схвалены церьковным урядом;
- дослїдно контролѣвати кїлькость дітей, котры суть повинны ходити до школы [19: 230–232].

Треба повісти, же єпископ Бачіньскый ся інтересовав нелем о навчання дітей в основных школах або штудентів у высшых інштїтутах, але єго цілѣм было ай возроджіня жытелїв в языковім, набоженьскім і етічно-моралнім аспекті. В основі хотїв підвишити уровень ґрамотности в єпархії, жебы підвишыв ай уровень жытя вірників Мукачовской єпархії. Хотїв, жебы каждый вірник міг прочітати Біблію в материньскім языку. Треба додати, же єпископ поміг ай орґанізації фунґованя друкарьского діла і видаваню учебників у *руськїм* языку. Зато была видрукована ай Біблія в тім языку на основі єго дожадованя.

3.1 Учебники в школах Мукачовской єпархії за єпископа Бачіньского

Як знаєме, Бачіньскый ся активно домагав того, жебы в селах, де жыло веце як 50 дітей у віці од 6 до 14 років, ся вело навчання в материньскім языку, то значіть в языку руськой науки [17: 144–145]. В сельских школах ся іщі в році 1757 хосновали книжки Йосифа де Камелїса (єпископ Мукачовской єпархії в р. 1690–1706). Быв то катехїзм під назвов «Катехизис», видрукований в р. 1698, а таксамо букварь видрукований в р. 1699 під назвов «Буквар языка славенска, писати, чтения хотящим, в полезное руководство». Хоснованя тых книжок декларує супис книжок із Маковіцького панства з р. 1757. Мож повісти, же катехїзм єпископа де Камелїса ся хосновав як научно-методічний приручник про священників і канторів, котры ся приготовлѣвали за учітелїв сельских школ. Книжка окрем іншого высвітлює, же обрядова ідентіфікація є про вірників важна, уводить розділы меджі католицькым і схїзматічным, розділы меджі ґрегоріаньскым і юліаньскым календарѣм, але ай то, як дотримувати піст і т.д.

Далшым визначным тогочасным діятелѣм, котрый підтримовав видаваня школьских учебників на Підкарпатю, був єпископ Іоанн Брадач. Брадач зареаґовав на недостаток учебників, конкретно букварїв так, же в р. 1770 написав «Букварь или руководіе хотящимь обучитися письмены руско-славенскими книгъ». Тот букварь має не-

благу історію, зато же єпископ Божичковіч в нїм обявив недотаткы, котры не корешпондовали з католицькым віроучінєм, і Брадач був обвинений із схізмы. Внаслідку того єго букварь спалили [8: 124–125].

На основі того можеме конштатовати, же в данім часі было друкованя учебників про русиньскы діти дуже важне. Зато ай секретарь А. Бачиньского, котрым був в р. 1777 Іоанн Кутка, на основі повірїня єпископа написав «Букварь языка рускаго» (1797, 1799, 1815) і «Катехизис малый» (1801), котрый зазнав 11 видань. Букварь Іоанна Кутки (1797) був прикладом розлишованя трьох штїлів у тогочаснім языку. Найпростіший з них ся операв о живый язык вірників Мукачовской єпархії [14: 18–20]. Кедь під впливом терезіаньского і йозефіньского освітанства в 70-х роках 18. стороча зачали по цілій габсбурьській монархії взникати основны і середні церьковны школы, зачали ся складати про потреби школьскої освіти нелем учебники про початковы класы, яким був напр. букварь, але потребны были ай ґраматікы і іншы учебники. Автором ґраматікы, котра была написана з виразным наближінєм до русиньского языка, був священник Арсеній Коцак, родак з Буківця (русиньске село в сучаснім окр. Стропків на Словакії). Коцак був доктором теології (1767), професором духовной школы Краснобрідьского монастыря (1768, 1771–1774), професором богословія духовной школы в монастырю в Марія-Повчі (1774–1778) [15: 405]. А. Коцак зачав писати учебники в церьковнославянськїм языку про розлічны ступні школ під назвов «Грамматика русская, сиречь правила о словосложении слова языка русского» в р. 1768–1788. Тот учебник автор написав про вшыткых «Угрососїяновъ», як сам пише:

«Всеч(ес)тнѣйшимъ и всепочтеннѣйшимъ,
Всѣмъ книгочіямъ, о(т)цемъ і братіямъ.
О(т)цемъ духовнымъ, во мїрѣ сущимъ,
Совокупно же и монашествующимъ
Не точію любомудрствующимъ,
Но и поне чести токмо знающимъ,
Всѣмъ г(лаго)лю, всѣмъ вамъ
Вселюбезнѣйшимъ и всепочтеннѣйшимъ
Мнѣ о Хр(ис)тѣ І(и)с(ус)ѣ братіямъ
Не точію якъ Маковичанъ Маковичаномъ,
Но й всѣмъ купно Угрососїяномъ.
Аще не по иному, поне по єдиному,
Сирѣчь по єлику по рускомъ языку
Мнѣ сродственнымъ и со свойственнымъ
Превозлюбленнымъ и всепочтеннымъ
Мира, здравія и долгоденствія,
Якъ д(у)шевнаго, такъ и тѣлеснаго,

О(т) б(о)га желаючи и умоляючи
Азь смиренный, нижепо(д)писанный
Сей трудъ мой первѣйшій паче всѣхъ худѣйшій вамъ приписую и
офѣрую.

Присный рачитель и недостойный
б(о)гомалець Арсеній Коцакъ чина с(вятаго) Василия в(еликаго)
профе(ссор)» [12: 83].

Хоць тота ґраматіка была написана в церьковнославянськым языку, але як сам автор назначив, ґраматіку адресує нелем студентам з Маковіці, котры бісідують маковіцькым діалектом, так як і він сам, але пише ей про вшиткых Уґророссян, котры хотять знати рускый язык. В першій ряді треба повісти, же тота ґраматіка не была написана про діти народных школ, котры собі освоюють буквы, але про старших студентів, котрых цілём было научіти ся читати і писати без хыб і порозуміти вшиткым літурґічним і світськым текстам. Сам автор тоту ґраматіку характеризує як синтезу ґраматіки языка, поетіки і реторіки. Визначна є подля нёго про тых студентів, котрых задачов є навчіти ся безхыбно читати, писати, але ай співати і порозуміти правилам хрістіаньской науки. Автор сам іронічно доложив причіну написаня ґраматіки: *«дабы і насъ мѣзерных Руснаковъ не судили всѣ аки спростаковъ»* [12].

Заключіня

В заклүчіню можеме конштатовати, же Бачинський своїв функцієв (як єпарха Мукачовской єпархії) у визначній мірі припоміг розвитку і зміцніню культурной ідентіты Русинів в Угорську. Окрем того мав ключову роль при формованю духовного живота, літературного языка, едукації Русинів ці при друкованю книжок в материнськым языку про Русинів.

Своім діятельством підпоровав розвой і хоснованя карпаторуського варіанту церьковнославянського языка не лем в духовній области, але ай в школьській і літературній сфері. З офіціалных сфер тот варіант був урядным языком єпіскопской канцеларії А. Бачинського.

Бачинського інтерес о освіту в русиньскім языку визначно припоміг розвитку основного і середнёго школства, причім апеловав на то, жебы освіта і ґрамотность были доступны в материнськым языку про вшиткых, без огляду на сполоченьскый статус. Бачинський ся почас цілого свого жытя інтересовав о языковы, соціалны, школьскы, літурґічны, господарьскы але ай політичны вопросы, котры прямо впливали на жытя вірників, але таксамо священників у єпархії.

В сучасности є на храмі в ёго роднім селі Бенятина приклеєна

табличка, де є в українському мові написано: «Я свій шлях пройшов і закінчив життєві битви. Я віддав Богу життя, церкві працю, а серце народу.» В місті Ужгород на Україні є намістя назване меном Андрія Бачинського а таксамо коло катедрального храму і єдна вулиця із його меном. На фасаді храму можемо знайти таблу з написом в українському мові: «Єпископ А. Бачинський – великий духовний і громадський просвітител нашого краю.»

ЛІТЕРАТУРА

1. *Bendász I., István K.* A Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye lelkészsegeinek 1792. évi katalógusa. Nyíregyháza, 1994. 147 c.

2. *Diderot D., D'Alembert J.L.R.* Encyclopédie, ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers. 1751–1772. [online] [cit. 20.11.2021] URL: https://www.lexilogos.com/encyclopedia_diderot_alembert.htm (датум поперення: 07.06.2024).

3. *Gradoš J.* Farské školy pre veriacich byzantského obradu na Slovensku 1818. // *Acta Educationis* 2013. Wydawnictwo AVALON T.Janowski Sp.j. Krakow. C. 107–124.

4. *Haraksim L.* Zlatý vek biskupa A. Bačinského a obrodenské obdobie A. Duchnoviča // *Slovensko – rusínsko – ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000. 390 c.

5. *Reisz L.* Magyar Társadalomtudományok Digitális Archívuma. 2013. [online] [cit. 21.09.2021]. URL: <https://mtda.hu/adatbazisok.html>

6. *Šoltés P.* Tri jazyky, štyri konfesie. Etnická a konfesionálna pluralita na Zemplíne, Spiši a v Šariši. Bratislava: Historický ústav SAV, 2009. C. 33–35.

7. *Vasil' C.* Formácia gréckokatolíckeho duchovenstva mukačevskej eparchie do otvorenia eparchiálneho seminára (1788) // 125. *Academia theologica: «Dedičstvo a budúcnosť»*. Zborník prednášok: Gréckokatolícka teologická fakulta Prešov: 30. september – 1. október 2006. Prešov, 2006. C. 24–32.

8. *Žeňuch P.* Kultúrne stereotypy v byzantsko-slovanskom konfesionálnom prostredí na Slovensku // *Slavica Slovaca*. 2014. Vol. 49, № 3. C. 121–137.

9. *Андрухович А.* Віденське Barbareum. Історія королівської Генеральної греко-католицької семінарії при церкві св. Варвари у Відні з першого періоду її існування (1775–1784) // *Греко-католицької духовної семінарії у Львові*. Ч. 1. Львів, 1935. C. 41–214.

10. *Баран О.* Єпископ Андрей Бачинський і церковне відродження на Закарпатті. Йорктон, Саск: Бібліотека Голосу, 1963. 63 c.

11. *Завосинський І.* Єпископ Андрій Бачинський – просвітител Закарпаття. 2011. [online] [cit. 20.09.2021]. URL: http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/11047-yepiskop-andrij-bachinskij-prosvititel-zakarpattya.html (датум поперення: 05.07.2024).

12. Коцак А. Рукопис Маріяповчанського варіанта ґраматики Аресенія Коцака 1772–1778 // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику 15. 1990. Т. 2. С. 74–84.

13. Марочій П.Р., Поп І. Енциклопедія історії та культури карпатських Русинів. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010. С. 124.

14. Плішкова А. Русинський язык на Словеньску. Короткий нарис історії і сучасности. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, 2008. 204 с.

15. Статєєва В. Проблеми історії українського мовознавства на Закарпатті в працях Й.О. Дзензелівського // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. 2011. Ч. 16. С. 404–408.

16. Удвари І. A Munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészskégeinek 1806. évi összeírása. Vasvári Pál Társaság Füzetei 3. Ниредьгаза, 1990. S. 68–72.

17. Федака С. З історії християнства на Закарпатті. Ужгород: Поліграфцентр Ліпа, 2013. С. 144–145.

18. Фенич В. Мукачівський єпископ Андрей Бачинський і відновлення Галицької митрополії: деміфологізація однієї патріотичної легенди. 2013. [online] [цит. 21.09.2021]. URL: http://risu.org.ua/ua/index/studios/studies_of_religions/51056 (датум попозераня: 07.06.2024).

19. Шлепецький А. Мукачівський єпископ Андрій Федорович Бачинский та його послання // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. 1967. Т. 12, ч. 3. С. 230–233.

REFERENCES

1. Bendász, I. (1994) *A Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye lelkészskégeinek 1792. évi katalógusa* [1792 Catalogue of the Clergy of the Mukachevo Greek Catholic Eparchy]. Nyíregyháza.

2. Diderot, D. & D'Alembert, J.L.R. (1751–1772) *Encyclopédie, ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers*. [Online] Available from: https://www.lexilogos.com/encyclopedia_diderot_alembert.htm (Accessed: 20th November 2021).

3. Gradoš, J. (2013) Farské školy pre veriacich byzantského obradu na Slovensku 1818 [Parish schools for byzantine rite believers in Slovakia 1818]. In: *Acta Educationis*. Krakow: Wydawnictwo AVALON T. Janowski Sp.j. p. 117.

4. Haraksim, L. (2000) Zlatý vek biskupa A. Bačinského a obrodenské obdobie A. Duchnoviča [The golden age of bishop A. Bačinský and the revival period of A. Duchnovič]. In: *Slovensko – rusínsko – ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV. pp. 10–36.

5. Reisz, L. (2013) *Magyar Társadalomtudományok Digitális Archívuma*. [Online] Available from: <https://mtda.hu/adatbazisok.html> (Accessed: 21st September 2021).

6. Šoltes, P. (2009) *Tri jazyky, štyri konfesie. Etnická a konfesijná pluralita na*

Zemplíne, Spiši a v Šariši [Three languages, four confessions. Ethnic and confessional plurality in Zemplín, Spiš, and Šariš]. Bratislava: Institute of History, Slovak Academy of Sciences. pp. 33–35.

7. Vasi, C. (2006) Formácia gréckokatolíckeho duchovenstva mukačevskej eparchie do otvorenia eparchiálneho seminára (1788) [Formation of the Greek Catholic clergy of the Mukachevo Eparchy until the opening of the diocesan seminary (1788)]. *Academia theologica: „Dedičstvo a budúcnosť“. Zborník prednášok: Gréckokatolícka teologická fakulta*. Prešov. September 30 – October 1, 2006. Prešov. pp. 24–32.

8. Žeňuch, P. (2014) Kultúrne stereotypy v byzantsko-slovanskom konfesionálnom prostredí na Slovensku [Cultural stereotypes in the Byzantine-Slavonic confessional environment in Slovakia]. *Slavica Slovaca*. 49(3), pp. 121–137.

9. Andrukhovych, A. (1935) Videns'ke Barbareum. Istoriya korolivs'koi General'noi greko-katolits'koi seminarii pri tserkvi sv. Varvari u Vidni z pershogo periodu ii isnuvannya (1775–1784) [Viennese Barbareum. History of the Royal General Greek Catholic Seminary at St. Barbara's Church in Vienna from the First Period of its Existence (1775–1784)]. *Greko-katolits'koy dukhovnoy seminarii u L'vovi*. 1. pp. 41–214.

10. Baran, O. (1963) *Episkop Andrey Bachins'kiy i tserkovne vidrozhennya na Zakarpatti* [Bishop Andriy Bachynskyi and the church revival in Transcarpathia]. Yorkton, Sask: Biblioteka Golosu. p. 43.

11. Zavosynskyi, I. (2011) *Episkop Andriy Bachins'kiy – prosvititel' Zakarpattya* [Bishop Andriy Bachynskyi – enlightener of Transcarpathia]. [Online] Available from: http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/11047-yepiskop-andriy-bachinskij-prosvititel-zakarpattya.html [Accessed: 20th September 2021].

12. Kotsak, A. (1990) Rukopis Mariyapovchans'kogo varianta gramatiki Arseniya Kotsaka 1772–1778 [Manuscript of the Mariapovch version of Arseniy Kotsak's grammar 1772–1778]. *Naukoviy zbirnik Muzeju ukrains'koi kul'turi v Svidniku*. 15(2). pp. 74–84.

13. Magocsi, P.R. & Pop, I. (2010) *Entsiklopediya istorii ta kul'turi karpats'kikh Rusiniv* [Encyclopedia of history and culture of the Carpathian Rusins]. Uzhgorod: Vydavnytstvo V. Padiaka. p. 124.

14. Plišková, A. (2008) *Rusin'skyy yazyk na Sloven'sku. Korotkyy naris istorii i suchasnosti* [The Rusin language in Slovakia. A brief overview of history and present]. Prešov: World Congress of Rusins. pp. 17–19.

15. Statieieva, V. (2011) Problemi istorii ukrains'kogo movoznavstva na Zakarpatti v pratsyakh Y.O. Dzendzelivs'kogo [Problems of ukrainian linguistics in Transcarpathia in the works of Y.O. Dzendzelivsky]. *Suchasni problemi movoznavstva ta literaturoznavstva*. 16. pp. 404–408.

16. Udvari, I. (1990) *A Munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészszégeinek 1806. évi összeírása* [The 1806 Catalogue of the clergy of the Mukachevo greek catholic eparchy]. Vasvári Pál Társaság Füzetei 3. Nyíregyháza. pp. 68–72.

17. Fedaka, S. (2013) *Z istorii khristiyanstva na Zakarpatti* [From the history of Christianity in Transcarpathia]. Uzhhorod: Poligrafstsentr Lipa. pp. 144–145.
18. Fenysh, V. (2013) *Mukachivs'kiy episkop Andrey Bachyns'kiy i vidnovlennya Galits'koi mitropolii: demifologizatsiya odnei patriotichnoi legendi* [Bishop Andriy Bachynskyi and the restoration of the Galician metropolia: Demythologizing a patriotic legend]. [Online] Available from: http://risu.org.ua/ua/index/studios/studies_of_religions/51056/ [Accessed: 21st September 2021].
19. Šlepecky, A. (1967) *Mukachivs'kiy episkop Andriy Fedorovich Bachynskiy ta yogo poslannya* [Bishop Andriy Bachynskyi and his message]. *Naukoviy zbirnik Muzeju ukrains'koi kul'turi v Svidniku*. 12(3). pp. 230–233.

Анна Плїшкова – філософії доктор (PhD), доцент, універзитний професор, Пряшівська універзіта – Центр языків і культур народностных меншын – Інштітут русиньского языка і культуры (Словакія).

Анна Плишкова – доктор философии (PhD), доцент, профессор университета, Пряшевский университет – Центр языков и культур национальных меньшинств – Институт русинского языка и культуры (Словакия).

Anna Plishkova – Prešov University – Center of Languages and Cultures of National Minorities – The Institute of Rusin Language and Culture (Slovakia).

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Александра Тїхвонёва – філософії доктор (PhD) Пряшівської універзіты (Словакія).

Александра Тихвонёва – доктор философии (PhD) Пряшевского университета (Словакия).

Aleksandra Tyikhvonyova – philosophiae doctor (PhD) of the Prešov University (Slovakia).

E-mail: alexandra.tichvonova@smail.unipo.sk

УДК 93

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/12

Влияние окружения Э. Уорхола на формирование его эстетического вкуса

В.Ю. Мехоношин

Частное общеобразовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа «Паскаль Лицей»

Россия, 194156, Санкт-Петербург, пр. Пархоменко, д. 8, лит. А

E-mail: jamesholt87@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена Энди Уорхолу, одному из самых известных деятелей мировой популярной культуры, имеющему русинские корни. Сначала Уорхол был одиночкой, но потом стал работать корнями. Приводятся примеры влияния на Уорхола его родителей Андрея Вархолы и Юлии Завацкой. Именно Юлия Завацкая дарила сыну журналы о кино, комиксы, куклы из бумаги и книжки-раскраски. После восстановления в университете в Питтсбурге Уорхол активно посещал киноклуб, лекции авангардистки Майи Дерен, композитора Джона Кейджа. Известны примеры творческого сотрудничества Уорхола с другими выдающимися деятелями культуры и искусства. Подчёркивается влияние коллег Уорхола на него: и в период учебы в университете в Питтсбурге (Ф. Перлстайн, Б. Грин), и в период жизни в Нью-Йорке (Э. Воллович, Д. Джонс). Переходным моментом в творчестве художника стал 1963 г., когда Уорхол сменил тему своего творчества, отойдя от жизнеутверждающей. С 1964 г. начался особенный период в творчестве Уорхола, т. к. именно в это время под влиянием кэмпа появился коллективный проект «Фабрика», результатом существования которого стало производство фильмов («Поцелуй», «Сон», «Бедная богатая девочка»), новые выставки, выпуск журнала «Interview» и фото-Одиссея, когда Уорхол за последние десять лет жизни успел сделать около ста тысяч фотографий, задокументировав формирование популярной культуры Нью-Йорка, в том числе и «Студии 54». Делается вывод о сильном влиянии семьи русинов Уорхола на формирование его эстетического вкуса.

Ключевые слова: поп-арт, независимое кино, лагерь, комиксы, «Студия 54», выдающиеся русины

The influence of Andy Warhol's environment on the formation of his aesthetic taste

Vasiliy Y. Mekhonoshin

Private Educational Institution "Pascal Lyceum"

lit. A, 8, Parkhomenko Ave., St. Petersburg, 194156, Russia

E-mail: jamesholt87@gmail.com

Abstract

The article focuses on Andy Warhol, a most renowned figure of the Rusin origin in the world popular culture. Initially, Warhol was a loner, but then he began to work with like-minded people. Warhol was most influenced by his parents, Andrew Warhola and Yulia Zavatskaya. It was Zavatskaya who gave her son movie magazines, comics, paper dolls, and coloring books. After resuming his studies at the University of Pittsburgh, Warhol actively attended the Film Club, lectures by avant-garde artist Maya Deren and composer John Cage. There are examples of Warhol's creative collaboration with other outstanding figures in culture and art. The author emphasizes the influence of Warhol's colleagues on him during his studies at the university in Pittsburgh (Philip Pearlstein, Brian Greene) and his life in New York (Edward Vollovich, Jasper Jones). The transitional moment in Warhol's work was in 1963, when he abandoned the life-affirming theme. 1964 marked the beginning of a special period in Warhol's work: the Factory collaboration, influenced by the camp aesthetic, produced a number of films ("Kiss", "Sleep", "Poor Rich Girl"); new exhibitions, the *Interview* magazine and a photo-Odyssey, when Warhol managed to take about one hundred thousand photographs in the last ten years of his life, documenting the formation of popular culture in New York, including "Studio 54." Thus, Warhol's Rusin family had a strong influence on the formation of his aesthetic taste.

Keywords: pop art, independent cinema, camp, comics, Studio 54, outstanding Rusins

Энди Уорхол (1928–1987), выходец из русинов, стал одной из самых ярких фигур в мире искусства XX в. Благодаря своему уникальному взгляду и нестандартному подходу к творчеству, он вышел за рамки традиционного арт-пространства, оставив заметный след в истории. Энди Уорхол оставил после себя значительное количество исторических источников, включая интервью [2], фотографии [7] и подробные дневники [8]. Именно эти материалы до сих пор будоражат умы исследователей и поклонников, стремящихся разобраться, что из записей Уорхола – правда, а что – плод его богатой фантазии.

Сам Уорхол в своих заметках признавался: «Всю жизнь думал, что хочу надгробие вообще без надписей. Ни эпитафии, ни имени. Точнее, я хотел бы такую надпись – «Вымысел» [2: 129].

Обычно изучается творчество Уорхола («Уорхол как ведущий представитель поп-арта», «Уорхол как авангардист»). В работах таких авторов, как Э. Гомбрих, С. Сонтаг, Л. Болтон, Н.А. Цыркун, подчеркивается влияние эстетики творчества Уорхола на визуальную культуру. Авторы отмечают его влияние на поп-арт, а также значимую роль, которую сыграл Уорхол в формировании современной массовой культуры.

В последнее десятилетие вышло несколько важных биографий Уорхола, уточняющих факты из его жизни и творчества. Здесь отметим работы таких авторов, как В. Бокрис, В. Гомпертц, Б. Гопник, А. Данто, Б. Колачелло, К.В. Корсаков и др. Биографы Уорхола делятся новыми фактами из жизни художника, которые могут ответить на многие вопросы исследователей.

Появились работы авторов, изучающих творчество Уорхола и его инновации в медиа. Среди них: Б. Букло, Д. Галенсон, Р. Голден, Б. Джозеф, И. Куррид, Д. Кетнер, Н. Лания, М. Лоиаконо, М. Маццоне, Э. Русинко и др. Исследователи изучают как новую экранную реальность, созданную при участии Уорхола, так и средства фиксации этой реальности (его фильмы, продюсерскую деятельность и др.).

Наконец, недавно состоялась премьера документального сериала «Дневники Энди Уорхола» (2022 г., реж. Э. Росси), охватывающего важнейший период жизни художника (с 1968 до 1987 г.), когда после покушения он решил документировать всё происходящее с ним [38]. Сериал включает шесть серий, каждая из которых представляет определенный период в жизни Уорхола, сопровождается воспоминаниями друзей и коллег.

Интересна динамика в современном понимании творчества Э. Уорхола. Если Э. Гомбрих в «Истории искусства» в середине XX в. был критически настроен к поп-арту, назвав его существование «лишь знамением времени» [3: 610], то сейчас ситуация сильно измени-

Рис. 1. Ф. Перлстайн. Мастерская. 1946–1947 гг. Музей Энди Уорхола (Питтсбург, США)

лась. В монументальном труде «Искусство с 1900 года» Э. Уорхол и Р. Лихтештайн названы создателями поп-арта и нового типа зрения («сканирование»), которое станет доминирующим только в «наш век компьютерных экранов» [9: 487]; историк искусства Б. Букло описывает Уорхола как «одного из немногих художников послевоенного времени, чьё имя пользуется широкой известностью за пределами арт-мира» [15: 530].

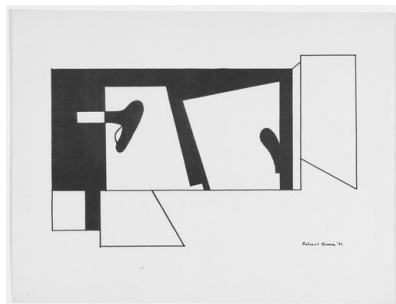

Рис. 2. Б. Грин. Без названия. 1937 г. Музей современного искусства (Нью-Йорк, США)

Выставка «Фотореволюция: от Энди Уорхола к Синди Шерман», представленная в Художественном музее Ворчестера (США) в 2019–2020 гг., продемонстрировала, как фотография стала ключевым элементом в современном искусстве. Первый этап её становления связан с Уорхолом [25]. Другая выставка «Энди Уорхол» прошла в галерее «Тэйт Модерн» (Лондон) в 2020–2021 гг. Кураторы показали, что даже в самых коммерчески успешных работах Уорхола всегда присутствовала нотка меланхолии,

что делает его фигурой гораздо более сложной, чем может показаться на первый взгляд [34].

Б. Джозеф отмечает, как искусство и личность Уорхола проникли в медиа, от телевидения до кино, благодаря его умению манипулировать средствами массовой информации [26].

Д. Галенсон в своём недавнем исследовании (2021 г.) замечает, что со временем изменилось положение Уорхола в авторитетном списке «Американских современных художников» (в 2002 г. он занимал третье место, в 2018 г. – уже первое); начиная с 1970-х гг. растёт количество цитат Уорхола по нескольким индексам (Library Catalogue of Getty Research Institute, Arts and Humanities Citation Index); в 90-х работы Уорхола стали самыми продаваемыми среди прочих авторов (Дж. Джонс, Р. Раушенберг, Р. Лихтенштейн и др.) [20: 39–40].

Таким образом, актуальность изучения биографии Энди Уорхола на современном этапе связана с появлением новых фактов, которые позволяют более полно оценить вклад Уорхола в современное искусство. В основе статьи лежит попытка изучить его творчество сквозь призму коммуникативного подхода, т. е. сквозь взаимоотношения Уорхола с разными людьми и институциями. Подобный подход может помочь нам не только разрешить «противоречие между развитием и

функционированием, но и позволит наметить особую периодизацию истории функционирования искусства» [10: 188]. Изучение биографии Энди Уорхола является важным для выявления условий формирования его художественного вкуса. Воспоминания художника могут отражаться в тематике его работ, предоставляя ключи к пониманию его творчества. Более того, понимание культурного и социального контекста его жизни может дать представление о том, как окружение Уорхола повлияло на его взгляды и творчество.

Отношение к родному городу (Питтсбург, США) у Уорхола почти не менялось: от «это было худшее место, в котором я был» до «я родился в Питтсбурге в 1928 г., как и любой другой рядом со сталелитейным за-

Рис. 3. Т. Капоте. Фото Х. Хэлма. 1947 г.

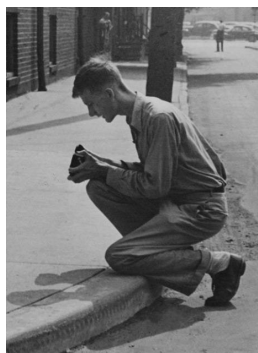

Рис. 4. Э. Воллович.
Фото Э. Уорхола.
1957 г.

водом» [24: 7]. «Позже он утверждал, что его свидетельство о рождении ошибочно, и родился он не то в 1930-м, не то даже в 1931-м». [14: 8].

Родители Уорхола родились и выросли в русинском селе Микова Стропковского округа Прешовского края, расположенном в словацкой части Лемковщины (северо-восточная часть Словакии, в составе Австро-Венгерской империи) [4, 200]. Родители Энди в разное время эмигрировали в США. Андрей Вархола (1888–1942) эмигрировал в 1912 г., а его жена Юлия Завацкая (1892–1972) присоединилась к нему через девять лет.

Э. Русинко отмечает, что первым языком в их доме был русинский, но поскольку родители Энди во времена своей учёбы в школе пользовались латинским алфавитом и транскрипциями, написанными по-венгерски, то это способствовало использованию разных диалектов; тем не менее сам Энди всегда общался с матерью по-русински [16;

Рис. 5. Д. Джонс.
Мишень с четырьмя
лицами. 1955 г.
Музей современного
искусства
(Нью-Йорк, США)

33]. Э. Русинко связывает это с высокой ролью, которую играла религия для американских русинов, ведь идентифицировать себя с национальностью или этносом им было сложно: возможность у эмигрантов изучать свои корни появилась только в 1978 г., когда был основан Карпато-Русинский исследовательский центр; уже в 2007 г. Джеймс, племянник художника, в лекции «Кто такой Энди Уорхол?» в музее Питтсбурга назвал его «стопроцентным карпато-русином» [12].

В детстве Энди поддерживала мать Юлия Вархола (Завацкая), особенно после того, как у него диагностировали ревматическую лихорадку («пляска Святого Витта») и возникли проблемы в общении со сверстниками.

Н. Лания считает, что болезнь оставила глубокий след в психике Уорхола, ведь она лишала его контроля над телом, что стало основой для его художественного самовыражения [27: 39].

Юлия Вархола «следила, чтобы его безостановочно развлекал поток из журналов о кино, комиксов, кукол из бумаги и книжек-раскрасок» [1: 45]. Юлия готовила сама, и семейной традицией было приготовление домашней колбасы. Ещё в детстве она помогала декорировать церковь в Микове, хоть это и считалось мужской работой. Там она изучала устройство орнамента, смешивала разные цвета и одновременно пела в православной церкви [24: 24]. К. Корсаков отмечает: «Юлия была подлинным носителем русинской культуры, одарённым, творческим, инициативным человеком» [4: 202].

Все накопленные деньги Энди тратил в детстве на поход в кинотеатры. Однажды он ответил другу, что Микки Маус был его любимым актером, а Минни Маус любимой актрисой. Видимо, именно в этот период Энди увлекся кино (особенно фильмами крупных киностудий), а в его коллекции важное место

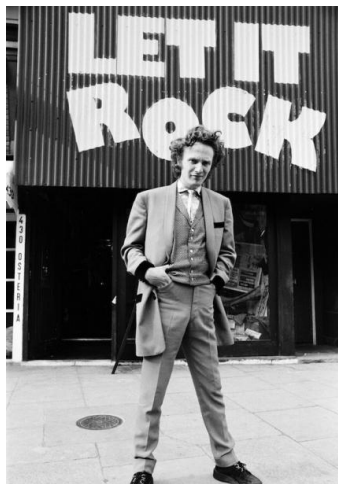

Рис. 6. М. Макларен у
своего магазина на Кингс-
Род, 430. 1972 г. (Лондон,
Великобритания)

занял альбом с вырезками со звездами Голливуда, среди которых были фото известных актрис (Генри Фонды, Кармен Миранды) [24: 27].

В 1936 г. юная актриса Ширли Темпл появилась на экране в фильме «Бедная, маленькая богатая девочка», став кумиром юного Уорхола. «В этом сюжете раскрыта основная жизненная философия Энди Уорхола: постоянно работай, делай из всего забаву и сохраняй присутствие духа» [1: 49]. Следует добавить, что уже к этому времени Ш. Темпл стала самой молодой старлеткой (ребёнком-знаменитостью), получившим премию «Оскар».

Энди был назван в честь отца и деда одновременно. Отец Энди (после эмиграции в США в 1912 г.) рискнул кардинально сменить род деятельности и начал работать инженером, а не продолжил работу на шахтах [33: 14]. Далее последовали неудачи, и он вынужден был вернуться к прежней работе. Уорхол с грустью вспоминал: «Отец часто уезжал на угольные шахты» [24: 19]. Но благодаря бережливости отца позже вся семья переехала в благополучный район с центральным отоплением, ванной, двумя спальнями, гостиной, кухней и чердаком [24: 8]. В 1937 г. девятилетнему Энди подарили его первую кинокамеру.

Таким образом, художественный вкус Энди Уорхола формировался в детстве под влиянием многих факторов. Разнообразие языков и диалектов в доме Уорхола, где говорили на русинском и английском языках, использовали латинский алфавит и транскрипции по-венгерски, создали богатую языковую среду, которая могла способствовать развитию гибкости мышления и творческого подхода к визуальным и текстовым материалам. Религиозная жизнь и национальная идентичность также сыграли важную роль, ведь Уорхол и его семья испытывали трудности с самоидентификацией в условиях эмиграции, что могло усилить его интерес к изучению и выражению собственной уникальности через искусство. Это проявлялось в его внимании к символам и образам популярной культуры, особенно Голливуду. Мать Энди, Юлия Вархола, сыграла ключевую роль в его эстетическом воспитании, окружая его объектами искусства и культуры, что, вероятно, научило его ценить визуальное искусство. Её влияние как «подлинного носителя русинской культуры», также обогатило его понимание традиционных народных искусств, что могло повлиять на его любовь к смешиванию разных стилей и цветов в своих работах.

После окончания школы Энди столкнулся с первыми неудачами: он был отчислен из Технологического института Карнеги (Carnegie Institute of Technology), но решил эту проблему находчиво: чтобы его восстановили в университете Уорхол создал работы для своей первой выставки, позже получив за это приз «Laisser» за лучшую работу второкурсника и первую премию в сорок долларов [1: 77]. О победе

объявили в школьной газете «Tartan», а Энди стал известен всему кампусу. Его заметили и пригласили в творческую группу, куда входили самые талантливые студенты института. Лидером этой творческой группы был Ф. Перлстейн, две картины которого были опубликованы в журнале «Life», когда ему было ещё пятнадцать лет [1: 78].

Таким образом, можно отметить находчивость Энди Уорхола в моменты преодоления неудач. Столкнувшись с отчислением из Технологического института Карнеги, он не просто пытался восстановиться в университете, а активно действовал, создав работы для своей первой выставки. Этот шаг не только привёл к его восстановлению, но и принёс ему награды. Этот успех указывает на его способность использовать критические ситуации как возможности для личного и профессионального роста.

Участники творческой группы увлекались рекламным и промышленным дизайном, их интересовала школа «Баухаус», творчество В. Гропиуса, Л. Мохой-Надя и П. Клее. Уорхол там быстро освоился. «Вскоре его уже все воспринимали как любимчика» [1: 79]. Уже через год Энди вступил в школьный кино клуб «Outlines», где впервые увидел фильмы из коллекции Музея современного искусства (МоМА), был на лекции авангардистки М. Дерен и композитора Д. Кейджа. В 1947 г. летом сокурсники (в т. ч. Уорхол и Ф. Перлстейн) сняли свою первую студию, где у каждого из художников было свое рабочее место. На два с половиной месяца та студия стала местом активного творческого процесса. Здесь Энди уже мыслил не одиночными картинами, а сериями. Известной серией этого периода стали рисунки детей на качелях.

Сильно повлияло на Энди в этот период общение с его учителем Б. Грином, амбициозным молодым художником, который преподавал абстрактное искусство и скульптуру, известным благодаря своим работам в проектах «Williamsburg Housing Project» в Бруклине (сейчас в коллекции Бруклинского музея) и «Всемирная выставка» в Нью-Йорке в 1939 г. (тема выставки: «Мир завтрашнего дня»). Грин стал первым президентом общества Американских художников-абстракционистов («American Abstract Artists»), куда входили известные художники, например В. Де Кунинг и др. [29: 27].

Таким образом, можно сделать вывод о значимой роли, которую оказывали знаменитости на Энди Уорхола в его студенческие годы. Эти встречи и впечатления, безусловно, вдохновили Уорхола на эксперименты и исследования новых форм и подходов в своём творчестве. Кроме того, общение с учителем Б. Грином, известным художником-абстракционистом, предоставило Уорхолу не только технические знания и навыки, но и представление о профессиональной арт-среде, возможностях для развития собственной художественной карьеры.

Важным фактом этого «студенческого» периода в жизни Уорхола стала работа в крупнейшем в Питтсбурге универсаме Д. Хорна. «Рекламные работы Энди были эклектичными и разнообразными. Его единственным недостатком была медлительность» [1: 87].

В сентябре 1948 г. Энди Уорхол вместе с Ф. Перлстейном отправились покорять Нью-Йорк. Там их встретили бывшие однокурсники из Технологического института Карнеги. Д. Крамер предложила им остановиться в Гринвич-Виллидж, богемном районе Нью-Йорка, а Д. Клаубер поделился своими успехами в карьере, рассказав о работе помощника главного художника в известном деловом журнале «Fortune». Уорхол был впечатлён и вдохновлён их достижениями.

В. Бокрис приводит еще интересный факт, иллюстрирующий влияние социальной и культурной среды на Энди Уорхола в этот период: Уорхол так впечатлился крупным планом фотографии писателя Трумена Капоте с обложки его книги «Другие голоса, другие комнаты», что выпросил эту фотографию в редакции журнала «Theater Arts» [1: 89]. Энди Уорхолу тогда был двадцать один год, а Трумену Капоте – двадцать три. Позже они будут дружить.

В Нью-Йорке Уорхол много работал, преимущественно иллюстратором для издательства «New Directions». Его рисунки использовались в качестве рекламы на телеканале «NBC» и в газете «New York Times».

В издательстве «New Directions» Уорхол представил альтернативный тип иллюстрации. Это проявилось во время работы над обложкой книги Р. Фирбанка «Новеллы». Если ведущий иллюстратор издательства А. Лустиг предпочитал абстрактную композицию с использованием геометрических форм, то Уорхол почти не использовал геометрические формы, иллюстрировал не сюжет самого рассказа, а сам интерпретировал его название. В такой манере Уорхолом были проиллюстрированы такие рассказы Р. Фирбанка, как «Тщеславие», «Наклонности» и «Каприз».

Несмотря на стилистическую разницу в иллюстрациях Уорхола и Лустига, Д. Лоиаконо усматривает связь в их модернистской стилистике, отмечая даже возможное влияние Лустига на Уорхола, особенно в похожей манере изображать цифру «3» [29: 40]. По мнению Д. Лоиаконо, уже после 1952 г. стиль Уорхола изменился под влиянием Лустига – он стремился «графически суммировать “дух” книги, придерживаясь общих правил издательства» [29: 41].

В 50-е гг. в США был принят стандарт цветного телевидения, что придало сильный импульс для развития технологической стороны СМИ. Начался период бурного экономического роста. Это время отмечено увеличением потребления и ростом рынка массовых развлечений (кино, журналы, комиксы) [31].

В этот период (1952–1959) у Уорхола состоялось семь персональных выставок и лишь одна коллективная [1: 634].

Таким образом, творчество Энди Уорхола в Нью-Йорке характеризуется интенсивным взаимодействием с культурным кодом города и значительным влиянием социальной и профессиональной среды на его творческое развитие. Встреча с бывшими коллегами и проживание в богемном районе Гринвич-Виллидж мотивировали его. Работа иллюстратором для издательства «New Directions», телеканала «NBC» и газеты «New York Times» давала Уорхолу возможность экспериментировать и находить свой уникальный стиль. Впечатление от фотографии Трумена Капоте и последующая дружба с ним подчёркивают важность личных связей и взаимодействий в формировании его художественных интересов. Работа над обложками книг позволила Уорхолу развить и демонстрировать свой подход к визуальному искусству, что отличало его от других иллюстраторов того времени, таких как А. Лустиг, у которого Уорхол мог заимствовать некоторые стилистические приёмы. Этот период жизни Уорхола в Нью-Йорке стал критически важным для его творческого и профессионального становления, т. к. он добился успеха в коммерческой иллюстрации и решил попробовать стать «серьёзным художником» [2: 36].

В 1957 г. Уорхол подружился с Эдвардом Волловичем, который к тому времени стал самым молодым фотографом, чьи фотографии попали в экспозицию МоМА (в 1950 г.). Ему тогда было лишь семнадцать лет.

Воллович привлекал Уорхола к совместным фотосъёмкам: пока Воллович экспериментировал с глубиной резкости на 35-миллиметровой камере, Энди фотографировал на свой «Полароид», иногда увлекаясь съёмкой самого себя [37: 45]. Главной темой для фотографий Волловича были дети и подростки в городе. Очевидно, эта тема понравилась Уорхолу. Так, уже в 1957 г. на Рождество он выпустил свою «Золотую книгу» [21]. Он отправил её многим издателям, даже главному редактору «Harper's Bazaar» Р. Лайнсу. Книга включала разные рисунки (преимущественно подростков, птиц и цветов), выполненные по фотографиям. Всего в «Золотой книге» было 22 страницы, при этом 13 литографий на золотой бумаге. Каждую из ста копий книги Энди Уорхол лично подписал и разослал издателям.

Д. Кетнер считает, что именно в 1958 г. происходит трансформация: из «Уорхола-иллюстратора» появляется «Уорхол-деятель поп-арта». Произошло это в тот момент, когда Энди захотел соперничать с успехом художников Д. Джонса и Р. Раушенберга в Галерее Лео Кастелли [37: 45].

В 1958 г. картина «Мишень с четырьмя лицами» Д. Джонса появилась на обложке авторитетного журнала «Artnews». Объяснений гения Джонса было множество, но все они сводились, пожалуй, к двум аргументам, что «Джонс выдвинул новую парадигму картины, часто использовал в живописи трафареты», а также «предложил новый тип художника», где «берет начало другой постмодернистский сдвиг – в сторону бесстрастности и антисубъективности, «эстетики безразличия» [9: 445].

Здесь Уорхол столкнулся со своим коллегами, которые были с ним одного возраста, но были успешнее него. Сотрудничать с Д. Джонсом и Р. Раушенбергом не было никакой возможности, поэтому оставалось только принять вызов.

Б. Букло отмечает, что новые знакомства Уорхола и увлечение авангардом сильно повлияли на его рекламный дизайн, он стал более рискованным [15: 43]. Также интересна мысль автора о том, что Уорхол уже с конца 50-х гг. следовал двум новым перформативным стратегиям в создании рисунков: в регистре лингвистических ошибок (допускал ошибки в правописании и неправильном произношении), а также в регистре перцептивных пробелов (пропускал детали, оставлял пустые места).

Б. Букло называет эти стратегии Уорхола «игнорирование» и «опустошение» и считает, что они идентифицируются с нежеланием «соблюдать строгость символического порядка (говорения, письма, рисования)». Уорхол в этот период будто ведёт подрывную деятельность, как бы признавая свою лингвистическую некомпетентность и примитивизм собственных психических образований. Возникшая конфронтация между обложкой журнала как знаковой матрицей и реакцией воображаемого читателя достигается использованием Уорхолом лакун, блокировок и молчания как формального средства. По мнению Б. Букло, это станет предвестником появления монохромных холстов или «пустышек» [15: 3].

Таким образом, вторая половина 50-х гг. стала важнейшим периодом в творчестве Э. Уорхола, переходом его к новому стилю и новому самоопределению – «художнику поп-арта», который стремится к инновациям и новаторству на фоне растущей популярности абстрактного искусства и постмодернистских тенденций в художественной среде того времени.

В 1962 г. Уорхол основал свой авангардный проект «Фабрика», который стал экспериментальной арт-студией не только для самого Уорхола, но и для приглашенных им художников, музыкантов, актеров, режиссеров и сценаристов. Известным художником, продюсером, режиссером, писателем и издателем Уорхол стал на «Фабрике». На

«Фабрике» (позже ее станут называть просто «Офис») он начал снимать фильмы (1963–1976) и продюсировать первую альтернативную рок-группу «The Velvet Underground» (1964).

С. Уотсон отмечает институционализированность «Фабрики», подчеркивая, что она управлялась с помощью триумvirата: Э. Уорхол, Б. Линич и Д. Маланга [36]. В этот период была создана знаменитая серия из 32 картин с банками супа «Кэмпбэлл». По мнению У. Гомпертца, Уорхол послушал совет галериста И. Блюма и стал выставлять всю эту серию целиком, а не по отдельности [23].

А. Данто отмечает, что другая коллекция «Коробки Брилло» уже вызвала обсуждение в академических кругах, например, философ Дж. Дики после знакомства с коллекцией предложил институциональную теорию искусства, когда предмет искусства должен соответствовать нескольким критериям: быть артефактом и быть принятым экспертами [19: 74].

Почти сразу на «Фабрике» Энди Уорхол сменил тему своего творчества – она стала менее жизнеутверждающей: «Не так уж все чудесно в Америке» [1: 213]. Посмертные портреты Мэрилин Монро и серия картин с катастрофами получились крайне политизированными, став гражданским высказыванием Уорхола на тему равнодушия. Это вызвало общественный резонанс: писатель Д. Долтон отказался от подаренной Уорхолом картины, а галеристка и арт-дилер Э. Уорд отказалась выставлять его картины в своей частной галерее.

После скандала в 1963 г. у Уорхола не было ни одной персональной выставки в Нью-Йорке, но он был замечен в Европе, особенно в Германии и во Франции.

В январе 1964 г. состоялась первая выставка работ Уорхола в Галерее И. Соннабенд в Париже. Несмотря на прохладный прием, Уорхол продолжил работать с политической тематикой, и в феврале 1964 г. приступил к работе над портретами Ж. Кеннеди, вдовы президента США Д. Кеннеди, погибшего в ноябре 1963 г.

В период с 1963 по 1972 г. Уорхол «снимал безостановочно и относился к результату своих трудов с небрежностью – наплевательское отношение было частью его эстетики, так что многие фильмы так никогда и не были проявлены» [1: 642]. Деятельность «Фабрики» в этот период часто связывают с появлением кэмп (от фр. «se camp» – держаться вызывающе). Искусственность и преувеличение, свойственные эстетике поп-арта, нашли выражение в игровом фильме Энди Уорхола «Бэтмен Дракула» (1964), который Н. Цыркун считает первой кинолентой в стиле кэмп. Благодаря Уорхолу и появлению кэмп «кинокомикс обрёл свою аутентичную визуальную форму, которая была

характерна для цветистых графических комиксов 1930-х годов, эпохи палп-фикшн, т.е. журнального чтения, печатавшегося на самой дешевой державшей цвет бумаге – пульпе» [11: 172].

Н. Цыркун отмечает важность этого нового культурного поворота: «Это была новая эстетика ярких локальных красок, вошедшей в моду пластиковой мебели и кричащего недорого шика» [7: 172]. Пародийность и ирония спустились в «низкие» жанры [7: 173].

Другие минималистичные фильмы середины 60-х гг. Уорхола были очень успешны («Поцелуй», «Сон», «Бедная богатая девочка» и др.).

В 1964 г. Уорхол провел очередной эксперимент: заявил, что каждый может стать звездой кинофильма и провел кинопробы, которые длились для каждого желающего три или четыре минуты.

С 1965 г. до конца жизни Уорхол сотрудничал и дружил с коллекционерами и филантропами Де Менил. Менеджер Уорхола Ф. Хьюз учился именно у Д. Де Менил, которая с 1964 г. возглавила факультет истории в Университете Святого Томаса (Миннесота, США), куда в мае 1968 г. на встречу со студентами на просмотр и обсуждение фильма пригласили Энди Уорхола со «звездами» «Фабрики»: актрисой Вивой и режиссером П. Моррисси.

В соавторстве с режиссером П. Моррисси Уорхол снял фильм «Девушки из Челси», который был выпущен в 1966 г. и получил широкую известность благодаря своей нестандартной форме, ведь это был первый полнометражный фильм, который использовал технику сплит-скрин (разделение экрана на несколько частей с параллельным показом разных сцен).

Я. Циумакис отмечает, что именно «Девушки из Челси» Уорхола объединили андерграундное и мэйнстимовое кино, получив распространение в коммерческих кругах» [13: 4].

В июне 1966 г. Р. Раушенберг стал первым американцем, получившим главный приз Венецианского биеннале. В ноябре этого же года Э. Уорхол пришёл на бал-маскарад, организованный Т. Капоте, без маски.

Через год «Фабрика» сменила адрес в Нью-Йорке. Уорхол провел свой монтажный эксперимент «24-часовой фильм» (1967), который имел 48-часовую продолжительность и демонстрировался на разделенном надвое экране, чтобы итоговая продолжительность сократилась вдвое.

С. Уотсон называет этот период творчества Уорхола «откровенно некоммерческим» [36: 24], а К. Бэрн и Я. Циумакис отмечают высокую роль актерской игры в его фильмах этого периода, особенно вокал, громкость, тембр и умение разыграть диалоги [13: 276].

В июне 1968 г. после покушения участницы «Фабрики» В. Сола-

нас на Уорхола именно супруги Де Менил помогли найти нужных врачей для лечения художника. Через год Джон пригласил Уорхола в качестве куратора на выставку «Raid the Icebox 1» при школе дизайна Род-Айленда. После неожиданной смерти Джона Де Менила в 1973 г. Уорхола продолжила поддерживать его дочь Ф. Пелицци вместе со своим мужем Х. Фридрихом, галеристом из Германии.

После смерти своей матери Уорхол переехал и оборвал почти все связи со старой «Фабрикой»: «Они все казались ему призраками из прошлого» [36].

Таким образом, переход на менее жизнеутверждающие темы в творчестве на «Фабрике» и создание политизированных работ свидетельствуют о его желании вызвать общественный резонанс, сформулировав гражданское высказывание через искусство. Реакция публики и профессионалов, включая отказы от экспонирования и приобретения его работ, не остановила Уорхола, а скорее подтолкнула к дальнейшему развитию и поиску признания за пределами США, особенно в Европе. Продолжение работы над политической тематикой и создание портретов Жаклин Кеннеди после скандала показывают, что Уорхол стал использовать провокацию как средство выражения своих идей, несмотря на смешанные или негативные реакции аудитории. Это период характеризуется большим количеством экспериментов с новыми формами визуального искусства. Эти эксперименты не только помогли ему преодолевать неудачи, но и определили новый подход к созданию искусства: оно должно стать более доступным и массовым. Среди отделов «Фабрики»: «Независимое кино» (П. Морисси, Й. Мекас), «Поэзия» (А. Гинзберг), «Музыка» (Лу Рид, Нико), «Искусство» (галеристы И. Карп, Л. Кастелли, С. Грин), «Мода» (Э. Седжвик, Д. Дин, Вива, Д. Холер).

В 1969 г. Уорхол основал журнал «Interview» – как форум для общения и обмена идеями между деятелями культуры. Уорхол использовал свой опыт, чтобы создать эстетически привлекательный журнал, который мог бы привлечь внимание читателей. Важный элемент журнала – его оригинальный дизайн и обилие фотографий. Уорхол и его команда часто создавали фотоэссе, что стало уникальным опытом для читателей журнала. Это подходило к стилю Уорхола, который был обращён к массовой культуре и активно использовал изображения из рекламы, кино и телевидения в своей работе.

Уорхол стал не наблюдателем, а активным участником любого события [5: 79].

В середине 70-х гг. к Уорхолу пришла настоящая слава: он два раза побывал в Белом доме на встрече с президентом США Д. Фордом, его пригласили на встречу с вице-президентом Н. Рокфеллером. Затем

последовал рекламный тур его новой книги «Философия Энди Уорхола», ставшей бестселлером в Лондоне. Здесь согласимся с Э. Курридом, изучающим влияние Уорхола на развлекательную индустрию того времени. Он отмечает высокую роль Уорхола в установлении связи между креативностью и рынком, когда ценность вещей стали определять эксперты (организации, галереи, газеты) [18: 24].

У. Гомперц называет Уорхола замечательным художником, который избрал в это время в качестве своей основной темы общество потребления, но пошел дальше и превратил себя в бренд – «он стал олицетворением всего, что пытался сказать о скупом, помешанном на знаменитостях мире, в котором жил» [23].

В ноябре 1970 г. к «Интервью» присоединился кинокритик авторитетного издания «Village Voice» Б. Колачелло [22: 93]. Б. Колачелло, главный редактор «Interview» в 1970–1983 гг., вспоминает, что Уорхол назвал это время «действительно гламурным» [17: 447].

Уорхол давал десятки интервью, самый популярный вопрос был про его доходы. С этого времени интервью Уорхола пропитаны иронией [2: 252–405]: «В интервью Энди стремится дестабилизировать обстановку. Он выбивает из душевного равновесия всех вокруг – особенно тех, кто возомнил, что умеет отличать хорошее произведение от плохого, дельное занятие – от бесполезного» [2: 409]. На одной из встреч с читателями его спросили, откуда его родители, он соврал, ответив, что из Питтсбурга [2]. В интервью журналу «Score» в марте 1973 г. он отмечал, что после «Фабрики» всегда спешит домой, чтобы проконтролировать, приняла ли его пожилая мать таблетки [2: 241].

Таким образом, Энди Уорхол мастерски использовал провокацию и медийное внимание для формирования своего образа в культуре. Основание журнала «Interview» в 1969 г. было стратегическим шагом Уорхола, направленным на создание платформы для обмена идеями между деятелями культуры, что также служило средством для продвижения его собственного творчества. Журнал, благодаря своему уникальному дизайну и обилию фотографий, стал не только эстетически привлекательным, но и представлял Уорхола и его команду как активных участников всех культурных событий, что укрепляло его особый статус в медийном пространстве. Уорхол активно использовал медийные возможности для укрепления своего имиджа как центральной фигуры в искусстве и поп-культуре. Его участие в различных мероприятиях, включая встречи с президентом США и другими важными политическими фигурами, а также многочисленные публичные выступления и туры в поддержку своих книг продемонстрировали его умение привлекать внимание к своим работам. Привлечение известных фигур к работе в «Interview» (кинокритик

Б. Колачелло), а также активное участие в создании контента для журнала подчёркивали его роль как медиаперсоны, что помогло Уорхолу не только влиять на общественное мнение, но и формировать тренды в современной культуре. Ироничный подход Уорхола к интервью и публичным выступлениям позволил зрителям взглянуть на него самого как на проявление современного общества. Способность эпатировать публику и играть с её ожиданиями стала важной частью его образа.

В 1976 г. в швейцарском Цюрихе Уорхол навестил Т.Аммана, своего арт-дилера, который познакомил его с новой миниатюрной камерой «Минокс 35 EL». Та включала все лучшие качества камеры по мнению Уорхола: была простой и портативной. «С того момента Уорхол встал на путь фото-Одиссеи» [37: 54]. За последнее десятилетие жизни он успел сделать около ста тысяч фотографий. Для Уорхола позировали: президент США Дж. Картер, футболист Пеле, актер А. Шварценеггер, боксер М. Али, писатель Т. Капоте, писатель У. Берроуз, модельер Д. Версаче, художники Р. Раушенберг и Д. Шнабель, фотограф Р. Маплторп, график К. Харинг, обозреватель Д. Вриланд, безымянные модели. Многие фотографии были сделаны в «Студии 54», скандально известном ночном клубе Нью-Йорка, частыми посетителями которого были его друзья и знакомые: модельер Холстон, музыканты М. Джаггер, актеры Л. Минелли, Э. Тейлор, С. Сталлоне и др. Иногда кажется, что Уорхол фотографировал в это время все, что его окружало: коробки из-под макарон «Brillo» и супа «Campbell's», бутылки из-под парфюма, летучую мышь, цветы, детские игрушки [22].

23 июля 1979 г. в Лондоне Энди Уорхол зашёл в несколько магазинов для панков. Один из них назвался «Сидишенэрис» и принадлежал М. Макларену (с 1974 г. менеджеру панк-группы «Sex pistols») и дизайнеру В. Вествуд. Уорхол вспоминал, что купил там несколько рубашек, «их можно обвязать вокруг себя» [8: 320], что можно интерпретировать «те рубашки сгодятся лишь на то, чтобы ими обвязаться».

По мнению М. Лоиконо, это может быть очень важным событием, хоть Уорхол и был центральной фигурой панк-сцены Нью-Йорка с самого начала (например, певица Патти Смит появилась на обложке первого выпуска журнала «Интервью» ещё в октябре 1973 г.; тогда же была напечатана фотосессия К. Мэйкоса с рок-музыкантами и актёрами Т. Верленом и Р. Хеллом), но в этот раз Уорхол убедился не просто в возрождавшейся панк-культуре тедди-боев, но у него могло появиться «чувство расширения прав и возможностей и культурной легитимности» [29: 117].

С 1983 г. Уорхол стал сотрудничать с Ж.-М. Баския, молодым ху-

дожником-граффитистом. Их самая известная выставка называлась «Уорхол, Баския: картины» и проходила в галерее Т. Шафрази в Нью-Йорке в 1985 г. На этой выставке были представлены совместные и индивидуальные работы обоих художников. Эта выставка стала одной из самых значимых и известных в их карьерах, имела большой успех как у критиков, так и у публики [31].

Б. Букло, изучая рисунки Уорхола в этот период, отмечает переосмысление им традиционных подходов к рисованию, превращение рисования в механический и анонимный процесс, что отражает его критическое отношение к коммерциализации искусства [16].

С. Сонтаг подчёркивает особую роль Уорхола в появлении интереса художников к обычному человеку: «В широких полях американской действительности, со страстью каталогизированной Уитменом и с пожатием плеч увиденной Уорхолом, каждый – знаменитость. Ни один момент не важнее любого другого, ни один человек не интереснее любого другого» [6: 44].

Таким образом, в период 1976–1987 гг. ярко проявился интерес Энди Уорхола к жизни разных людей, субкультур, моде. Его увлечение фотографией и способность фиксировать жизнь в таких местах, как «Студия 54», его интерес к панк-культуре, сотрудничество с художником Ж.-М. Баския, – свидетельствуют о его стремлении задокументировать часто разрушительное влияние общества потребления на людей, заархивировать широкий спектр возникших из-за этого человеческих эмоций, новых социальных ролей. Работы Уорхола этого периода часто отражают иронию и критику существующих тогда идеалов красоты и успеха.

В 70-е Энди Уорхол для общения все чаще стал использовать телефон: во-первых, он часто ощущал себя неловко в большой компании (особенно после покушения В. Соланас); во-вторых, по телефону можно было решить большинство важных вопросов, например с налоговой службой. Важную роль в это время для Уорхола сыграла П. Хэккетт, которая сначала помогала составлять отчеты для налоговой (Internal Revenue Services), а позже написала «Философию Энди Уорхола» (1975) в соавторстве с Б. Колачелло, редактором журнала «Interview». П. Хэккетт регулярно звонила Уорхолу в период с 1976 г. до самой его смерти в 1987 г. и записывала на диктофон почти все их разговоры. Часть этих разговоров была опубликована при жизни художника: книги «ПОПизм» (1980) и «Америка» (1985), часть после смерти – «Дневники Энди Уорхола» (1989).

В предисловии к «Дневникам» П. Хэккетт отмечает: «Когда Уорхол уезжал из Нью-Йорка, он либо звонил мне оттуда, где находился, либо же наспех нацарапывал всё на отдельных листках, обычно на

почтовой бумаге с адресом гостиницы, а потом, по возвращении в Нью-Йорк, зачитывал мне эти записи по телефону, причём нередко умолкал, пытаясь расшифровать свой почерк» [8: 18; 35]. «Дневники» стали отправной точкой для документального проекта «Дневники Энди Уорхола» (2022) [28].

В марте 1985 г. картина Уорхола появилась на обложке журнала «Артфорум», самого престижного журнала об искусстве, с восторженной рецензией на его образ в культуре [32]. В этом же году Уорхол появился в нескольких телевизионных шоу, что, по мнению Б.Джозефа, свидетельствует о «уорхолизации» искусства, когда искусство и потребительская культура могут существовать в симбиозе, предвещая эпоху, когда арт-рынок и развлекательная индустрия становятся практически неразделимы [26: 9].

М. Маццоне отмечает, что для художников новых медиа Уорхол может быть образцом, особенно «в вариативности производства в наш вычислительный век» [30: 182].

Таким образом, использование Уорхолом телефона как инструмента для общения и создание вместе с П.Хэкетт обширного архива разговоров стали не только способом справиться с последствиями травмы, но и важной частью его культурного наследия, предоставляя глубокий взгляд на его жизнь и эпоху, в которой он жил.

Итак, творчество Энди Уорхола оставило неизгладимый след в истории искусства XX в., демонстрируя уникальный подход к визуализации культурных тенденций и потребительской культуры. Его карьера характеризуется несколькими ключевыми периодами, начиная с ранних лет: обучение в Технологическом институте Карнеги, где он начал формировать свои первые серьёзные художественные идеи под влиянием как преподавателей, так и однокурсников. Переезд в Нью-Йорк открыл для Уорхола новые горизонты и возможности для реализации своего потенциала. Работа в рекламной индустрии и взаимодействие с богемной средой Гринвич-Виллидж способствовали развитию его уникального стиля, который позже трансформировался в поп-арт. Этот период стал важным для его профессионального становления и признания. Затем наступила эра «Фабрики», когда Уорхол создал свои самые известные произведения и оказался в центре американской культурной жизни. Этот период характеризовался интенсивными экспериментами с медиа, созданием фильмов и продюсированием музыкальных групп, что значительно расширило границы его творчества. С 1970-х гг. Уорхол стал активно использовать медийные ресурсы для формирования своего образа в культуре, основывал журнал «Interview», став значимой фигурой в области изобразительного искусства. Его способность привлекать

внимание к своим работам и создавать новые тренды подчёркивает его значительную роль с точки зрения медиа. В последние годы жизни Уорхол продолжил документировать жизнь общества, используя фотографию как средство фиксации моментов культурной жизни, что отражает его интерес к различным социальным слоям и культурным течениям. Его творчество стало важным мостом между традиционным искусством и современной массовой культурой, оказало влияние на многие поколения художников. Творчество Уорхола предвосхитило слияние важных элементов культурной индустрии – печати, экрана и компьютерной коммуникации. Уорхол стал человеком, который сконструировал новый актуальный образ художника, ввёл моду на публичный стиль жизни, на постоянный поиск актуальных тем в творчестве.

Исследование жизни и творчества Энди Уорхола открывает новые перспективы для понимания эволюции современного искусства и культуры, демонстрируя, как личные и профессиональные взаимодействия с различными людьми способствовали его становлению как выдающегося художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокрис В. Уорхол. М.: РИПОЛ классик, 2019. 647 с.
2. Голдсмит К. Я стану твоим зеркалом: Избранные интервью Энди Уорхола (1962–1987). М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 432 с.
3. Гомбрих Э. История искусства. М.: Искусство-XXI век, 2016. 688 с.
4. Корсаков К.В. Энди Уорхол – выдающийся представитель русинской эмиграции // Русин. 2017. № 4 (50). С. 198–206.
5. Мехоношин В. Американское независимое кино как феномен культуры 1960–2000-х гг. Пермь: Изд-во Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та, 2014. 162 с.
6. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
7. Уорхол Э. Америка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 224 с.
8. Уорхол Э. Дневники Энди Уорхола. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 1024 с.
9. Фостер Х. и др. Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 816 с.
10. Хренов Н. Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс. М.: Аграф, 2007. 496 с.
11. Цыркун Н. Вселенная супергероев. Американский комикс: история и мифология. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 320 с.
12. Andeson K. Who was Andy Warhol? New York: Penguin Workshop, 2014. 112 с.

13. *Baron C., Tzioumakis Y.* Acting Indie: Industry, Aesthetics, and Performance. London: Palgrave Macmillan UK, 2020.
14. *Bolton L.* Andy Warhol (Artists in Their Time). London: Franklin Watts, 2002. 46 p.
15. *Buchloh B.* Andy Warhol's One-Dimensional Art: 1956–1966 // Andy Warhol: A Retrospective. New York: Bullfinch Press/Little, Brown, 1989.
16. *Buchloh B.H.* Drawing Blanks: Notes on Andy Warhol's Late Works // October. 2009. P. 3–24.
17. *Colacello B.* Holy terror. Andy Warhol close up. New York: Vintage Books, 2014. 738 p.
18. *Currid E.* The Warhol economy. How fashion, art, and music drive New York city. New Jersey: Princeton university press, 2007. 208 p.
19. *Danto A.* Andy Warhol. London: Yale University Press, 2009. 192 p.
20. *Galenson D.W.* Revising the Canon: How Andy Warhol Became the Most Important American Modern Artist. Rochester, New York: Social Science Research Network, 2021.
21. *Golden R.* (ed.) Andy Warhol. Seven Illustrated Books 1952–1959. Cologne: Taschen, 2017.
22. *Golden R.* (ed.) Andy Warhol. Polaroids 1958–1987. Cologne: Taschen, 2020.
23. *Gompertz W.* Andy Warhol's great secret. URL: https://www.salon.com/2012/10/21/andy_warhols_great_secret/ (дата обращения: 15.01.2023).
24. *Gopnik B.* Warhol: A Life as Art. New York: Penguin, 2020. 960 p.
25. *Holland J.C.* Review: Photo Revolution: Andy Warhol to Cindy Sherman // Afterimage. 2020. T. 47, № 1. P. 78–85.
26. *Joseph B.* Something One Recognizes Yet Can't See: Andy Warhol in and as Media // Grey Room. 2019. № 77. P. 6–37.
27. *Lania N.* Andy Warhol: Marginalization, Childhood Illness and Performativity in Portraiture // Art Journal. 2015. Is. 1. Article 4. P. 37–54.
28. *Lee S.* Andrew Rossi's New Docuseries Brings Andy Warhol's Private Diaries to Life. URL: <https://www.interviewmagazine.com/film/andrew-rossi-new-docuseries-brings-andy-warhol-private-diaries-to-life> (дата обращения: 29.01.2022).
29. *Loiacono M.* Out from the shadows: Andy Warhol's abstractions. New York: ProQuest Dissertations Publishing, 2016. 327 p.
30. *Mazzone M.* Andy Warhol: Computational Thinking, Computational Process // Leonardo. 2020. Vol. 53, № 2. P. 179–182. doi: 10.1162/leon_a_01574
31. *McGuigan C.* New art, new money. URL: <https://www.nytimes.com/1985/02/10/magazine/new-art-new-money.html> (дата обращения: 21.02.2023).
32. *Ratcliff C.* Andy Warhol: inflation artist. URL: <https://www.artforum.com/print/198503/andy-warhol-inflation-artist-35263> (дата обращения: 01.02.2023).

33. *Rusinko E.* «We Are All Warhol's Children»: Andy and the Rusyns // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 2012. № 2204. P.1–90. doi: 10.5195/cbp.2012.188

34. *Simoniti V.* «Andy Warhol», Tate Modern, London, 12 March – 15 November 2020; then Museum Ludwig, Cologne, 12 December 2020 – 18 April 2021 // *The British Journal of Aesthetics*. 2021. Vol. 61, № 1. P. 107–109. doi: 10.1093/aesthj/ayaa045

35. *Teodorczuk T.* The Andy Warhol Diaries: 25 years on. URL: https://www.christies.com/features/Warhol_Diaries-5662-1.aspx (дата обращения: 05.01.2023).

36. *Watson S.* *Factory Made: Warhol and the Sixties*. New York: Pantheon, 2003. 512 p.

37. *Image machine – Andy Warhol & photography*: this catalog accompanies the Exhibition *Image Machine: Andy Warhol and Photography*, Contemporary Arts Center, Cincinnati, Ohio, September 22, 2012 – January 13, 2013 ; Rose Art Museum, Brandeis University, Waltham, Massachusetts, September 19 – December 20, 2013. Nürnberg: Verl. für Moderne Kunst, 2012. 199 p.

38. *The Andy Warhol Diaries (Дневники Энди Уорхола): первый сезон* / [режиссер: Эндрю Росси; исполнительные продюсеры: Р. Мерфи, Д. Браун и др.]. США: Netflix, 2022. 6 серий. URL: <https://www.netflix.com>

REFERENCES

1. Bokris, V. (2019) *Uorkhol* [Warhol]. Moscow: RIPOL klassik.
2. Warhol, A. (2016) *Ya stanu tvoim zerkalom: Izbrannye interv'yu Endi Uorkhola (1962–1987)* [I'll Be Your Mirror: The Selected Andy Warhol Interviews. (1962–1987)]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Gombrich, E. (2016) *Istoriya iskusstva* [History of Art]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo-XXI vek.
4. Korsakov, K.V. (2017) Andy Warhol – an outstanding representative of the Rusin emigration. *Rusin*. 4(50). pp. 198–206 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/50/13
5. Mekhonoshin, V. (2014) *Amerikanskoe nezavisimoe kino kak fenomen kul'tury 1960 – 2000-kh gg.* [American independent cinema as a cultural phenomenon in the 1960s – 2000s]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University.
6. Sontag, S. (2013) *O fotografii* [About photography]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
7. Warhol, A. (2014) *Amerika* [America]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
8. Warhol, A. (2015) *Dnevnik Endi Uorkhola* [Andy Warhol's Diaries]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.

9. Buchloh, B., Foster, H. et al. (2015) *Iskusstvo s 1900 goda: modernizm, antimodernizm, postmodernizm* [Art since 1900: modernism, antimodernism, postmodernism]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.

10. Khrenov, N. (2007) *Publika v istorii kul'tury. Fenomen publiki v rakurse psikhologii mass* [Public in the history of culture. The phenomenon of the public in the perspective of the psychology of the masses]. Moscow: Agraf.

11. Tsyrukun, N. (2020) *Vselennaya supergeroev. Amerikanskiy komiks: istoriya i mifologiya* [Universe of superheroes. American comics: history and mythology]. Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

12. Andeson, K. (2014) *Who was Andy Warhol?* New York: Penguin Workshop.

13. Baron, C. & Tzioumakis, Y. (2020) *Acting Indie: Industry, Aesthetics, and Performance*. London: Palgrave Macmillan UK.

14. Bolton, L. (2002) *Andy Warhol (Artists in Their Time)*. London: Franklin Watts.

15. Buchloh, B. (1989) "Andy Warhol's One-Dimensional Art: 1956-1966." In: McShine, K. (ed.) *Andy Warhol: A Retrospective*. New York: Bullfinch Press/Little, Brown.

16. Buchloh, B.H. (2009) Drawing Blanks: Notes on Andy Warhol's Late Works. *October*. 127. pp. 3-24. doi: <https://doi.org/10.1162/octo.2009.127.1.3>.

17. Colacello, B. (2014) *Holy terror. Andy Warhol close up*. New York: Vintage Books.

18. Currid, E. (2007) *The Warhol economy. How fashion, art, and music drive New York city*. New Jersey: Princeton university press.

19. Danto, A. (2009) *Andy Warhol*. London: Yale University Press.

20. Galenson, D.W. (2021) *Revising the Canon: How Andy Warhol Became the Most Important American Modern Artist*. Rochester, NY: Social Science Research Network.

21. Golden, R. (ed.) (2017) *Andy Warhol. Seven Illustrated Books 1952-1959*. Cologne: Taschen.

22. Golden, R. (ed.) (2020) *Andy Warhol. Polaroids 1958-1987*. Cologne: Taschen.

23. Gompertz, W. (2012) *Andy Warhol's great secret*. [Online] Available from: https://www.salon.com/2012/10/21/andy_warhols_great_secret/ (Accessed: 15th January 2024).

24. Gopnik, B. (2020) *Warhol: A Life as Art*. New York: Penguin.

25. Holland, J.C. (2020) Review: Photo Revolution: Andy Warhol to Cindy Sherman. *Afterimage*. 47(1). pp. 78-85.

26. Joseph, B. (2019) Something One Recognizes Yet Can't See: Andy Warhol in and as Media. *Grey Room*. 77. pp. 6-37.

27. Lania, N. (2015) Andy Warhol: Marginalization, Childhood Illness and Performativity in Portraiture. *Art Journal*. 1. pp. 37-54.

28. Lee, S. (2022) *Andrew Rossi's New Docuseries Brings Andy Warhol's Private Diaries to Life*. [Online] Available from: <https://www.interviewmagazine.com/>

film/andrew-rossi-new-docuseries-brings-andy-warhol-private-diaries-to-life (Accessed: 29th January 2024).

29. Loiacono, M. (2016) *Out from the shadows: Andy Warhol's abstractions*. New York: ProQuest Dissertations Publishing.

30. Mazzone, M. (2020) Andy Warhol: Computational Thinking, Computational Process. *Leonardo*. 53(2). pp. 179–182. doi: 10.1162/leon_a_01574

31. McGuigan, C. (1985) *New art, new money*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/1985/02/10/magazine/new-art-new-money.html> (Accessed: 21st February 2024).

32. Ratcliff, C. (1985) *Andy Warhol: inflation artist*. [Online] Available from: <https://www.artforum.com/print/198503/andy-warhol-inflation-artist-35263> (Accessed: 1st February 2024).

33. Rusinko, E. (2012) “We Are All Warhol’s Children”: Andy and the Rusins. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 0(2204). pp. 1–90. doi: 10.5195/cbp.2012.188

34. Simoniti, V. (2021) “Andy Warhol”, Tate Modern, London, 12 March – 15 November 2020; then Museum Ludwig, Cologne, 12 December 2020 – 18 April 2021. *The British Journal of Aesthetics*. 61(1). pp. 107–109. doi: 10.1093/aesthj/ayaa045

35. Teodorczuk, T. (2015) *The Andy Warhol Diaries: 25 years on*. [Online] Available from: https://www.christies.com/features/Warhol_Diaries-5662-1.aspx (Accessed: 5th January 2024).

36. Watson, S. (2003) *Factory Made: Warhol and the Sixties*. New York: Pantheon.

37. Ketner, J.D. et al. (eds) (2012) *Image machine – Andy Warhol & photography: this catalog accompanies the Exhibition Image Machine: Andy Warhol and Photography, Contemporary Arts Center, Cincinnati, Ohio, September 22, 2012 – January 13, 2013. Rose Art Museum, Brandeis University, Waltham, Massachusetts, September 19 – December 20, 2013*. Exhibition, Nürnberg: Verl. für Moderne Kunst.

38. *The Andy Warhol Diaries*. Directed by Andrew Rossi; executive producers: Ryan Murphy, Josh Braun, et al. USA: Netflix, 2022. 6 episodes. [Online] Available from: <https://www.netflix.com>.

Мехоношин Василий Юрьевич – кандидат культурологии, преподаватель истории ЧОУ «Паскаль лицей» (Россия).

Vasiliy U. Mekhonoshin – PhD in cultural studies, Pascal lyceum (Russia).

E-mail: jamesholt87@gmail.com

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/76/13

**Рецензия
на монографию М.К. Юрасова «Венгрия
и русские княжества в XII в.».
Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр
гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.**

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

***Review: Hungary and Russian Principalities
in the 12th Century by Mikhail K. Yurasov.
St. Petersburg: Petroglyph, Center for
Humanitarian Initiatives, 2019. 496 p.***

Stanislav V. Morozov

Belgorod State National Research University

85 ul. Pobedy, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: roland60@mail.ru

После выхода в свет в 1968 г. монографии В.Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» [1], имевшей обобщающий характер, его ученики продолжили изучение отдельных сюжетов и эпизодов внешнеполитической истории Восточной Европы домонгольского времени. Однако это не привело к появлению исследований, в которых последовательно анализировались бы все сведения о контактах Руси с тем или иным соседним государством на протяжении длительного периода времени или целой эпохи. Монография М.К. Юрасова [2]

ставит своей целью осветить, насколько позволяют источники, историю русско-венгерских отношений на протяжении XII в.

Венгерские исследователи уделяли значительно больше внимания изучению связей и контактов своей родины с восточными соседями в Средние века, чем их советские, а позднее – российские и украинские коллеги. Однако при этом их работы либо посвящены отдельным значимым эпизодам и кратким историческим периодам, либо имеют обобщающий характер, в который не всегда вписываются малозначимые (с их точки зрения) события и дискуссии, касающиеся мелких нюансов некоторых эпизодов.

Наибольший вклад в изучение русско-венгерских отношений в Средние века внесла М. Фонт. Результаты своих многолетних исследований она изложила в монографии «Короли из династии Арпадов и князья Рюриковичи» [3], недавно вышедшую в переводе на английский язык [4] с изменениями и дополнениями. Как видно из названий этих книг, они охватывают эпоху от рубежа IX–X вв. до 1301 г. Вторая из названных монографий М. Фонт вышла позже рецензируемой работы, автор которой на протяжении четверти века внимательно следил за творчеством венгерских исследователей и их коллег из России и других стран, занимавшихся историей русско-венгерских отношений IX–XII вв., а также изучал научное наследие их предшественников.

М.К. Юрасов так же, как и М. Фонт, написал монографию на основании исследования отдельных эпизодов и небольших периодов истории взаимоотношений Руси и Венгрии в XII в., но в отличие от венгерской исследовательницы в своём труде стремился свести к минимуму материалы обобщающего характера. В монографии М.К. Юрасова отсутствуют сводные хронологические таблицы, касающиеся отдельных «сюжетных линий» развития связей и контактов между двумя соседними народами. Он сознательно отказался от ограничения своего исследования рассмотрением династических браков, военных походов и союзов, как это сделала М. Фонт, поставив перед собой иную цель: выявить и оценить всю доступную и возможную (гипотетическую) информацию, прямо или косвенно относящуюся к истории русско-венгерских отношений XII в.

В результате М.К. Юрасову удалось расширить источниковую базу своего исследования, включив в него анализ археологического материала (остатки обнаруженной украинскими археологами ротонды в окрестностях Галича, на основании чего (с привлечением «татищевского известия») они считают, что жена основателя Галицкого княжества Владимира Володаревича была венгеркой [2:156–159]); сведения арабского путешественника ал-Гарнати, привезшего киев-

скому князю Изяславу Мстиславичу в 1153 г. письмо от венгерского короля Гезы II [2: 350]; сочинение райхерсбергского настоятеля Герхоха «Из комментариев к псалмам», в котором он вспоминает о своей неудачной миссии в Венгрию и на Русь, сорванную Гезой II [2: 342–345]. Понимая, с какой осторожностью следует относиться к «татищевским известиям», М.К. Юрасов тем не менее стремится оценить степень возможного отражения ими реальной действительности. Все эти сведения не привлекались венгерскими историками.

После вступительных глав, представляющих собой обзор источников [2: 9–56] и историографический очерк [2: 57–112], М.К. Юрасов анализирует события первой четверти XII в., причём в ракурсе истории русско-польско-венгерских отношений, поскольку это было время, когда южнорусские княжества, Польша и Венгрия были втянуты в общую борьбу против князей или герцогов-сепаратистов, время от времени устраивавших междоусобицы в каждой из названных стран [2: 113–143]. Тогда верховным правителям Польши, Венгрии и киевским князьям удалось сохранить верность принципу отказа от любой военной помощи зачинщикам междоусобиц, даже если они являлись их зятями.

Особое внимание М.К. Юрасов уделяет судьбе Бориса Калмановича [2: 173–225] – внука Владимира Мономаха, мать которого её муж – венгерский король Калман Книжник – обвинил в прелюбодеянии и выслал на Русь, не признав Бориса своим сыном. Подробнейшим образом, с учётом дискуссий историков по некоторым спорным вопросам, в рецензируемой монографии исследуются походы Гезы II в Южную и юго-западную Русь в 1148–1152 гг. [2: 261–336]. Затрагивая периоды относительного затишья в русско-венгерских отношениях в конце 30-х – начале 40-х гг. [2: 227–259] и в середине 50-х – начале 70-х гг. XII в. [2: 337–391], М.К. Юрасов стремится найти причины этого затишья и увидеть предпосылки для нового оживления взаимоотношений между двумя соседними народами.

М.К. Юрасов ярко показал, как в середине XII в. происходит постепенная девальвация внешнеполитических целей, которые ставили перед собой венгерские короли относительно Руси. С одной стороны, падение политической роли Киева отбило у венгерских королей желание помогать своим русским родственникам в борьбе за «матерь городов русских», с другой стороны, обособление юго-западной Руси вызывало соблазн у Арпадов и их окружения расширить свои владения за счёт этой приграничной с Венгрией области. Впервые такая попытка была предпринята в 1188 г., когда Беле III удалось посадить на галицкий стол своего сына Андраша. М.К. Юрасов приводит ряд весомых аргументов против господствующей в историографии точки

зрения о пребывании Андраша в Галиче в течение года, доказывая, что он вернулся на родину в 1190 г. [2: 432–438]. Тем не менее, как указывает исследователь, хотя эта попытка закончилась неудачей, она знаменовала собой радикальную смену главной цели Арпадов в отношении восточных соседей: поддержку родственников венгерских королей на киевском столе сменило стремление сделать будущую Галичину частью территории Венгрии [2: 454], что ярко проявилось после 1205 г.

Автор рецензируемой работы обратил внимание на целый ряд нюансов в истории русско-венгерских отношений, не замеченных его коллегами. М.К. Юрасов отмечает роль владимиристо-волинского князя Ярослава Святополковича как фактического руководителя русско-венгерского войска, помогавшего польскому князю Болеславу III Кривоустому в борьбе с оспаривавшим у него престол сводным братом Збигневом [2: 449]. Исследователь также приводит дополнительные аргументы в пользу версии Н.Г. Бережкова, согласно которой галицкий князь Владимир Володаревич в 1152 г. дважды спасался бегством от армии Гезы II, не соглашаясь с утверждением А.Н. Насонова, что в Лаврентьевской летописи продублированы сведения об одном таком бегстве [2: 326–329]. По мнению М.К. Юрасова, капитулировавший тогда перед силами собранной Изяславом Мстиславичем и Гезой II коалиции Владимир Володаревич сумел одержать дипломатическую победу над своими противниками, добившись возвращения их в свои земли, после чего он отказался от всех данных им клятв и сохранил в составе Галицкого княжества отобранные им у Киева города [2: 332–335, 345–348].

В правление Мануила I Комнина (1143–1180) огромное влияние на русско-венгерские отношения оказывала Византия, добившаяся после смерти Гезы II (1162) подчинения Венгрии своему влиянию. Заслугой М.К. Юрасова является то, что он показал, какую роль в смене политических приоритетов Арпадов на Руси сыграл Андроник Комнин – двоюродный брат Мануила и будущий император. Являясь также двоюродным братом галицкого князя Ярослава Осмомысла, Андроник способствовал примирению Венгрии и Галича и потере интереса венгерских королей к борьбе их русских родственников за Киев [2: 355–357, 380–383]. Анализируя сообщаемые византийским хронистом Иоанном Киннамом (в греческой транскрипции) имена русских князей, обещавших Мануилу I военную помощь против Венгрии, М.К. Юрасов приводит аргументы в пользу того, что одним из них, скорее всего, был переяславский князь Глеб Юрьевич [2: 382].

Освещая различные этапы истории русско-венгерских отношений

XII в., М.К. Юрасов, в отличие от своих предшественников, прежде всего описывает политическую ситуацию в Венгрии и южнорусских княжествах, соотношение сил внутри борющихся за власть групп знати. Так же исследователь поступает и в случаях смены королей в Венгрии и князей в Киеве и Галиче.

М.К. Юрасов в рецензируемой монографии уделяет внимание и истории предков современных подкарпатских русинов. По его мнению (не разделяемому венгерскими коллегами), восточные славяне проживали на территории современной Венгрии ещё до поселения там самих мадьяр. В XII в. там ещё существовала пограничная с русскими землями Русская марка, получившая своё название от проживавшего там населения, которая также рассматривается в рецензируемой монографии [2: 181–185], как и переселение отдельных групп «рутен» (русских) на земли венгерской короны после женитьбы Калмана Книжника на Евфимии Владимировне в 1112 г. [2: 152–155] и в эпоху Белы III (1172–1196) [2: 404–405]. М.К. Юрасов также поддержал мнение К.Я. Грота, что проживавшие тогда в Венгрии русины могли оповещать галичских князей о выступлении в поход на Русь королевского войска [2: 298].

Монография М.К. Юрасова является на сегодняшний день самым подробным исследованием русско-венгерских отношений в XII в. Она во многом опирается на достижения венгерских историков. Польскую историографию (особенно последних десятилетий) автор знает не так досконально, как венгерскую, но это отнюдь не умаляет перечисленных выше достоинств рецензируемой работы. Остаётся дожидаться, когда М.К. Юрасов так же «на микроуровне» изложит историю более раннего периода взаимоотношений двух соседних народов, проживавших по разные стороны от восточной линии Карпатских хребтов, которой он тщательно занимался в течение четверти века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
2. *Юрасов М.К.* Венгрия и русские княжества в XII в. СПб.: Петроглиф; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.
3. *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. 330 s.
4. *Font M.* The Kings of the House of Árpád and the Rurikid Princes: Cooperation and Conflict in Medieval Hungary and Kievan Rus'. Budapest, 2021. 356 p.

REFERENCES

1. Pashuto, V.T. (1968) *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Ancient Rus]. Moscow: Nauka.
2. Yurasov, M.K. (2019) *Vengriya i russkie knyazhestva v XII v.* [Hungary and Russian Principalities in the 12th Century]. St. Petersburg: Petroglif, Center for Humanitarian Initiatives.
3. Font, M. (2005) *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. Szeged: Balassi kiadó kft.
4. Font, M. (2021) *The Kings of the House of Árpád and the Rurikid Princes: Cooperation and Conflict in Medieval Hungary and Kievan Rus'*. Budapest: Research Centre for the Humanities.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: ro1and60@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2024. № 76

Республиканская общественная ассоциация «Рүсь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 262 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.06.2024.

Формат 60х90 ^{1/16}.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 30/0325.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

